

альманах

№3 (28) 2003

Издаётся с 1995 года

УЧРЕДИТЕЛИ:

Новгородский
Государственный
Университет
им. Ярослава Мудрого,
Администрация Новгородской
области

**АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН.
ИСКУССТВО ВНЕ ИГРЫ**

Выбрав главным персонажем своего творчества Россию и воплощающего её, как в хорошем, так и в плохом, русский народ, Солженицын этих двух своих героев от себя не отделяет. Они часть его самого.

Статью Павла Фокина читайте на стр. 42.

СОДЕРЖАНИЕ:

НОВГОРОД

<i>Нинель КУЗЬМИНА</i> —	
Возрождение из руин	3
<i>Валентин ЯНИН, Андрей ЗАЛИЗНЯК,</i>	
<i>Елена РЫБИНА</i> —	
Открытое письмо к новгородцам	8
<i>Дмитрий ЛИХАЧЕВ</i> —	
О Поветкине	9
<i>Владимир ЯДРЫШНИКОВ</i> —	
Новгородское зодчество в эпоху перелома	10
<i>Алексей ФРОЛОВ</i> —	
Легендарный Игнач крест	15

ЭХО

<i>Нинель КУЗЬМИНА</i> —	
Дом Чертолина	20
<i>Людмила СЕКРЕТАРЬ</i> —	
«Келейные письма» Амвросия Юшкевича	25
<i>Нина ФЁДОРОВА</i> —	
«Утешение» Льва Толстого	28
<i>Екатерина ИВАНОВА</i> —	
Судьба трех новгородских газет	31

КАФЕДРА

<i>Вера РОМАШОВА</i> —	
Поэт самобытного дарования	34
<i>Павел ФОКИН</i> —	
Александр Солженицын. Искусство вне игры	42
<i>Михаил БУДАРАГИН</i> —	
Алеша и Смердяков	47
<i>Юлий ЦИРКИН</i> —	
Цезареубийца Марк Брут	51

ГОРЕНКА

<i>Марина БУРЬЯК</i> —	
Долгая дорога к истокам	59

ПЕРО

<i>Тамара СИГАЛОВА</i> —	
Стихи	65
<i>Михаил БУДАРАГИН</i> —	
Стихи	65
<i>Кристина БРЮКНЕР</i> —	
Ты ошибаешься, Лисистрата	69
<i>Ирина САВИНОВА</i> —	
Красный крест в белом безмолвии	73

АРХИВ

Галия НАСУРДИНОВА — Свинцовые сумерки в урочище Пандрино	82
Татьяна ДАНЬКО — Судебные инстанции Новгородской губернии 1802–1917	93

ЭРМИТАЖ

Людмила ГОРОХОВСКАЯ — Распродажи из Эрмитажа	102
---	-----

МАСТЕРА

Владимир ЯРЫШ — «Чин берестовых строк»	104
---	-----

ВЕРНИСАЖ

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО — Штрихи времени	111
М. ШЕЙНИНА — Пути шествия художника Юрия Столярова	114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тамара СИГАЛОВА (главный редактор)	Геннадий КОВАЛЕНКО
Елена БАРКАНОВА (ведущий редактор)	Наталья МОРЫЛЕВА
	Людмила ПЕТРОВА
	Владимир ПОВЕТКИН
	Ирина САВИНОВА
Марина БУРЬЯК	Наталья САУКОВА
Сергей ВИТУШКИН	Людмила СЕКРЕТАРЬ
Татьяна ДАНЬКО	Павел ФОКИН
Виктор ДУДКИН	Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО	Владимир ЯРЫШ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ РУИН

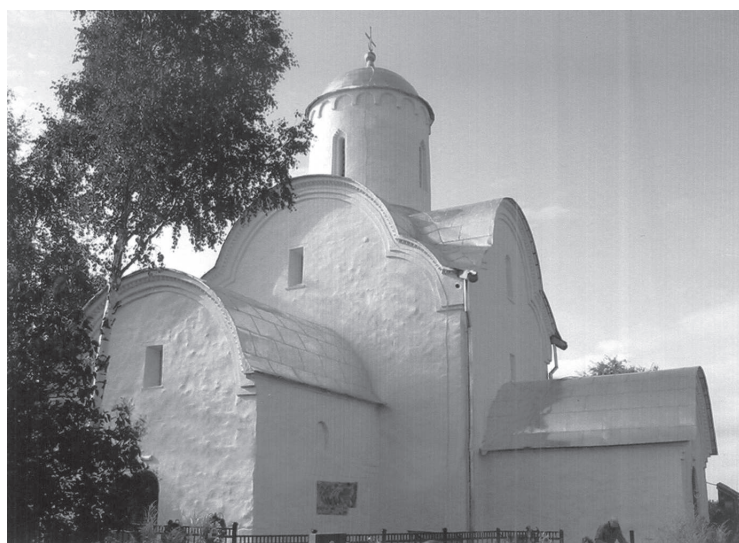
28 августа 2003 года в праздник Успения Божией Матери в деревне Волотово близ Великого Новгорода произошло важное историческое событие, которому уделили немалое внимание все средства массовой информации, включая и центральное телевидение. Состоялось торжественное открытие поднявшегося из послевоенных руин знаменитого храма XIV века Успения Богородицы на Волотовом поле. Возрождение храма с мировой известностью в наши дни можно рассматривать как некое чудо, произошедшее через 650 лет после его построения и спустя 60 лет после разрушения. На церемонии открытия памятника присутствовали официальные делегации из России и Германии, а также многочисленные гости, в том числе и иностранные. Российской делегацию возглавлял министр культуры Михаил Швыдкой, германскую — генеральный консул ФРГ в Санкт-Петербурге Райнхард Краус. Новгородцев представляли губернатор Новгородской области Михаил Прусак, его заместитель Галина Матвеева, председатель комитета культуры Юрий Шубин. В адрес реставраторов-архитекторов, мастеров-строителей, художников прозвучали восторженные отзывы. Символом примирения называли этот возрожденный из руин истинно новгородский храм гости, именитые специалисты и эксперты. Великим днем в жизни русской культуры назвал это событие министр культуры России Михаил Швыдкой.

— В храме сквозит подлинное очарование Новгорода, — так оценил работу новгородских реставраторов один из крупнейших знатоков новгородского зодчества доктор искусствоведения Алексей Комеч. Высокий профессионализм и отличное качество работ архитекторов и строителей отметили все присутствующие на этом событии...

Всего два года назад, 5 июня 2001 года, между Министерством культуры России, Администрацией Новгородской области, комитетом культуры, кино и туризма Администрации Новгородской области, с одной стороны, и Министерством культуры Федеративной Республики Германии и Обществом международного взаимопонимания, с другой, было подписано Соглашение об оказании безвозмездной помощи (содействия) в восстановлении церкви Успения на Волотовом поле и реставрации ее фресок. В соответствии с Соглашением фи-

церковь Успения Богородицы на Волотовом поле
указ Великого Новгорода
1352 г.
Вид с северо-запада. Реконструкция. Архит. Н. Кузьмина. 2002 г.

Церковь Успения на Волотове. Вид с северо-запада после реставрации. Август 2003 года

нансирует эти работы немецкая фирма «Винтерсхал АГ». После воссоздания церкви Успения в течение нескольких лет будут продолжаться работы над волотовскими фресками, начатые еще в 1993 году новгородскими художниками-реставраторами под руководством Тамары Анисимовой при поддержке комитета культуры Новгородской области, который возглавляет Юрий Шубин.

Потребовалось два года напряженного труда всех участников восстановления. Как обычно, при реставрации, возникла непрерывная цепь вопросов, загадок, казалось бы, непостижимых проблем. Были муки творчества, радости открытий, больших и малых находок, слезы и огорчения, связанные с трудностями, временными неудачами. И все-таки успех пришел — реставрация храма завершена.

Храм предстал перед нами почти таким, каким его видели наши предки несколько столетий назад — небольшим, стройным, гармоничным и строгим.

Это одноглавый одноапсидный четырехстолпный, почти квадратный в плане крестовокупольный храм с деревянным настилом хор в западной

Церковь Успения на Волотове в начале XIX в. Вид с юго-востока

части и трехлопастным завершением фасадов. С севера и запада к нему примыкают небольшие притворы с посводным завершением. По своему архитектурному облику церковь Успения на Волотове близка к памятникам XIII века — церкви Николы

на Липне и, особенно, церкви Рождества в Перыни, послужившей, вероятно, образцом при строительстве.

Подобный тип храма стал характерным для новгородской архитектуры периода независимости Великого Новгорода в XIV — начале XV вв. Однако, если присмотреться, Волотовский храм в деталях отличается глубоким своеобразием. Он почти лишен декора. На фасадах отсутствуют лопатки. Только трехлопастные двухступчатые арки с «зубчиковым» обрамлением на фасадах, да аркатурный пояс поверху круглого барабана украшают его. Форма всех окон и их перемычек не повторяется в других памятниках XIV века. Центральный объем храма перекрыт коробовыми (полуциркульными) сводами, в отличие от большинства других подобных памятников XIV века, где угловые части перекрыты «ползучими» (в четверть окружности) сводами.

Подпружные арки здания опираются на четыре столба. Переход от арок к барабану осуществляется через плавные криволинейные паруса с одним голосником в каждом. Восточные столбы храма квадратные в плане. Западные — скруглены в нижней части. От них к стенам перекинуты арки, на которых лежит деревянный настил хор. На хоры ведет приставная лестница в северо-западном углу храма.

Церковь Успения на Волотовом поле была поставлена в 1352 году новгородским архиепископом Моисеем на возвышенном берегу Малого Волховца неподалеку от Великого Новгорода. В 1363 году храм был украшен настенной живописью по зака-

зу уже другого новгородского архиепископа Алексея, так как его предшественник скончался за несколько месяцев до окончания живописных работ в церкви Успения.

На знаменитой волотовской фреске XIV века над южным порталом были изображены заказчики храма и его росписи — Моисей и Алексей. На ней Моисей протягивает Богородице Волотовский храм, узнаваемый и в какой-то степени реалистично нарисованный — с трехлопастным завершением, одной главой и одной пониженной апсидой.

Церковь Успения перестраивалась в конце XVII—XIX вв., сохранив при этом внутреннее пространство, стены, столбы и своды основного объема, а также росписи в первоизданном виде. В этот период первоначальное покрытие по трехлопастной кривой было заменено на четырехскатное, углы стен надложены, изменена форма главы, крыши апсиды и притворов, а также значительно перестроен северный притвор, а к западному пристроена колокольня.

В силу своей сохранности церковь и особенно ее живопись с XIX века привлекали к себе внимание исследователей и искусствоведов, оставивших после себя многочисленные материалы фиксации памятника, обмеры, рисунки, копии живописи, фотографии, публикации. Можно без преувеличения сказать, что такого количества материалов нет ни по одному архитектурному памятнику Новгорода. Наиболее подробным трудом является монография Г.И. Вздорнова «Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле».

Уже в наши дни, после подписания Соглашения с ФРГ, искусствоведом А.Н. Трифионовой проведены дополнительные историко-архивные изыскания, выявлены новые документы и сведения, составлена подробная историческая записка, опубликована статья.

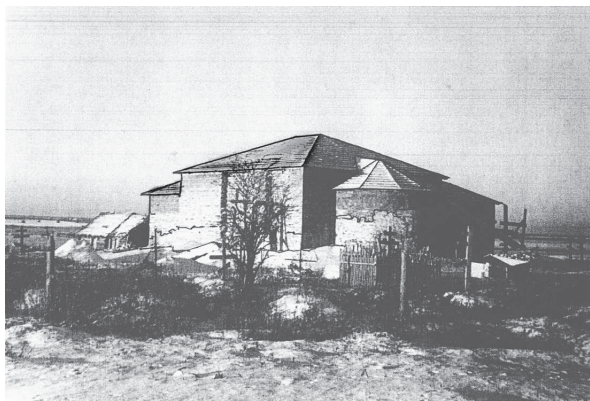

Руины церкви Успения на Волотове после наружных раскопок. Вид с запада. 1955 год

Осенью 1939 — весной 1941 гг. Управлением новгородских музеев под наблюдением замдиректора музея В.А. Богусевича была проведена частичная реставрация Волотовской церкви: восстановлены трехлопастное завершение стен и первоначальная форма кровли. Разобрана колокольня 1857 года, ставшая причиной серьезных деформаций здания.

Завершить реставрацию не удалось, т. к. началась война, и церковь Успения, находящаяся на переднем крае линии обороны, в первые месяцы была расстреляна немецкой артиллерией.

В 1955 году новгородской СНРПМ* была выполнена разборка завалов снаружи всего здания

Церковь Успения на Волотове в процессе консервации. Вид с юго-востока. 1955 год

и внутри северного притвора (под руководством археолога Н.А. Чернышева). Архитектором-реставратором Л.Е. Красноречевым выполнены тщательные обмеры и исследования руин с внешней стороны, сделана графическая реконструкция на XIV век (план и аксонометрия), под его же руководством сделана консервация руин с возведением крыши над остатками древних стен, которые сохранились на высоту от 2-х до 4-х метров. Реставрацию отложили до будущих времен.

В таком виде и пребывал памятник до 2001 года.

О восстановлении церкви Успения на Волотовом поле, которая вместе с церковью Спаса на Ковалеве составит пространственное обрамление въезда в Новгород, мечтали наши замечательные архитекторы-реставраторы Л.Е. Красноречев, М.Л. Шуляк, Г.М. Штендер, Т.В. Гладенко. Надежда на спасение уникальной живописи, погребенной внутри руин, не оставляла и художников-реставраторов.

Сразу же после подписания Соглашения мы приступили к проведению научно-исследовательских и проектных работ, необходимых для реставрации, а художники продолжили начатое еще в 1993 году. Мы — это архитекторы и инженеры АРО УГК ОИПИК**, продолжатели традиций новгородской реставрационной школы. Научным руководителем и автором проекта была назначена автор этой статьи. В обмерах, исследованиях и проектных работах в той или иной степени принимали участие архитекторы В.М. Ястребова, Г.М. Кулакова, О.Н. Коваленко, И.В. Богуцкая, М.В. Корневская.

* Специальная научно-реставрационная производственная мастерская.

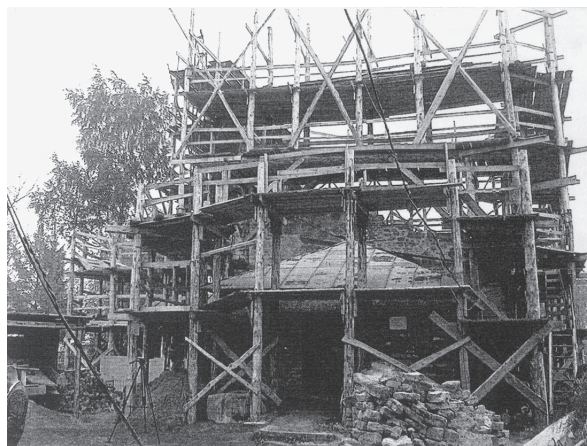
** Архитектурно-реставрационный отдел Управления Госконтроля охраны памятников истории культуры.

Инженерное укрепление здания разрабатывали инженеры Л.Н. Храпко, Л.Г. Маркова. К решению сложных конструкторских вопросов привлекались консультанты из Санкт-Петербурга — инженеры И.П. Любарова и А.Б. Шадрин.

Еще не были полностью разобраны завалы, а архитекторы уже вели археологические обмеры и исследования, изучали опубликованные и историко-архивные материалы. Одновременно разрабатывались проектные чертежи на отдельные детали, чтобы реставрировать и спасти от обрушения аварийные участки кладки. Работа эта была не из легких, т. к. местами на поврежденной и потерявшей прочность кладке стен и столбов имелись участки с живописью, которая при малейшем прикосновении рассыпалась на мелкие кусочки.

На основании проведенных исследований нам предстояло принять важное решение — в каком виде восстанавливать разрушенный памятник архитектуры, от которого осталось не более 25 процентов сохранности, представить на бумаге в виде точных чертежей как выглядел он перед разрушением, каким был он задуман древним зодчим и каким мы хотим видеть его после реставрации, а также, что очень важно, согласовать проект в Министерстве культуры в Москве.

К счастью, кроме опубликованных чертежей предыдущих исследователей, в Новгородском музее сохранились копии с подлинных чертежей конца XIX — начала XX веков академика В.В. Суслова (план, 13 разрезов, фасады), и, что очень важно, кроки (черновики) обмерных чертежей 1920–1921 гг., выполненные по всем правилам точнейших архитектурно-археологических обмеров. А в архиве УГК ОИПИК сохранились кальки с чертежей обмеров и схематического проекта довоенных лет 1939–1940 гг. А.П. Удаленкова, обмеры и ис-

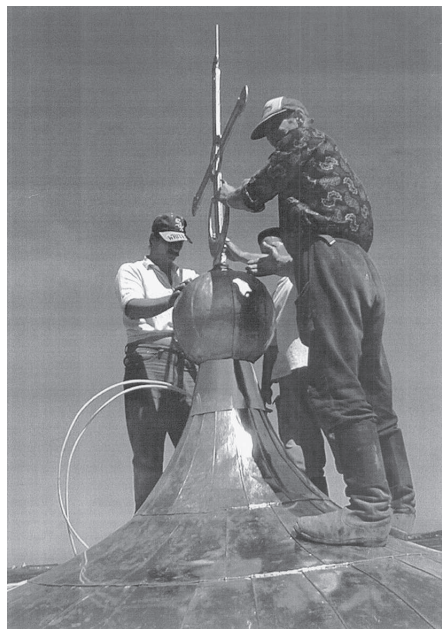
Церковь Успения на Волотове в самом начале работ. Вид с запада. 2001 год

следования (шурфы, зондажи) 1955 года Л.Е. Красноречева.

Все имеющиеся материалы были исследованы и сведены мной в единую систему на современной подоснове, с переводом в одинаковый масштаб и привязкой к современному нулевому уровню. Это

было не так легко. В чертежах нашли немало противоречий. Приходилось корректировать их по фотографиям, выявлять даже малейшие несоответствия, подходя как можно ближе к истине.

Это позволило точно определить архитектурный облик и габариты памятника в формах XIX — первой половины XX вв. Нам представлялось, что восстановление на этот период не имеет смысла, так

Установка креста на церкви Успения на Волотове. 2003 год

как поздние искажения сильно портят художественный и архитектурный облик памятника, снижают эстетическое восприятие и его художественную ценность, тем более, что храм был разрушен, а перед этим уже частично реставрирован.

Сопоставляя натурные исследования с довоенными фотографиями и чертежами, нам удалось выявить ранее не замеченные исследователями первоначальные следы и разработать научно-обоснованный проект реставрации храма с воссозданием утраченных объемов в формах XIV века. Сложнее всего было с реконструкцией северного притвора, который многократно перестраивался в XVII — XIX вв., но и для его реконструкции нашлось достаточно данных.

Западный притвор сильно разрушен в военное время. Боковые стены с полуциркульными нишами уцелели на высоту немногим более одного метра. Вдоль стен притвора сохранились древние каменные скамьи.

Нам представлялось, что очень важно восстановить не только основной объем Волотовского храма, но и древние притворы, которые на других памятниках XIV века почти везде утрачены.

В мировой и отечественной реставрационной практике имеется немало примеров когда, казалось бы, безвозвратно утраченные памятники восстанавливались по остаткам в натуре, старым чертежам и фотографиям.

Подобным примером в Новгороде могут служить всемирно известные церкви Спаса на Нередице XII века, Спаса на Ковалево XIV века, разрушенные в годы войны и реставрированные в 1958 и 1973 гг. С их возрождением был восстановлен

характерный новгородский ландшафт, где силуэты окрестных церквей во все века были неотъемлемой особенностью.

Уже в декабре 2001 года разработанный нами эскизный проект реставрации Волотовского храма был рассмотрен на расширенном научно-реставрационном Совете УГК ОИПИК, одобрен и 26 декабря отправлен в Москву. А 14 февраля 2002 года Федеральный научно-методический совет по сохранению культурного наследия Министерства культуры РФ, рассмотрев проект, принял решение одобрить предложение о воссоздании в полном объеме разрушенного храма с притворами в формах XIV века.

Надо сказать, в вероятность согласования верилось с трудом. Четыре часа на этом совещании я доказывала, убеждала, разъясняла. К счастью, все обошлось. Однако, было рекомендовано: в случае отсутствия дополнительных обосновывающих материалов не устраивать пояс кирпичных зубчиков в карнизе апсиды и притворов. Ввиду отсутствия достаточных данных для реконструкции формы главы считать наиболее правильным воспроизвести ту ее форму, которая была осуществлена в 1940 году. Если данных об этой ее редакции не будет найдено, представить дополнительные варианты, включая предложение о сохранении формы главы, зафиксированной на имеющихся фотографиях, т. е. в формах XIX века.

Исследования продолжались и после утверждения проекта, одновременно с реставрацией самого памятника и с разработкой рабочих чертежей, что требовало постоянного и каждодневного присутствия на объекте автора проекта, корректировки по месту и по фотографиям.

Церковь Успения восстановлена силами двух строительных организаций — ЗАО «Новгород-реставрация» (начальник В.А. Васечкин) и ЗАО

Награждение бригадира реставраторов Николая Ракова в торжественный день 28 августа 2003 года

«Строительное управление № 5» (начальник П.П. Варава). Основные объемы работ с первого дня и до августа 2003 года выполнены бригадой опытных мастеров во главе с Николаем Раковым. Их отличало вдумчивое, ответственное отношение к

работе и творческий подход.

За многие годы работы в реставрации мне пришлось встречать немало мастеров своего дела. Эта бригада выделяется особым, ответственным, заинтересованным отношением к делу, к судьбе, роли памятника. Такой особый настрой, высокий тон задает в коллективе, конечно же, бригадир. Это начитанный, образованный человек, с широкими жиз-

Интерьер церкви Успения на Волотове после реставрации. Вид из подкупольного квадрата на барабан и хоры

ненными интересами, прошедший Чернобыль. Сейчас он отдает свое свободное и не только свободное время школе восточных единоборств, руководителем которой он является. Подстать ему и другие члены бригады.

Думаю, что именно их профессионализм, высокий духовный настрой стали одной из главных причин успешного за-

вершения реставрации храма.

Работы велись круглый год, для чего вокруг памятника был устроен тепляк (временная конструкция с обогревом). Воссоздаваемые элементы выполнялись в таком же материале и в той же строительной технике, которая применялась в XIV веке. Весь строительный материал, выбранный при раскопках, был использован в первую очередь. Затем кладка велась из нового плитняка и современного кирпича (боровичского и новгородского). Древние известняковые плиты пола были отреставрированы и дополнены новыми.

Участие в восстановлении храма с января 2003 года мощной строительной организации ЗАО «СУ-5» позволило выполнить все оставшиеся работы в назначенный срок, который казался тогда почти невыполнимым. Хорошо потрудились мастера всех специальностей. Великолепно сделано благоустройство. Определенная заслуга в том, что праздник открытия храма в назначенный срок состоялся принадлежит начальнику П.П. Вараве, прорабу С.А. Моисееву, бригадире Н.Л. Ракову и всем строителям, работавшим с душой и любовью.

В храме и притворах выполнено электроосвещение (ООО «Севзапэлектромонтаж-Нов»), повешены светильники в виде древнерусских хоро-

сов со свечами. Их изготовил по нашему проекту художник по металлу В.А. Корнилов. В северном притворе разместилась небольшая музейная экспозиция, где выставлен знаменитый кирпич XIV века с рисунком в виде ладьи с тремя воинами. На стенах церкви художниками-реставраторами «НРМ «Фреска» сохранено и укреплено 40 м² живописи XIV века. Впереди у них еще несколько лет кропотливого труда по реставрации фресок, извлеченных из завалов.

Воссозданный храм предстал перед нами почти таким, как его видели в XIV веке. Он радует нас своей красотой и совершенством. Храм стоит как символ примирения двух народов, как подарок нашим современникам и будущим поколениям. Только тонкая бороздка на штукатурке фасадов показывает границу сохранившейся древней кладки.

— Открытие церкви — это знаковое событие всемирного значения. Храм, восстановленный Россией с помощью германской стороны, был передан мировому сообществу, — отметил генеральный консул Германии в Санкт-Петербурге Райнхард Краус.

Отзвенели фанфары, отзвучали восторженные речи. Теперь в течение двух лет предстоит обживать и изучать новорожденный храм, наблюдать за его состоянием, создавать нормальный температурно-влажностный режим для фресковой живописи.

Жители окрестных деревень надеются, что когда-нибудь церковь будет действующей, как это было целых полтысячелетия. А я испытываю легкую грусть от расставания с возрожденным храмом и людьми, которые участвовали в этом, и благодарю судьбу за то, что мне выпала честь быть участником возрождения церкви Успения Богородицы на Волотовом поле.

Автор проекта реставрации Н. Кузьмина с каменщиком А. Швецовым.

На западной стене северного притвора реставрирован частично сохранившийся древний узор из кирпича в виде «елочки»

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ПЛАНЕТЫ

К 25-летию оживления в голосах новгородских лирообразных гуслей XI века с сохранившейся на них резной надписью «СЛОВИША» и 30-летию деятельности В.И. Поветкина в новгородской археологии

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К НОВГОРОДЦАМ

Мы — археологи и лингвисты — тысячу раз благодарны судьбе, которая ввела в наш экспедиционный коллектив Великого Мастера, многосторонне одаренного талантами Владимира Ивановича Поветкина. Первые плодотворные контакты начались три десятилетия тому назад, когда он стал сотрудником Новгородской археологической экспедиции и активно занимался восстановлением разнообразных бытовых предметов из дерева. Его мастерство и творческая интуиция позволили превратить находимые при раскопках фрагменты в великолепные образцы средневековых изделий.

Этапной стала работа Мастера по реставрации и реконструкции знаменитых гуслей XI в., найденных в 1975 г. и восстановленных им в 1978 г. С тех пор вся творческая деятельность Владимира Ивановича была целиком направлена на соби́рание встречавшихся при раскопках деталей и фрагментов средневековых музыкальных инструментов и других предметов музыкальной культуры. Постепенно им была создана уникальная коллекция средневековых музыкальных древностей, равной которой нет нигде. Столь же уникальными являются выработанная им методика реконструкции средневековых музыкальных инструментов и создание по найденным фрагментам полноценных звучащих гуслей, гудков, сопелей. Никто никогда даже не ставил задачи воспроизведения звучания археологических музыкальных инструментов. Все усилия прежних реставраторов были направлены лишь на то, чтобы, попытавшись восстановить форму этих инструментов, обреченных на вечное молчание, положить их в музейную витрину. Владимир Иванович поставил перед собой казавшуюся фантастической цель — вернуть инструментам голос, оживить их. И сейчас, когда древние гусли и гудки перестали безмолвствовать, их воскрешение не перестает казаться нам чудом. В.И. Поветкин собрал фольклорные образцы старинных песен, а затем

собрал и хор исполнителей этих песен, став основателем беспрецедентного «Центра музыкальных древностей», получившего теперь мировую известность.

Золотые руки Поветкина позволили сохранить для науки сотни берестяных грамот, нуждавшихся не только в консервации, но порой и в тщательной реставрации.

И сегодня, сразу же после очередной находки, исписанную бересту мы несем к Владимиру Ивановичу, зная, что только он способен сохранить для вечности

исписанный берестяной фрагмент, переживший многовековое заточение в сырой земле. Нужно ли говорить о том, что известно каждому. Первая берестяная грамота была найдена только в 1951 году, и мировая практика, не знаяшая до того подобных находок, долго нащупывала пути их идеального сохранения. Сейчас, когда в Новгороде и его округе найдено более тысячи средневековых берестяных грамот, их тексты стали средством великих исторических и лингвистических открытий и немалая заслуга в их обеспечении принадлежит В.И. Поветкину.

Поветкин создал сотни прорисей берестяных грамот для их дальнейшей публикации. В процессе их изготовления он всякий раз проявлял себя не только как художник, но и как активный исследователь текстов, которые всякий раз требуют коллективного обсуждения историков и лингвистов. Свойственное ему тонкое восприятие языковых нюансов сделало его полноправным участником этих дискуссий.

Подвигом реставрации стала работа Владимира Ивановича по восстановлению древнейшей славянской книги, найденной при раскопках Новгородской Псалтири рубежа X—XI веков. Книга была написана на навощенных деревянных табличках, значительная часть текста с которых осыпалась и дошла до нас в виде тысяч мелких обломков. Деревян-

Академик А.А. Зализняк, директор Центра музыкальных древностей В.И. Поветкин, профессор Е.А. Рыбина, академик В.Л. Янин, профессор Б.Б. Овчинникова

ная основа и воск требовали разных взаимоисключающих методов реставрации, поначалу поставивших в тупик даже нашего Великого Мастера. И для мировой культуры сделалось бесценным согласие Поветкина после многодневных мучительных раздумий взяться за эту ювелирную работу, требующую точного обнаружения исходного места для каждого из этих тысяч обломков. Не имевшая

места в мировой практике работа была начата и завершена!

Вся жизнь Владимира Ивановича — беспрецедентный подвиг. Мы выражаем надежду на то, что этот подвиг заслужит справедливого признания.

Академик РАН *В.И. Янин* В.Л. Янин

Академик РАН *А.А. Зализняк* А.А. Зализняк

Профессор *Е.А. Рыбина* Е.А. Рыбина

О ПОВЕТКИНЕ

На Западе, да и до недавнего времени в Советском Союзе, представления о культуре Древней Руси были как о культуре «молчащей». Один американский специалист по культуре и литературе Древней Руси так прямо и пишет о ней, как о «культуре великого молчания». Признавались и признаются в ней только «немые» искусства — живопись (иконопись, фрески, мозаики, миниатюры) и архитектура. Только сейчас в нашей стране происходит постепенно открытие древней русской литературы как искусства, не ограничивающегося одним «Словом о полку Игореве», и музыки. Но музыка до сих пор упорно ограничивается в сознании историков русской культуры только церковной — певческой. О наличии обильной, богатой **инструментальной** музыки мы даже не догадывались до сих пор. Существование в древней Руси инструментальной музыки, открытое работами В.И. Поветкина, принципиально важно, так как инструментальная музыка могла быть только светской.

В чем суть открытия В.И. Поветкина? На миниатюрах, фресках (в частности в Мелетове Псковской области) изображались инструменты (гусли, гудки и пр.), упоминались инструменты и в различного рода документах и литературных произведениях. Однако все предполагали, что звучание этих инструментов было довольно бедным, примитивным. Археологические находки, в которых дерево инструментов деформировалось от усыхания или неумелой реставрации, только подтверждали это ошибочное мнение.

В.И. Поветкин предложил, сохраняя максимально бережно, все археологических находки и ни в коем случае не производя на них опыты реконструкций, особенно с помощью различных новых синтетических материалов и клеев, в корне изменяющих звучание материалов, реконструировать на основе всех данных и из нового дерева (напомню, что найденные остатки инструментов в новгородских археологических работах также были когда-то «из нового дерева») **звучащие** инструменты. Благодаря поразительной музыкальной интуиции это ему в полной мере удалось. Он не только воссоздает внешний облик инструмента — он создает археологически точно звучащий инструмент и сам на нем играет, т. е. он ко всему прочему

еще и композитор, — композитор-реконструктор.

В.И. Поветкин — это не просто поразительно одаренный реставратор музыкальных инструментов, это своего рода **явление**.

В человеческом существе многое не разгадано, многое еще требует изучения. В.И. Поветкин обладает прямо-таки чудодейственной интуицией. Напомню, что на интуиции стоит человеческая культура — на ней строятся все искусства, в значительной мере науки (особенно такая, как математика), практическая деятельность и пр. Если кто-нибудь из музыкантов, воспитанных на современных музыкальных знаниях, будет сомневаться в правильности

догадок В.И. Поветкина в области **древнерусской** музыки, то сомневаться в творческом таланте В.И. Поветкина нет никаких оснований: слушать его — значит проникать в особый мир, — мир близкий Древней Руси и народному творчеству.

Было бы чрезвычайно важно (в Новгороде ли, или в другом крупном городе — Москве, Ленинграде, где есть специалисты-музыковеды) устроить небольшой музей или раздел в музее (напр., в Музее музыкальных инструментов в Ленинграде на Исаакиевской площади), где посетители могли бы увидеть консервированные остатки инструментов, снимки с древних изображений инструментов, и где можно

было бы прослушать в магнитофонной или пластиночной записи — игру на этих инструментах В.И. Поветкина. Кстати, совершенно необходимо чтобы какая-то пластиночная фирма — например фирма «Мелодия» выпустила пластинки с записями игры В.И. Поветкина на реконструированных им древнерусских инструментах.

А в Новгороде необходимо во чтобы то ни стало создать для В.И. все необходимые условия для его работы по реконструкции музыкальных инструментов и опытов игры на них.

Придет время и, хотя бы многие в Новгороде или нет сейчас, но работой В.И. Поветкина, его музыкальными композициями, Новгород будет гордиться. Пусть же ни нам, ни новгородцам не будет стыдно перед нашими потомками.

Академик Д.С. Лихачев

14.IV.82

В.И. Поветкин и Д.С. Лихачев.
Фото В. Иценко

Владимир ЯДРЫШНИКОВ

НОВГОРОДСКОЕ ЗОДЧЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕЛОМА

Речь пойдет об одном из наименее изученных периодов в культурной жизни Новгорода. Литературы по данной теме крайне мало. Можно указать лишь на статью Л.А. Секретарь,¹ весьма обстоятельную и информативную, однако, в ней несколько по-иному расставлены акценты и не привлечены для анализа некоторые памятники. Опираясь на указанную публикацию и дополнив круг памятников, попытаемся дать краткий обзор развития новгородского зодчества первой половины XVIII века.

Как известно, на период правления Петра I приходится конец эволюции древнерусской архитектуры и переход к западноевропейским стилям — барокко, позднее — классицизму. Известно и то, что западные формы, в частности, элементы ордерной системы, проникали в Россию и раньше, начиная с рубежа XV—XVI веков, но особенно интенсивно этот процесс проходил в последней трети XVII века. Но если до Петра зодчество развивалось естественно, постепенно, иноземные влияния органично увязывались с русскими традициями, мирно уживались и ассимилировались, то с начала XVIII века наблюдается скачкообразное, «взрывное» возрастание западных веяний, процесс «европеизации» искусственно подстегивался. В первую очередь это касается обиха столиц, где появляются построенные иностранными архитекторами доминирующие здания «в европейской манере» (Меншикова башня в Москве, Петропавловский собор в Петербурге, дворцы) и целые островки типовой жилой застройки. Однако давно замечено, что в Москве, несмотря на активное наступление западных форм, сохранялись и проявлялись (хотя довольно робко) черты и древнерусского зодчества.² Что же происходило в этот период в провинции? Сразу ответим, что провинция в меру сил сопротивлялась западному засилью, тормозила и саботировала насаждаемую сверху «вестернизацию». Проследим это драматичное, но интересное противоборство на примере новгородских памятников.

Нужно отметить, что в первой половине XVIII века строительство в новгородском регионе ведется менее активно, чем раньше. За 50 лет нам известно лишь 11 сохранившихся каменных сооружений, причем некоторые из них возведены «по старой основе», то есть не очень показательны, а некоторые позднее перестроены, и судить о них можно лишь по отдельным фрагментам. Вероятно, одна из причин вялого строительства — мобилизация всех сил и ресурсов в Петербурге (в 1714 году Петр I издал специальный указ, запрещающий каменное строительство повсюду, кроме столицы).³

Первым зданием, появившимся в Новгородской губернии в XVIII веке, является больница с церковью Якова Боровичского Иверского монастыря в Валдае, возведенная в 1702 году.⁴ Этот значительно перестроенный памятник не введен в научный оборот, практически не исследован и даже не обмерен. По мнению Л.Е. Красно-речьева, первоначально он представлял собой прямоугольную в плане, слегка вытянутую по оси восток-запад одноэтаж-

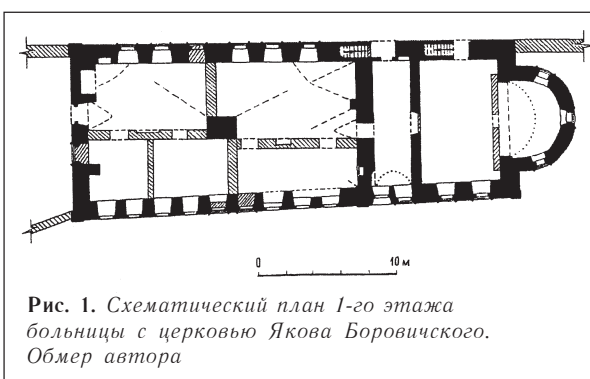

Рис. 1. Схематический план 1-го этажа больницы с церковью Якова Боровичского. Обмер автора

ную одностолпную палату (собственно больницу) и примыкающую к ней с востока бесстолпную одноапсидную церковь (архитектурная типология монастырских трапезных) (рис. 1). Композиция и решение фасадов просты и лаконичны, храм, вероятно, перекрывался коробовым сводом и двускатной кровлей и был увенчан декоративной главкой; фасады оживлялись несложными оконными наличниками и карнизом (поребрик, валик, полочка). Все архитектурные особенности памятника — одностолпный зал, толстые стены (до 1,4 м), внутрискладные лестницы, элементы декора — не выходят за рамки старых традиций. Впрочем, это естественно, петровские нововведения только начались, и ждать от провинции быстрой реакции было бы странно.

Следующим по хронологии зданием является, по нашему мнению, так называемый «Архиепископский дворец» или «Судный и Духовный приказы» в Кремле (оба названия ошибочны, но новое, более правильное, предложить пока затруднительно) (рис. 2).

В литературе традиционно считается, что оно сооружено в 1670 году, одновременно с примыкающим Лихудовым корпусом.⁵ Но целый ряд аргументов свидетельствует, что памятник возведен позднее, после 1700 года. У этих корпусов разный уровень пола и сводов, а также принцип

Рис. 2. Судный и Духовный приказы

размещения и оформления окон; в северном торце Лихудова корпуса имеется первоначальное окно, выходящее ныне в помещение нашего здания и вырубленный позднее дверной проем для сообщения между ними. На «Михайловской иконе» рубежа XVII–XVIII веков Лихудов корпус представлен, а «Судный и Духовный приказы» отсутствуют.⁶ С другой стороны, источники сообщают, что для школы Лихудов в 1706 году специально построен каменный двухэтажный корпус, и, видимо, именно данное здание имеется в виду. В архитектуре памятника не наблюдается почти никаких петровских новаций. Единственное, что можно отметить — еле заметное стремление к симметрии и унификации (несколько упрощенная форма окон, одинаковые наличники верхних проемов), что не свойственно для древнерусского зодчества.

Рис. 3. Церковь Николая Чудотворца в Старой Руссе

Далее мы переносимся в Старую Руссу, где в 1710 году «на старой основе» возведена церковь Николая Чудотворца⁷ (рис. 3). И этот памятник не введен в научный оборот и лишь изредка упоминается в литературе. Несмотря на проведенную реставрацию, не известно, в каком объеме сохранилась старая кладка XIV века (отчетной документации практически нет). Этот храм — нарочито, подчеркнуто архаичен, его можно считать одной из самых «старомодных» построек XVIII века. Здесь нет ни одной детали, которая говорила бы о новом времени, напротив многие элементы тяготеют к седой древности — к XVI и даже к XIV–XV векам. Казалось бы неожиданное при палаточном завершении и пятиглавии решение интерьера — бесстолпная купольная конструкция — может свидетельствовать о новых веяниях. Однако и эта форма известна в древнерусском зодчестве (трапезные и подколоколенные церкви), в том числе и в Старой Руссе (храм «под колоколы» Спасо-Преображенского монастыря, чаще называемый колокольней).

Следующее по хронологии здание также не исследовано и не введено в научный оборот. Речь

Рис. 4. Митрополичьи покои. План 1-го этажа. Чертеж автора

идет о Митрополичьих покоях в Кремле, которые в литературе датируются в широких пределах — XVII–XVIII вв.⁸ Памятник многослойный, формировался поэтапно, много раз перестраивался. Ныне его архитектура относится к 1770-м годам.⁹ Архимандрит Макарий в одной из книг сообщает, что в 1716 году открыты сиротский дом и богадельня, которые располагались на месте митрополичьих покоев. Эта информация подтверждается иконографическим материалом, характером планировки первого этажа, а также декоративной деталью, раскрытой после войны на восточном фасаде (бегунец и поребрик). Обнаруженная деталь — неотъемлемый элемент декора древнерусских зданий, а планировка нижнего этажа отличается некоторой хаотичностью, обычными для старой архитектуры толстыми стенами с лестницами, камерками и нишами, узким коридором, сводами разных типов (рис. 4). Таким образом, богадельня (нижний этаж Митрополичьих покоев) также была выдержана в прежних традициях.

В 1725 году в Деревяницком монастыре сооружена трапезная с церковью Успения¹¹ (рис. 5). Как и Никольский храм в Старой Руссе, памятник крайне консервативен и строго следует типологии мо-

настырских трапезных XVI–XVII веков. Архаичность проявляется и в общем образе, силуэте, и в композиционном решении, и в конструкциях (од-

Рис. 5. Деревяницкий монастырь. Трапезная с церковью Успения и колокольней. Южный фасад

ностолпие, мощные 2-х метровые стены с внутренними лестницами и нишами, характер сводчатых перекрытий), и в декоре (свободное размещение окон, их оформление разнообразными наличниками, характерные детали в завершении фасадов церкви). Данная постройка — последняя в ряду сохранившихся на Новгородской земле традиционных монастырских трапезных, но она довольно близка по архитектуре самой первой (в Антониевом монастыре, 1533 год), возможно, даже сознательно ориентируется на нее.

Наконец, мы встречаемся с памятником, в котором в значительной степени отразились принципы новой архитектуры. Это церковь Успения в Коростыни (рис. 6). Заказчик строительства — супруга Петра I, Екатерина. Долгое время считалось,

Рис. 6. Церковь Успения в Коростыни. Вид с юго-запада

что автором проекта является итальянец Г. Киавери,¹² но Л.А. Секретарь доказала, что его проект не реализован, а строил храм в 1726 году, вероятнее всего, русский зодчий.¹³ Архитектура здания выдержана в стиле «петровского» (иначе — «петербургского») барокко. Этот стиль отличается свойственными для всех течений барокко пышностью, причудливостью, манерностью, хотя в данном случае формы сравнительно сдержанны. Наиболее запоминающаяся особенность здания — решение западного фасада, стены которого имеют криволинейное в плане (выпукло-вогнутое) очертание.

В конце 1720-х годов (около 1729 года) над западной частью уже рассмотренной нами трапезной Деревяницкого монастыря надстроена трехъярусная колокольня.¹⁴ Ее силуэт контрастирует с другими объемами памятника. Хотя тип колокольни традиционен — «восьмерик на четверике», — почти все ее формы принадлежат новому времени, выдержаны в стиле барокко, особенно резко отличаются от общей стилистики монастырского комплекса рустованные лопатки на углах и завершение в виде вычурного барочного купола со шпилем.¹⁵ Но все же и здесь можно найти архаизирующие мотивы: аркатура под ярусом звона, прямо-

Рис. 7. Братский корпус Иверского монастыря. Восточный фасад

угольные окна, напоминающие некоторые проемы собора монастыря (1698–1699 гг.).

Следующий памятник — братский корпус Иверского монастыря в Валдае — не имеет точной датировки, время его сооружения определяется по документам промежутком между 1700 и 1730 годами¹⁶ (рис. 7–8). Это, пожалуй, единственное в Новгородской области здание, решенное в стиле «московского» (или «нарышкинского») барокко. Расцвет этого стиля приходится на 1690-е годы, то есть еще до условной даты начала революционных реформ Петра. Отличительные черты стиля — подчеркнутая декоративность, широкое использование скульптурных и резных белокаменных деталей, применение стилизованных ордерных элементов, пока еще гармоничное сочетание мотивов древнерусского и западного зодчества (например, русского узорочья и западной симметрии и регулярности). В целом, «московское» барокко несет в себе черты яркого национального своеобразия и является завершающей фазой развития древнерус-

ской архитектуры, ее лебединой песней. Все эти особенности представлены в данном памятнике. Западные новые идеи здесь проявляются в прин-

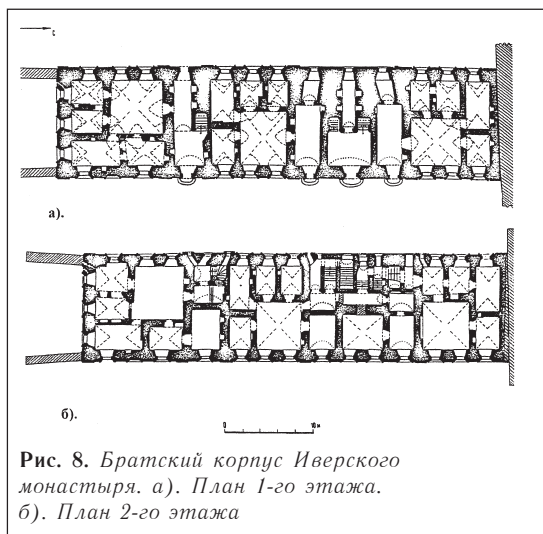

Рис. 8. Братский корпус Иверского монастыря. а). План 1-го этажа. б). План 2-го этажа

ципе фасадной декорации, которая стремится к симметричной упорядоченности на основе ордерных форм, но сама структура корпуса достаточно архаична: причудливая планировка с весьма различными по размерам помещениями, толстыми стенами, внутрискладными лестницами, каморками, нишами, разнообразие сводов, изысканная белокаменная резьба над проемами.

Вновь возвращаемся в Новгород. В 1734 году на Редятине улице (ныне Троицкая Пробойная) разобрана и возведена вновь на «старой основе» церковь Троицы¹⁷ (рис. 9). Памятник весьма интересен, но почти не известен в литературе. В его облике лишь в малой степени ощущается переходная эпоха, в целом архитектура ориентирована на допетровские традиции. Все типологические особенности храма (плановая схема, трехчастное чле-

Рис. 9. Церковь Троицы на Редятине улице. Вид с востока

нение фасадов лопатками, восьмискатное покрытие, сдержанный декор на стенах и более развитый на барабане и т.д.) характерны для новгородского зодчества XIV–XVII веков. Все примененные здесь конструкции и детали можно отыскать в более ранних постройках, но в данном случае они скомпонованы несколько иначе и имеют видоизмененную форму. В целом, памятник также достаточно архаичен.

В рассматриваемую группу построек мы включили и самый ранний из сохранившихся в Новгороде каменный жилой посадский дом — так называемый «дом Чертолиных», или «дом у вала» (ул. Рогатица, д. 40а). Он не имеет точной датировки, по характеру архитектуры реставратор Н.Н. Кузьмина относит здание к 1730–1740-м годам¹⁸. (См. статью Н. Кузьминой «Дом Чертолина» в рубрике «Эхо».)

Наконец, последний памятник, привлеченный для анализа, — церковь Георгия в Старой Руссе

Рис. 10. Церковь Георгия в Старой Руссе. Вид с запада

1742 года (рис. 10). Она также возведена «по старой основе» на остатках храма XV века.¹⁹ Здесь, как и в других культовых постройках этого периода, мы не усматриваем ни одной новомодной архитектурной формы: и образ здания в целом, и отдельные элементы находят аналогии в новгородском зодчестве XVII века. Лишь при внимательном рассмотрении заметно, что эти элементы незначительно изменены, по-иному акцентированы. Некоторые же формы нарочито архаичны (например, крещатые столбы напоминают о ранних знаменитых новгородских храмах).

Если продолжить обзор далее, до екатерининского времени, мы и там увидим это архаизирующее, консервативное течение в искусстве, которое будет постепенно ослабевать (последний известный нам яркий пример — Воскресенский собор в Бургах под Старой Руссой, законченный в 1764 году).²⁰

Итак, подытожим наши наблюдения. Провин-

циальные мастера не приняли коренной поспешной ломки традиций русской культуры и в меру сил сопротивлялись этому процессу. Из одиннадцати памятников новгородской архитектуры лишь два решены в современном им стиле (церковь Успения в Коростыни и колокольня Деревяницкого монастыря), причем заказчиком одного из них являлось лицо царской фамилии (немка Екатерина), предопределившее модный, престижный характер архитектуры. Многое зависело и от зодчего: столичные архитекторы строили в «европейской манере», провинциальные мастера тяготели к прошлому (правда, сведений о зодчих, работавших в Новгороде, почти нет). При этом нужно учитывать, что Новгород одним из пер-

вых в России подвергался регулярной перепланировке и получил обывательскую типовую застройку (с 1723 года),²¹ то есть насаждение новой стилистики здесь шло весьма активно. Нам представляется, что явное, нескрываемое тяготение провинциального зодчества первой половины XVIII века к архаике, к древнерусским образам сыграло большую, еще не оцененную положительную роль в истории культуры: оно смягчило вопиющие противоречия старого и нового, замедлило переход к западным идеям и формам, на какое-то время сохранило традиции древнерусского зодчества, в конце концов, придало национальный колорит архитектуре барокко и классицизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Секретарь Л.А. К истории строительства и архитектуры Новгорода XVIII века (1700-1750-е гг.) // Новгородский исторический сборник / Ред. кол.: В.Л. Янин и др. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 230-250.

² Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры. Л., 1984. С. 311.

³ Там же. С. 292.

⁴ Истомина Э.Г., Красноretchев Л.Е. Иверское чудо. Л., 1982. С. 34-35.

⁵ Каргер М.К. Новгород. Изд. 4-е, доп. Л., 1980. С. 91-92; Захарова В.Н. Исследование и проект реставрации Архиепископского дворца в Новгороде // Практика реставрационных работ: Сборник статей / Науч. ред. Л.А. Кальнин-Михайловский. М., 1950. 1-й сборник. С. 114-122; Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Опись вотчинам новгородского архиепископа и церковной утвари. 1763: Публикация и комментарий // Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5(15). С. 273-275.

⁶ Архив УГК ОИПИК. Р-2273. Ядрышников В.А. Лихудов корпус и северный корпус на Владычном дворе: Историческая справка. 1988. Л. 32-34.

⁷ Макарий, архим. Церковно-историческое описание города Старой Русы. Новгород, 1866. С. 25.

⁸ Каргер М.К. Новгород... С. 93.

⁹ Кушнер И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991. С. 116-117.

¹⁰ Макарий, архим. Описание Новгородского Архиепископского дома. СПб., 1857. С. 20. (В тексте указано не 1716, а 1816 год, но это опечатка); Архив УГК ОИПИК. Ядрышников В.А. Кремль. Покои Митрополичьи. Паспорт на памятник архитектуры. 1986.

¹¹ Кузьмина Н.Н., Секретарь Л.А. Деревяницкий Воскресенский монастырь (история строительства, архитектуры, реставрации) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7(17). С. 231-232, 240. (Авторы не исключают и более раннюю датировку памятника — до 1717 года [там же]).

¹² Шилков В.Ф. Две работы архитектора Киавери в России // Архитектурное наследство: Сб. статей / Под общ. ред. Д.А. Аркинс и др. Л., 1959. Вып. 9. С. 61-64.

¹³ Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991. С. 118-126; Секретарь Л.А. Коростынский погост // София. 1997. № 4. С. 24-25.

¹⁴ Кузьмина Н.Н., Секретарь Л.А. Деревяницкий Воскресенский монастырь... С. 232.

¹⁵ Л.А. Секретарь, ссылаясь на до-

кументы, утверждает, что барочный купол появился только в XIX веке, а до этого существовало «шатровое» завершение (Кузьмина Н.Н., Секретарь Л.А. Деревяницкий Воскресенский монастырь... С. 240). Однако трудно представить барочную постройку, крытую шатром. Стилизации XIX века «под барокко» имели место, но крайне редко. Нам кажется, что этот момент требует дальнейшей проработки и уточнения.

¹⁶ Истомина Э.Г., Красноretchев Л.Е. Иверское чудо... С. 37-38.

¹⁷ Красноretchев Л.Е. Загадки новгородских церковных памятников // Где Святая София, там и Новгород / Ред.-сост. Т.Н. Кульпинова и др. СПб., 1997. С. 324-326.

¹⁸ Архив УГК ОИПИК. Р-1439. Кузьмина Н.Н. Обобщающий материал, полученный в результате исследования «дома у вала»... 1981.

¹⁹ Трифонова А.Н. Георгиевская церковь в Старой Руссе // София. 1997. № 3. С. 9-10.

²⁰ Секретарь Л.А. Судьба Бурежского погоста // Там же. С. 17-18.

²¹ Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII-XVIII веков / РАН. Отдел истории. М., 1999. С. 39-54; Секретарь Л.А. К истории строительства... С. 250.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИГНАЧ КРЕСТ

Местоположение Игнача креста — давний вопрос русской исторической географии, который имеет значение для понимания многих исторических сюжетов. Игнач крест упоминается Новгородской Первой и другими летописями в связи с событиями 1238 года: после взятия Торжка «ганяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегерьским путем оли и до Игнача креста, а все люди секуще акы траву, за 100 верст до Новагорода»¹. Подробный разбор существующих мнений о положении креста содер-

жится в статье В.Л. Янина². Здесь достаточно отметить основные моменты в изучении этого вопроса. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев соотносили Игнач крест с Крестцами на реке Холове, которые с последней четверти XVIII века были уездным городом Новгородской губернии. В середине XIX века М.Н.

Иванин предположил, что крест находился у деревни Игнатицы на реке Поле. В конце 1960-х годов А.С. Поповым был предложен, а позднее В.А. Чивилихиным поддержан другой вариант — о нахождении Игнача креста возле деревни Игнашовка в верховьях реки Щеберихи. Впрочем, со временем, А.С. Попов изменил свое мнение, указывая место креста на берегу реки Ловати³. Легко заметить, что главным основанием для этих вариантов является простое созвучие искомого названия с крупными населенными пунктами, которые легко можно отыскать на современных картах. Такой подход едва ли может быть продуктивным, тем более, если он игнорирует другие известные уточняющие обстоятельства.

Единственно верным оказался вариант, кото-

рый предложил Н.В. Мятлев еще в начале XX века⁴. В писцовой книге Деревской пятины письма 1496 года при описании поместья Андрея Рудного в Яжелбицком погосте в числе принадлежащих ему угодий упомянуто озеро «у Игнатцова Кста»⁵ (то есть креста). Из 24 описанных в писцовой книге пунктов Н.В. Мятлев отыскивал четыре. В результате он пришел к выводу, что Игнач крест находился в среднем течении реки Поломети между селом Яжелбицы и деревней Соменка. Аргументация исследователя была при-

нята С.А. Таракановой-Белкиной⁶, С.Н. Орловым⁷ и другими. Более подробно остановился на рассмотрении этой версии В.Л. Янин, который также согласился с точкой зрения Н.В. Мятлева о положении Игнача креста при поместье Андрея Рудного⁸. «В пределах этого земельного массива, — пишет В.Л. Янин — име-

ется только два озера. Одно расположено между деревнями Великий двор и Соменка и ныне носит название Соменко. Очевидно, что это и есть озеро Великое (иначе Великий Двор) писцовой книги. Другое — поменьше — находится чуть к западу (правильнее — к югу — А.Ф.), между деревнями Соменка и Полометь, и ныне называется Глухим. Только с ним возможно связывать топоним писцовой книги «озеро у Игнатцова Кста». Расстояние от этого пункта до Новгорода по прямой равно 102 км, практически же — 100 верстам, обозначенным в летописном рассказе». Несмотря на убедительность сделанного вывода, даже после выхода в свет в 1982 году исследования В.Л. Янина, в печати продолжают появляться и прежние варианты локализации⁹.

Рис. 1. Округа сельца Великий Двор на планах-атласах Крестецкого (левая половина) и Валдайского (правая половина) уездов Новгородской губернии (Примечание: изображение на двух планах совмещено путем монтажа).

Вероятно, этому способствует то, что среди современных названий округа деревни Полометь до сих пор не указано каких либо созвучных Игначу кресту.

Цель моей статьи — уточнить эту несомненно верную локализацию и попытаться извлечь из нее дополнительные сведения о кресте. Итак, в писцовой книге письма 1496 года в Яжелбицком погосте в поместье Андрея Рудного описано 24 населенных пункта¹⁰: селцо на Великом озере Великой Двор, деревни Чепелево, Ветошь, Мокрица, Почяп, Климово, Новина, Перестав, Перестав ж, Соминица, Лобанова Нива, Раменье, Починок, Новина, Стрекалово, Онцифорово, Варивово, Великий Двор, Корост, Литвиново, Ботухино, Лобачево, Богатырево, Бородино. Описание земель поместья завершается отметкой об относящихся к нему угодьях: «А угодей у того поместья: озеро Великой Двор, озеро у Игнатцова Кста, оба Онд-рею».

Названия большей части упомянутых здесь поселений находят соответствия среди пустошей и деревень, описанных в материалах Генерального межевания последней четверти XVIII века. Представление о географическом положении этих урочищ дают планы земельных дач и уездные планы-атласы Крестецкого¹¹ и Валдайского уездов¹² Новгородской губернии, составленные тогда же по документам Генерального межевания (Рис. 1). Все локализованные урочища расположены вокруг селца Великий Двор в районе современного озера Большого. Без труда удается обнаружить и второе озерко: на плане дачи селца Великий двор¹³ (Рис. 2) и на плане-атласе Валдайского уезда оно носит название «Игнацово»/«Игнатцово», что не оставляет сомнений в правильности отождествления этого озера с озером «у Игнатцова Кста» писцовой книги, тем более, что уже в приправочной книге 1551 года то же озеро названо «Игнатцово во Кстах»¹⁴. Прделанная работа по локализации деревень Андрея Рудного показывает, что Игнатцово озеро располагалось на южной окраине его поместья (Рис. 3). Далее обнаруживаем, что южнее и западнее озера в конце XVIII века проходила большая дорога из Москвы в Санкт-Петербург. Известно, что в основу трассы большой столбовой дороги легла система магистральных путей

более раннего времени. Прохождение Большой Московской дороги по этому участку в 1573 году документировано обыскной книгой Деревской пятины. В ней, в числе причин запустения деревень Варивово, Литвиново и других, названа Большая дорога¹⁵. Столетием раньше тот же путь под названием Яжелбицкой дороги упомянут летописцем при описании военного похода Ивана III на Новгород в 1477 году.

Таким образом, можно говорить о систематическом использовании данной дороги в средневековье. На это следует обратить внимание. Ведь

Игнач крест упомянут в летописи именно как ориентир, который позволяет читателю представить степень продвижения татаро-монгольского войска по дороге на Новгород. Эти соображения определяют место вероятного расположения Игнача креста в непосредственной близости от данной дороги. Кроме того, близость креста к озеру являлась настолько отчетливо заметной приметой, что в конце XV века по ней называли озеро. Из этого следует, что расстояние от креста до Игнатцова озера должно быть меньше расстояния от него до Великодворского озера. С другой стороны, для того, чтобы с крестом ассоциировалось озеро, он должен был находиться на достаточном удалении от реки Поломети. Тем самым, локализовать место расположения Игнача креста возможно близ дороги Соменка-Яжелбицы на участке протяженностью полтора-два километра. Исходя из этих наблюдений попробуем ответить на вопрос о назначении креста.

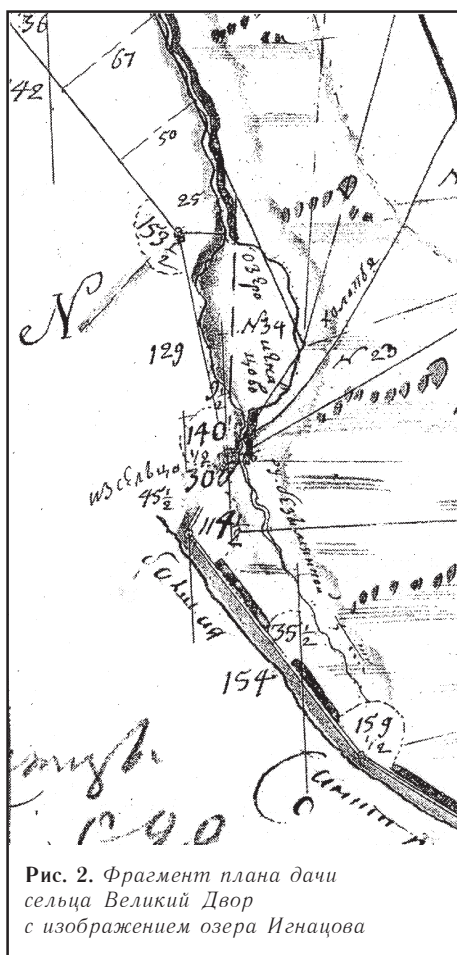

Рис. 2. Фрагмент плана дачи селца Великий Двор с изображением озера Игнацова

Первый вопрос, на который необходимо ответить — крест существовал до событий 1238 года или его появление связано именно с фактом остановки движения войска Батыя на Новгород? Второй вариант ответа уже содержит в себе трактовку Игнача креста как памятного, то есть установленного в честь этого знаменательного события. Памятным Игнач крест предположительно считал еще А.А. Спицын¹⁶. Более уверенно такую трактовку поддерживают и некоторые современные авторы¹⁷. Она, однако, представляется маловероятной. Получается, что рассчитывая дать точное представление о том, где повернули вспять отряды завоевателей, летописец называет ориентир, который мог быть известен читателю исключительно в качестве поворотной

го пункта военного похода и который обязан своим возникновением именно этим событиям. Но если читатель-современник заранее знал о положении памятного знака, то он вовсе не нуждался в такого рода объяснениях.

Я думаю, что смысл упоминания Игнача креста летописцем в том и состоял, что он был хорошо известным ориентиром в сельской географии Новгородской земли. Этот ориентир существовал независимо от событий 1238 года, он возник до них. Какое назначение он в таком случае мог иметь? Можно предложить лишь гипотезу, которая кажется наиболее вероятной. Для этого нам придется сделать небольшой экскурс в историю средневековых дорог Новгородской земли.

Сам факт появления татаро-монгольской конницы в районе озера Игнатцова доказывает существование уже в XIII веке торного пути из Яжелбиц на Новгород. Иначе и быть не могло. Уже в приписке к знаменитому «Уставу князя Ярослава о мостех», которая датируется 1265—1267 годами¹⁸, то есть менее чем через

тридцать лет после похода Батыя, по Яжелбицам именовалась одна из девяти областей Новгородской земли, доход с которых шел на строительство города Великого моста через Волхов.

Значительно менее ясная ситуация с тем, использовался ли в XIII-XV веках второй отрезок той же дороги — на участке Яжелбицы—Вышний Волочек. По мнению В.Л. Янина, в рассказе о походе 1477 года «под Яжелбицкой дорогой невозможно понимать существующее ныне направление пути от Торжка через Валдай, Яжелбицы, Крестцы и Бронницы, возникшее в XVI в. с организацией ямской гоньбы»¹⁹. Этому тезису можно возразить: контекст рассказа Никонской летописи о военном походе 1477 года неопровержимо свидетельствует в пользу именно такого направления Яжелбицкой дороги: «Октября же 23 выехал князь великий из Торжку,

а пошел ратию на Новгород; а шел от Торжку на Волочек, а оттоле шел меж Яжелобицкие дороги и Мсты»²⁰. Шестью годами раньше, в 1471 году, Иван III прибыл в Яжелбицы также из Вышнего Волочка — через центр Коломенского погоста²¹. Писцовая книга Деревской пятины 1496 года на отрезке пути между Яжелбицами и Коломно в селе Хотилово описывает двор ямщика²². Таким образом, во второй половине XV века Яжелбицкой дорогой называлась трасса, маршрут которой в основном совпадает с большой столбовой дорогой конца XVIII века.

Письменные источники не дают оснований утверждать об использовании уже в XIII столетии Яжелбицкой дороги на отрезке Вышний Волочек—Яжелбицы. Однако округа Валдайского озера — один из выраженных демографических центров и регионов интенсивного заселения начиная с конца I тыс. н.э. до позднего средневековья, о чем свидетельствует обилие здесь археологических памятников различных эпох. Поэтому существование в домонгольское время большой дороги, продолжавшей «трас-

су» Новгород—желбицы на юго-восток по меньшей мере до берегов Валдайского озера и в целом совпадающей с позднесредневековым трактом, является очевидным.

В летописном рассказе о походе Ивана III на Новгород в 1471 году имеется свидетельство об еще одном торном пути, по которому было возможно продвижение многочисленной военной рати. Летом 1471 года великий князь ожидал исхода Шелонской битвы в Яжелбицах. Находясь в этой точке, он даже при неудаче московских воевод имел еще один шанс выиграть войну, воспользовавшись отсутствием в самом Новгороде наиболее боеспособных сил, стоявших в это время на Шелони. Для этого он должен был двинуться прямо на Новгород уже известной нам большой дорогой — через Старое Рахино и Бронницы.

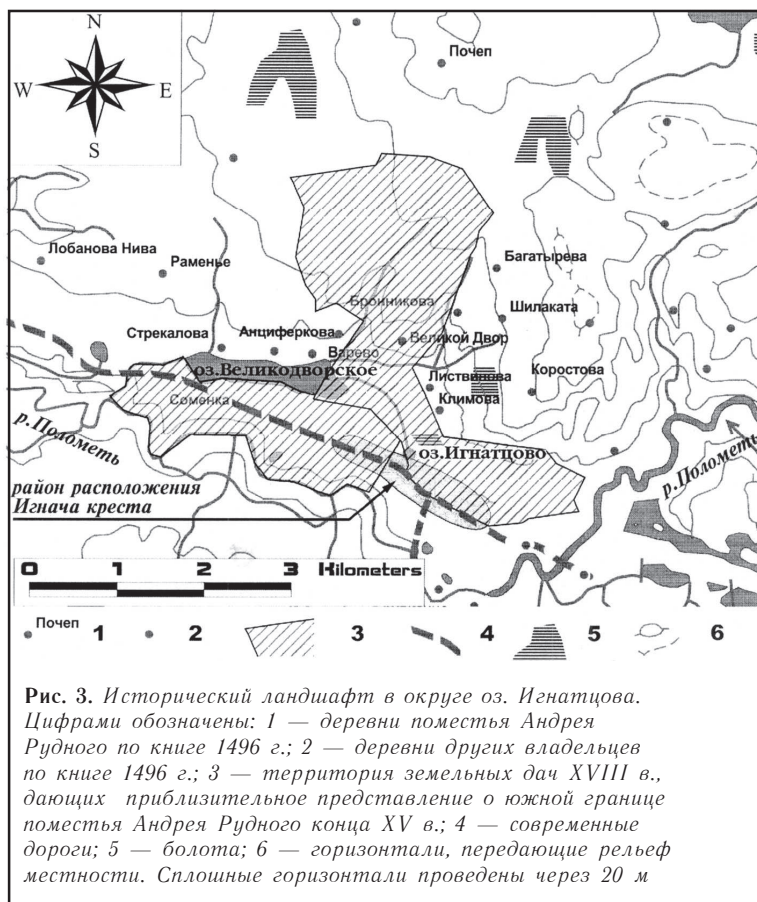

Рис. 3. Исторический ландшафт в округе оз. Игнатцова. Цифрами обозначены: 1 — деревни поместья Андрея Рудного по книге 1496 г.; 2 — деревни других владельцев по книге 1496 г.; 3 — территория земельных дач XVIII в., дающих приблизительное представление о южной границе поместья Андрея Рудного конца XV в.; 4 — современные дороги; 5 — болота; 6 — горизонтали, передающие рельеф местности. Сплошные горизонтали проведены через 20 м

Однако исход битвы превзошел лучшие ожидания. Узнав 18 июля о победе, великий князь поспешил к месту недавней битвы, дабы продиктовать условия мира. Уже 24 июля он оказывается в Старой Руссе. Скорость движения рати Ивана III составила при этом не менее 20 километров в сутки. Это демонстрирует способность великокняжеского войска передвигаться весьма стремительно. Обладая такой мобильностью, и предыдущий отрезок пути оно могло преодолеть за четыре-пять дней (от озера Коломне до Яжелбиц по прямой расстояние составляет около 90 км). Однако еще спустя девять дней после пребывания на Коломне Иван III находился в Яжелбицах. Таким образом, именно в Яжелбицах он должен был определиться с дальнейшей стратегией войны — с учетом исхода боев на Шелони.

Летописец отмечает, что путь Ивана III проходил через Деманский погост на реке Явони²³. Эта деталь открывает причину задержки великокняжеского войска в Яжелбицах: здесь пересекались две крупные дорожные артерии — на Новгород и на город Деман (и расположенный неподалеку Деманский погост). Любопытно, что тем же приемом воспользовался и великий князь Василий Васильевич (отец Ивана III) в 1456 году. Второго февраля его войско взяло Руссу: «собрав силы многиа и пришед, плени волости многиа и Русу взя февраль 2». Затем происходит разгром подоспевшей новгородской рати — тоже, вероятно, под Руссой. Но делегация новгородцев направляется для заключения мира к великому князю в Яжелбицы: «владыка Еуфимии, ехавши с посадники и з бояры новгородскими, с псковскими, добиша чолом князю великому Василью Васильевичу на Яжолвичах, и даша пол девяте тысящи рублей, и взяша мир по старине»²⁴. События второй половины XV века свидетельствуют, что Яжелбицы являлись пунктом, который связывал системы дорог в бассейнах рек Полы и Мсты (Рис. 4).

О существовании большой дороги Деман—Яжелбицы в XIII веке нельзя утверждать из-за

отсутствия письменных свидетельств. Однако следует иметь в виду, что и Деман, и Яжелбицы являлись стратегически важными пунктами уже в XIII веке. На территории обоих пунктов известны крупные археологические поселения этого времени. Природные условия пространства, которое разделяет эти пункты, делают возможным только один вариант прохождения такого пути. Здесь много болот, и только склон Валдайского

уступа к востоку от реки Поломети представляет прекрасную возможность для преодоления водораздельного пространства. Естественно, что именно здесь цепью расположились археологические памятники «домонгольского» времени (второй пол. I—нач. II тыс. н.э.). В конце XV века именно на этом пути располагаются центры Налесского и Семеновского в Вудрицах погостов Деревской пятины.

Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что большая дорога Деман—Яжелбицы, которая несомненно существовала в середине XV века, активно использовалась уже во времена нашествия Батыя, в XIII веке. Конечный участок пути — от Налесского погоста (на месте современной деревни Сосницы) до Яжелбиц — идет вдоль левого берега реки Поломети. Параллельно, по правому берегу реки, проходит дорога Яжелбицы—Новгород. Эти два магистральных пути соединены дорогой-перемычкой, кото-

рая спрямляет путь (семь километров до Яжелбиц и такое же расстояние — обратно по другому берегу), пересекая реку Полометь в точке, где до сих пор известен брод (возле современной деревни Кувизино). Длина пути при этом сокращается с 14 км до 2,5 км. Точка пересечения спрямляющей дороги и «трассы» Яжелбицы—Новгород попадает в очерченную мной территорию, в пределах которой располагался Игнач крест. На мой взгляд, эта точка и является наиболее вероятным местом, где он стоял. Любопытно, что она находится ровно посередине между озером и рекой (удалена от них на 570 метров). Сам Игнач крест я предлагаю в связи с этим рассматри-

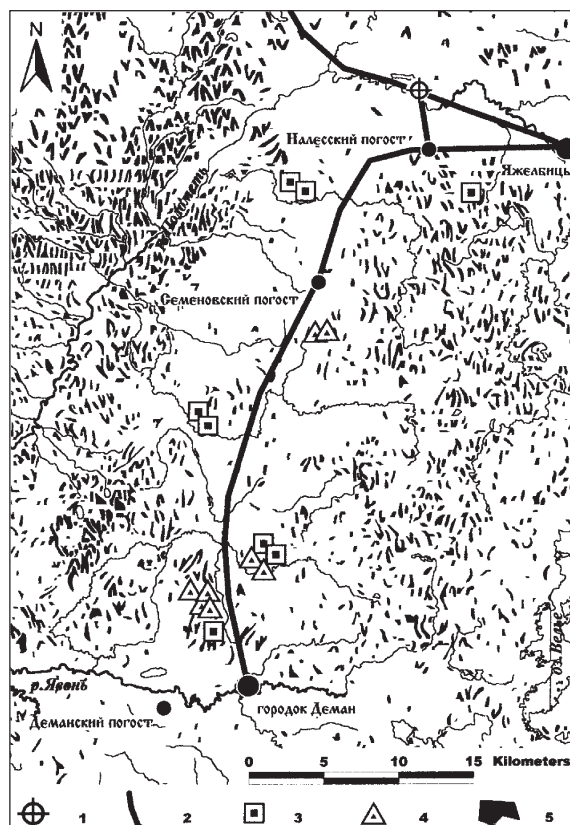

Рис. 4. Исторический ландшафт водораздела рек Явони и Поломети. Цифрами обозначены: 1 — предполагаемое место расположения Игнача креста; 2 — важнейшие средневековые дороги; 3, 4 — археологические памятники 2-й пол. I тыс. н.э. между Яжелбицами и Деманом (3 — сопки; 4 — курганы) (примечание: кроме древностей ближайшей округи этих поселений); 5 — болота

вать как придорожный. Его назначением было указывать путнику место поворота с дороги из Новгорода на Деманскую дорогу, а также с дороги, ведущей от реки Поломети, на большую Новгородскую дорогу. Такая трактовка позволяет говорить и о реальных мотивах, по которым войско Батыя прекратило движение на Новгород имен-

но здесь: отступление по уже пройденной дороге обрекало его на голодную гибель. Поэтому, даже приняв решение о прекращении похода, Батый некоторое время был вынужден двигаться вперед в поисках крупной дороги, еще не разоренной войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 76, 288.

² Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 146-158.

³ Попов А.С. В поисках Дивьего камня (записки краеведа). М., 1981.

⁴ Мятлев Н.В. Игнач крест и Селигерский путь // Труды XV археологического съезда. М., 1914. Т. I. С. 338-339.

⁵ НПК. Т. II. СПб., 1862. Стб. 813-818.

⁶ Тараканова-Белкина С.А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // Труды Государственного исторического музея. Вып. 11: Сборник статей по археологии СССР. М., 1940. С. 163. Любопытно, что при этом исследовательница проводила Селигерский путь по р. Шеберихе, а существенное удаление Игнача креста от нее объясняла «чисто случайным отклонением».

⁷ Орлов С.Н. К вопросу истории путей сообщения во владениях древнего Новгорода // Вопросы школьного краеведения. Л., 1976. С. 68.

⁸ Янин В.Л. Указ. соч. С. 155, 156.

⁹ Селигерские земли / Сост. и автор текста Барсегян Т.В./ М., 1988. С. 33; Марево — земля Рюриковичей. Великий Новгород, 2000. С. 32, 138 — крест локализован в районе городище Березовец на Селигере; Балуев А. В спорах рождается истина // Авангард, 10, 12, 19 янв. 1991 — крест локализован на р. Поле у д. Игнашевка; Святославский А.В., Трошин А.А. Крест в русской культуре: очерк русской монументальной ставрог-

рафии. М., 2000. С. 46. Примечание 27. Авторы пишут о существовании устных преданий о кресте. Мне они не известны. Весьма странным кажется то, что при этом авторы констатируют неопределенность его местонахождения. Очевидно, что существование устного предания, основанного на неких исторических реалиях, предполагает четко определенную его локализацию, так или иначе соотносимую с ними.

¹⁰ НПК. I. Стб. 814-819.

¹¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3062.

¹² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3022.

¹³ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ч. 1. В-3 син.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Л. 464, 465об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 117. Ч. 1. Л. 589.

¹⁶ Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб, 1903. С. 210.

¹⁷ Святославский А.В., Трошин А.А. Указ. соч. С. 127.

¹⁸ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991. С.146-147.

¹⁹ Янин В.Л. К хронологии и топографии... С. 151-152.

²⁰ ПСРЛ. Т. XII. С. 172.

²¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 134; Т. XXV. С. 288.

²² НПК. Т. I. Стб. 98.

²³ В летописи — «с Селищ противу Демона». Об обозначении этим топонимом Деманского погоста см.: Фролов А.А. Новгородский городок Деман и Демянский погост: проблема преемственности // Очерки феодальной России. Вып.6. М., 2002. С. 86-96.

²⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 49.

Нинель КУЗЬМИНА

ДОМ ЧЕРТОЛИНА

Мне неоднократно приходилось рассказывать о памятниках архитектуры, в реставрации которых принимала личное участие. А таких в общей сложности набралось уже более пятидесяти. Что ж, это дело всей моей жизни, число трудовых лет, отданных любимой работе, уже более сорока.

С удовольствием воспользуюсь в очередной раз представившейся мне возможностью. Мои предыдущие публикации неизменно вызвали многочисленные отклики новгородцев. Значит, это интересно людям. Полагаю, что все, кто считают себя новгородцами и гордятся этим, в первую очередь имеют в виду славную историю нашего города, его многочисленные, неповторимые, единственные в своем роде памятники культуры — важную часть ее мирового достояния.

Это чувство гордости, желание узнать об истории города больше, поделиться новыми сведениями с близкими, знакомыми, гостями делают всех нас единомышленниками, объединяют независимо от политических платформ, размеров личного достояния и прочих, пусть и очень важных особенностей и различий.

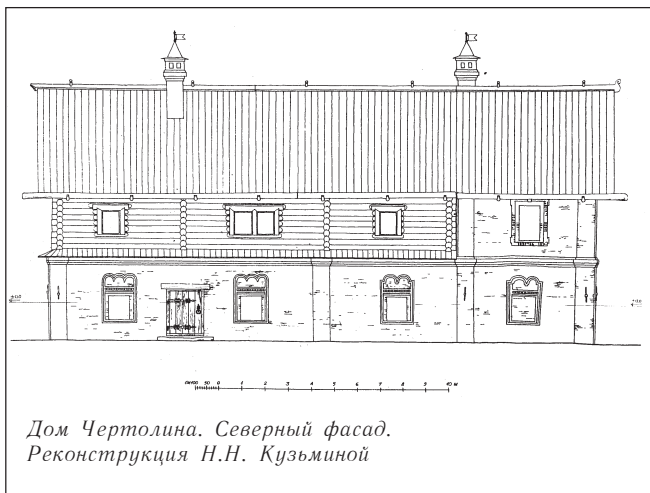
Наши великолепные памятники требуют к себе внимания, иначе они разрушаются, теряют свои достоинства и, в конце концов, просто гибнут. Примеров этому не счесть. Поэтому просто любить памятники, гордиться ими — слишком мало. Они нуждаются в реальной помощи. Конечно же дело прежде всего в денежных средствах, их всегда было недостаточно, мало и сейчас. Но, и не только в деньгах. Важно видеть, знать, что следует сделать, как именно, что незамедлительно, а что может чуть подождать. Наверное, есть возможности, которые мы еще по разным причинам плохо используем.

Мне кажется, любой новгородец может чем-то помочь делу сохранения памятников. Узнать о них что-то новое, неизвестное, поделиться с другими — это уже хорошо. Поднять свой голос в защиту памятников, если это требуется — тоже важно. Своими руками помочь в расчистке, выполнении других несложных работ — еще лучше. Если арен-

датор или владелец здания-памятника позаботится о его безупречном содержании, а может быть и реставрирует какие-то элементы по согласованному надлежащим образом проекту, это вообще прекрасно. Ну, а если найдутся спонсоры, готовые выделить деньги на реставрацию какого-либо объекта, возможно с последующим его использованием в собственных интересах — новгородцы должны с благодарностью принять такой дар, а это деяние стало бы частью истории памятника.

Обратимся к конкретному объекту. Сегодня пойдет речь не о храме или башне Кремля, а о скромном здании гражданского назначения, проще го-

воря, о жилом доме, построенном, очевидно, около трех веков назад. Нам, избалованным памятниками XI–XVII веков может показаться странным выбор такого не очень древнего и незначительного здания. Тем не менее, в каталоге памятников истории и культуры Новгородской области он значится как памятник архитектуры федерального значения. Это дом купца Чертолина. В чем же дело,

Дом Чертолина. Северный фасад.
Реконструкция Н.Н. Кузьминой

почему этому жилому дому оказано такое внимание? Чтобы объяснить это, придется хотя бы вскользь коснуться общих проблем реставрации.

Любое общество считает необходимым сохранять накопленные им материальные и духовные ценности, по крайней мере, сумму важнейших знаний и технологий. В целом, это и составляет понятие культуры в широком смысле слова. Реставрация памятников архитектуры не есть самоцель, а лишь один из способов сохранения культурного наследия, то есть вещественных свидетельств о применяемых нашими предками архитектурных, конструктивных и технологических решениях, строительных материалах, об эволюции взглядов, некоторых взаимоотношениях людей, возникающих в ходе строительства и дальнейшего использования здания.

Конечно же, обычно нас впечатляет «возраст» объекта. Да, безусловно, чем памятник древнее, тем меньше у него шансов предстать перед нашими современниками, тем реже встречаются такие

объекты и, соответственно, ценнее. Но это еще не все — нередко о более ранних сооружениях мы знаем значительно больше, чем об отдаленных от нас одним, двумя или тремя столетиями. Например, сохранились десятки храмов XI–XVII столетий, из различных письменных источников нам известно, кто и когда их построил, освятил, как они перестраивались в дальнейшем. То же можно сказать и о важнейших оборонительных сооружениях... Но наши предки не только молились и воевали — они где-то жили, чем-то занимались, согревались от холода, обеспечивали свое существование. Значит, у них были жилища, хозяйственные постройки, мастерские и т. п. Такого рода объектов, возведенных до XVII века, почти не сохранилось, их не удостаивали своим вниманием и летописцы. В то же время, это — такая же часть нашей культуры, которую надо сохранять, она по-своему также бесценна.

Так вот, дом купца П.И. Чертолина — как раз из числа таких объектов. Вероятно, это один из самых старых каменных жилых домов Новгорода, а возможно и самый древний. Во всяком случае, в упомянутом каталоге более ранних жилых зданий не значится. На примере его восстановления — относительно небольшого и не самого сложного объекта, я и собираюсь рассказать о тех проблемах, которые возникают перед архитектором — автором проекта реставрации, о мотивах принимаемых решений, о наших подходах.

Как правило, восстанавливаемый объект содержит в себе элементы нескольких эпох, следы каждой из них по-своему интересны и ценны. Происходит это вполне естественно — за многие века здание ветшает, его приходится ремонтировать, меняются собственники, их вкусы. Иногда здание приспособляют для выполнения несколько иных функций. Порой появляется желание увеличить его, как-то украсить, преобразить в соответствии с архитектурной «модой».

Предположим, мы восстанавливаем храм XIV века, но его отдельные части появились значительно позднее, а другие существенно изменились в последующие периоды, например в XVI–XVIII веках и позднее. Что же делать? Разрушить все более поздние элементы и восстанавливать на XIV век? Но, порой более поздние элементы здания возводятся на месте разобранных старых; иногда удается определить, что было прежде, а порой это практически невозможно.

В конечном итоге, любой проект реставрации

— решение субъективное, далеко не бесспорное, конечно же несущее в себе позицию автора, позицию осмысленную, выстраданную, во многом личную. С другой стороны, это безусловно, компромисс, который рождается обязательно в результате споров, обсуждений, учета мнений других специалистов, всего накопленного реставрационного опыта. Компромисс, который есть попытка, во-первых, сохранить в первозданном виде элементы культуры прошлых поколений, во-вторых, придать памятнику эстетически приемлемый вид, в-третьих, предотвратить его дальнейшее разрушение. Как правило, лучше всего это сделать, решив вопрос об использовании памятника — по его первоначальному назначению или пусть даже по иному.

Все эти вопросы давно обсуждаются реставраторами различных стран, выработаны некоторые общие концепции, подходы к реставрации.

Одно из главных положений состоит в том, что при реставрации следует сохранить памятник точно в таком виде, каком он дошел до нас. Вспомним Колизей, Акрополь, Парфенон — наверное у итальянцев и греков нашлись бы средства на их реставрацию. Однако, они этого не делают, сохраняя первозданную чистоту памятника. Восстановленное руками современников — это уже не совсем та древняя культура, а нечто иное, хотя и представляющее огромную ценность.

Конечно, им проще, живя в теплом, весьма отличном от нашего климате. Мы, как правило, оказываемся в ситуации, когда памятник не может суще-

ствовать, если не воссоздать его утраченные детали. Можно сказать сильнее — памятник будет обречен на гибель, если в нем не будет жизни, если он не будет выполнять определенную функцию. В таком случае реставратор должен руководствоваться при воссоздании утраченных частей здания только строгими научными критериями и документальными источниками. Нельзя допустить, чтобы современный автор подменил элементы культуры прошлого своим собственным творчеством.

Это отступление поможет объяснить нам и судьбу дома Чертолина.

В силу многих и, в основном, понятных обстоятельств, в Новгороде практически не сохранилось жилых домов, построенных до начала XVIII века. О более ранних мы узнаем с помощью археологических раскопок или древних описей. Конечно же, дело прежде всего в том, что новгородцы традиционно строили себе деревянные жилища. Материалы — под рукой, легко обрабатываемые и переме-

Северный фасад. 1947 г.

щаемые. Очевидно, это обязывало почти каждого мужчину владеть топором и другим плотницким инструментом. Таким образом, любая семья могла построить себе дом, не прибегая к посторонней помощи, и не тратясь на закупку материалов.

Посмотрите на сегодняшние деревни — во многих даже сейчас не увидишь ни одного каменного жилого дома. Почти все избы построены на один манер — три (реже два или четыре) окна по фасаду, крыльцо с одной стороны, хозяйственный двор, примыкающий сзади. Естественно, срок их службы — несколько десятков лет, может быть за редким исключением — около столетия. В отличие от большинства жилых зданий, дом Чертолина был каменным, благодаря чему он более или менее сохранился до нашего времени.

Сейчас дом Чертолина — двухэтажное кирпичное строение. Вы легко найдете его, двигаясь по Рогатице (ул. Большевиков) в сторону вала. Дом разместился на правой стороне вслед за зданием страховой компании и особняком из желтого кирпича в глубине квартала — метрах в 50 от дороги. Возможно, на первый взгляд, на фоне нынешних особняков, он и не привлечет вашего внимания — обычное двухэтажное прямоугольное здание с вальмовой четырехскатной кровлей и слуховыми окнами. Лишь подойдя ближе и присмотревшись, вы почувствуете, что в оформлении здания есть какая-то изюминка.

Прежде всего, это богатый декор окон первого этажа главного фасада, междуэтажный карниз, выступающие плоские лопатки. Есть и другие детали, которые заставят поверить Вас в то, что этому зданию несколько веков.

Свое название дом получил по имени одного из последних владельцев — новгородского купца Павла Ивановича Чертолина. Известно, что один из Чертолиных, Иван, был отставным унтер-офицером, а его сын — полоцким мещанином. Позднее он стал новгородским, а его потомки сделались купцами второй гильдии. Кто-то из них и сейчас живет в нашем городе. Документально подтверждается, что эта семья владела домом с 1868 по 1909 год.

До начала реставрационных работ из редких публикаций было известно, что это редкий памятник гражданской архитектуры предположительно первой половины XVII века. Не было сведений о точном времени постройки, первых владельцев, возможных перестройках и т. п., т. е. памятник был совершенно не изучен.

Правильнее было бы сказать, что это забытый памятник, неприметный на фоне знаменитых многократно описанных новгородских храмов и оборонительных сооружений с их многовековой историей.

До этого здания, разрушенного в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., долгое время не доходили руки, и лишь в 1971 году оно включается областным управлением культуры в план реставрационных работ. И уже в 1972 году нами (архитекторами Новгородской реставрационной мастерской) были проведены его натурные исследования.

К началу работ двухэтажное здание, имевшее размеры в плане 23,7 x 9,4 метра, выглядело полу-

разрушенным — налицо следы войны и забвения послевоенных лет. Крыша сохранилась только над западной двухэтажной частью здания, стены одноэтажной части были полуразрушены.

Наши исследования показали, что первоначально здание каменно-деревянное. Полностью каменным был весь первый этаж и небольшая часть второго этажа с западной стороны. С востока к ней примыкала бревенчатая надстройка.

Нижний этаж состоял из большого производственного помещения с плоским деревянным перекрытием и сводчатой палаты на западе, перекрытой сводом с распалубкой над единственным окном. Вход в нее был с южного фасада. Первоначальное назначение этой палаты неизвестно. В послевоенные годы она перегорожена.

Здесь было жилье (кухня и комната).

Производственное помещение имело два входа — с северной и южной сторон и несколько окон (пять или четыре). Посредине этого помещения стояли два круглых кирпичных столба, поддерживающих перекрытия и деревянную надстройку второго этажа. Они не сохранились, но в развале строительного мусора были найдены более 20 кирпичей в виде сектора окружности, из девяти таких складывается сечение круглой колонны диаметром 70 сантиметров, а также столбчатый фундамент из валунов для одной из колонн.

В верхней части стен производственного помещения на внутренней стороне имелся уступ для перекрытия. По периметру стен первого этажа над окнами положены внутрстенные металлические связи. Примечательно, что на металлическом анкере связи у северо-западного угла здания сохранилось клеймо с надписью «Сибирь» в прямоугольной рамке. На фасадах имелись плоские лопатки, которые делят западные и восточные фасады на две части, северный — на три части. Окна первого

*Фрагмент северного фасада.
Современный вид*

этажа северного фасада имели богатые наличники с завершением в виде кокошника из двойных и тройных арок. «Поле» кокошника у этих окон украшал «поребрик». Крайний с запада наличник, единственный сохранившийся до нас, обрамляет не окно, а прямоугольную нишу. Остальные окна первого этажа на западном и южном фасадах не имели наличников.

Лопатки на фасадах продолжают и на втором этаже западной части здания, где располагалась светлая с четырьмя окнами комната с плоским потолком. Окна второго этажа отличаются от нижних окон северного фасада. Они обрамлены прямоугольным выступающим наличником с «замком» и уширениями («ушками») по бокам наверху и внизу. Подобные наличники окон появляются впервые в Петербурге после 1712–1715 гг. при строительстве «образцовых», т. е. типовых домов. Здесь, в провинции, они могли появиться и несколькими годами позже, чем в столице. Это помещение в западной части здания позже было разделено деревянными перегородками на комнату и кухню, где имела изразцовая печь. В результате исследований нами были обнаружены обломки полихромных изразцов (белые с голубым и белые с зеленым и желтым). Вход в каменное помещение второго этажа был единственный — в восточной стене, к которой примыкала бревенчатая надстройка. Здесь могли располагаться сени, лестница с первого на второй этаж и другие комнаты для жилья.

Позднее деревянная часть второго этажа, очевидно после пожара, была заменена каменной. Соответственно, можно было различить два основных строительных этапа — время строительства дома от закладки и период надстройки кирпичного второго этажа (вторая половина XVIII века). Эти периоды отличаются использованным кирпичом — более тонким и мелким на втором этапе и архитектурными деталями. Окна были оформлены прямоугольными наличниками без «замков» и без «ушек». Небольшая часть стен этого периода еще сохранялась до 1970-х годов.

Очевидно, при строительстве мастера стремились перенести в кирпичную постройку известный северно-русский прием — устройство крытого хозяйственного двора, примыкающего к жилью.

При этом для жилья использовалась западная часть, а также деревянный второй этаж (здание вытянуто с востока на запад). Частично сохранились оконные проемы второго этажа, оформленные наличниками с «замком» и уширениями, «ушками» наверху и внизу. Окна первого этажа северного фасада имеют богатые наличники с кокошниками в виде двойных или тройных арок и поребрика. Применение декора в камне перекликается с широко используемыми в деревянном зодчестве резными наличниками и другими деталями.

Исследование памятника позволяло считать, что дом построен в первой половине XVIII века, точнее, в период с 1730 по 1740 годы. Об этом можно

судить по декоративному оформлению фасадов, форме первоначальных окон, сохранившейся металлической связи с клеймом «Сибирь». Такие приемы и детали встречаются на трапезной с церковью Успения в Деревяницах (1725 г.), Никольской церкви в Старой Руссе (1710 г.), церкви Троицы (1740 г.) и на ряде зданий в Санкт-Петербурге, построенных после 1712–1715 гг. Все эти сопоставления достаточно убедительно подтверждают предложенную датировку памятника. Интересны соображения о предназначении хозяйственной части здания. Во время исследований, проведенных нами в 80-е годы, обнаружены остатки десяти ду-

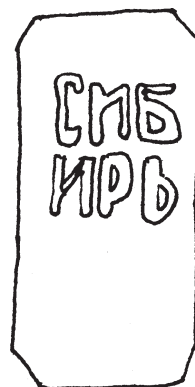

Западный объем. Вид с северо-востока в процессе реставрации. Май 1986 г.

клеймо
на связи

бовых чанов диаметром до 1,8 м, врытых в землю изначально — днища их располагались на 45 см ниже уровня пола. Это вполне согласуется со сведениями, полученными Л.М. Шуляк от одного из потомков Чертолиных о том, что здесь, очевидно, до 1900 года размещался кожевенный завод, а чаны использовались для вымачивания кож. Подобные чаны были обнаружены и в подвале близлежащего деревянного дома. Таким образом, можно предположить, что кожевенная мастерская или завод существовали здесь уже значительно раньше. Можно допустить, что на близлежащей территории проживало несколько кожевников, а наиболее удачливые из них смогли выстроить достаточно большое кирпичное здание для такой мастерской.

К 1900 году кожевенное производство было закрыто, чаны засыпаны землей. В последующие годы, вероятно, вплоть до войны, здесь размещалась кузница. В дальнейшем здание, очевидно, было жилым. Насколько это было возможно, его приспособили для этого новгородцы и в первые послевоенные годы.

Клеймо
на металлической
связи
(ул. Рогатица, 40а,
с.-з. угол)

Исследования памятника сопровождалось тщательными обмерами, закреплялись документально, как чертежами, так и фотографиями.

В 1973 году мы приступили к проектным работам, которые предусматривали приспособление памятника под жилье. Проектом предполагалось восстановление здания с каменной надстройкой второго строительного периода. Одновременно мною была выполнена графическая реконструкция на первоначальную дату с деревянной надстройкой. Предпочтение было отдано варианту с каменной надстройкой, т. к. данные исследования в этом случае позволяли достаточно точно реконструировать здание на второй период. В то же время достоверных данных для восстановления деревянной надстройки явно не доставало.

Проект рассматривался на научном совете дважды — в 1973 году, в 1981 году, и был одобрен. Задержка по времени объяснялась отсутствием заказчика и денежных средств. За это время полуразрушенные стены первого этажа восточной части здания разрушились полностью.

В мае 1986 года реставрационные работы были начаты, затем прекращены и снова продолжены в 1987–1988 годах.

В результате на этом этапе был восстановлен наружный облик здания на второй строительный период — с каменными стенами. Восточная часть здания полностью выложена вновь на новых фундаментах из железобетонных блоков. Древний валунный фундамент пришлось заменить, так как

под ним оказалось основание из полусгнивших бревенчатых лежней.

Можно сказать, что от древнего здания сохранилось менее 20 процентов площади.

В начале 1991 года нами был разработан новый проект приспособления здания под малую гостиницу на 35 мест, однако проект не был осуществлен.

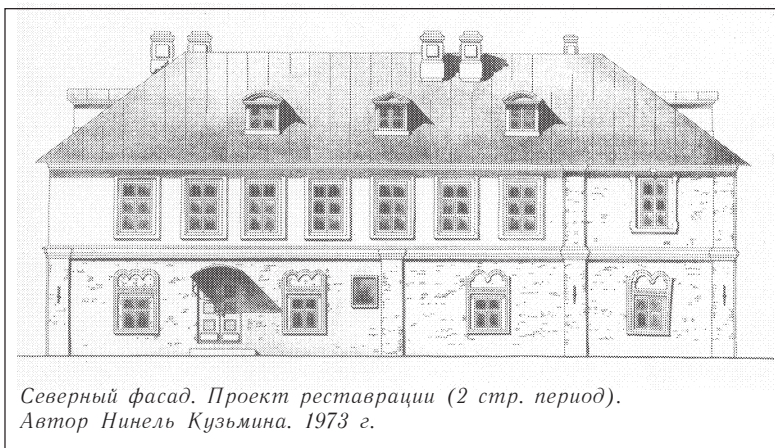
В 2000–2001 годах предприятие «Деловой партнер» по новому проекту И.Е. Безлаковской приспособило здание для иных целей — размещения служебных помещений и жилья. И так, сейчас в

этом здании размещается общество с ограниченной ответственностью «Еврохимсервис», которое на протяжении 10 лет успешно осуществляет поставки минеральных удобрений во многие регионы России и, прежде всего, в Северо-Западный.

Радует бережное, вдумчивое отношение новых хозяев здания к этому ценному памятнику архитектуры. Приятно, что они не только содержат его безупречно, но уже выполняют и намерены выполнять в дальнейшем определенные работы по благоустройству прилегающей территории, а также архитектурному оформлению здания с тем, чтобы его вид еще полнее отвечал замыслам древних зодчих.

Думаю, так и должна проявляться истинная любовь новгородцев к своему городу, его историческим местам. И так, еще одна история завершилась, памятник архитектуры живет, действует.

А сколько их еще ждет своей очереди!

*Северный фасад. Проект реставрации (2 стр. период).
Автор Нинель Кузьмина. 1973 г.*

Людмила СЕКРЕТАРЬ

«КЕЛЕЙНЫЕ ПИСЬМА» АМВРОСИЯ ЮШКЕВИЧА

В западной паперти собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, справа от входа в основной объем, сохранилась надгробная плита над могилой новгородского владыки Амвросия Юшкевича. Он умер в 1745 году и перед смертью завещал похоронить его не в Софийском соборе, как полагалось архиепископам, а в Антониевом монастыре, особо им почитаемом и выбранном для устройства духовной семинарии.

Амвросий Юшкевич был выходцем из Польши. Он родился в 1690 году и начальное образование получил в польских школах. В дальнейшем обучался в Киево-Могилянской духовной академии, которую всегда чтит как образец высшего учебного заведения и следовал ее традициям.

Около 1730 года Амвросий был назначен иеромонахом в Виленский Святодухов монастырь. В 1732 году обитель разгромили поляки, пострадал при разгроме и Амвросий. В связи с притеснениями православного монашества в 1734 году Амвросий был переведен в Москву, на должность архимандрита Симонова монастыря¹.

Спустя год его назначили на епископскую кафедру в Вологде, которую он возглавлял пять лет. Здесь Амвросий занимался ремонтом и украшением Софийского собора, много внимания уделял духовной семинарии. Для преподавания в семинарии он пригласил учителей из Киева².

Амвросий Юшкевич пользовался доверием императрицы Анны Иоанновны. Особенное ее расположение он заслужил торжественной речью (предикой), произнесенной в день венчания племянницы Анны Иоанновны, принцессы Анны Леопольдовны, с герцогом Антоном-Ульрихом Брауншвейгским. Историк П.И. Савваитов, посвятивший созданию этой предики небольшую статью, отмечал, что написана она остроумно, хорошим слогом. Елизавета Петровна, придя к власти в 1742 году, запретила это сочинение Амвросия Юшкевича и приказала все изданные брошюры сдавать в воеводские канцелярии и уничтожать³. Поэтому они со-

ставляют сейчас библиографическую редкость.

При Анне Иоанновне в 1740 году Амвросий получил новое назначение на должность архиепископа Новгородского и Великолуцкого. В том же году по его инициативе в Антониеве монастыре была учреждена духовная семинария. В нее перевели лучших учеников славяно-греческой школы, основанной братьями Лихудами. Амвросий написал устав духовной семинарии, опубликованный позднее в «Истории Российской иерархии» Амвросия Орнатского.

Воцарение Елизаветы Петровны в результате

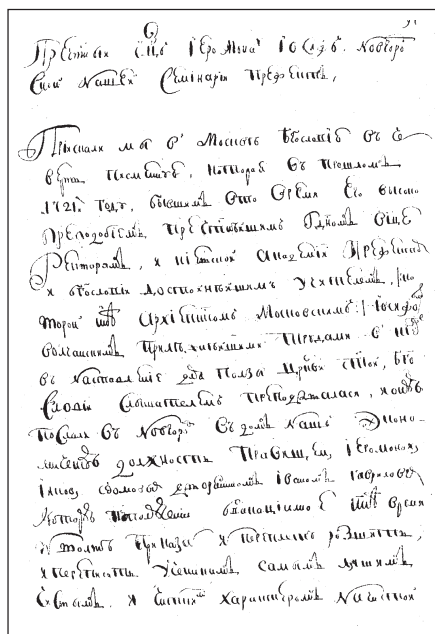
дворцового переворота принесло Амвросию серьезные жизненные осложнения. Случилось так, что он по своим политическим воззрениям примкнул к партии «иноземцев» графа М.Г. Головкина, который после смерти в 1740 году Анны Иоанновны был произведен в вице-канцлеры. Головкин посоветовал Анне Леопольдовне объявить себя императрицей. Елизавета Петровна, придя к власти, приказала казнить графа, но затем помиловала его, заменив смертную казнь ссылкой в Сибирь.

Амвросий Юшкевич вымолил прощение новой императрицы, отказавшись от прежних политических пристрастий, избежал сурового наказания и сумел даже расположить ее к себе. Он посвятил Елизавете Петровне две предики: в день чудесного

восшествия на престол в 1742 году и в день коронации в 1743 году⁴. В 1742 году Елизавета Петровна посетила новгородскую семинарию⁵.

Поступки Амвросия рисуют его дипломатичным, гуманным; в речах же и письмах он предстает человеком образованным, просвещенным, не лишенным литературного дарования. В журнале «Русская старина» Василий Талицкий опубликовал письмо Амвросия Юшкевича, адресованное Архангельскому архиепископу Варсонофию, датированное 1742 годом.

Амвросия возмутило жестокое обращение Варсонофия со священниками, которых по его приказу «...сковавши в железа, волочили по разным местам и только штрафами денежными неведомо за что... с крайним их разорением отягчевали...» А в апреле

1742 года, в день светлого Воскресения Христова, Варсонофий, совершая литургию, приказал «оных же соборян, не жалея общей всего духовенства чести, на поругание народу, несколько часов на льду босых мучить тирански...» Обращаясь к Варсонофию, Амвросий увещевает его такими словами: «И как сие не ужасно перед богом, приносили Вы бескровную жертву тогда, когда руки почти омочены были кровью, когда слезы и воздыхания бедных безвинно мучимых пробивали самое небо! Это ли должность пастырская?..»

В Отделе письменных источников Новгородского музея хранится обширный том, в котором собрана переписка Амвросия Юшкевича за 1744 год. Рукопись происходит из новгородской духовной семинарии⁶.

Когда берешь в руки этой том, охватывает невольный трепет. Много посланий, написанных рукой Амвросия. Здесь же ответы на его письма. В переписке запечатлен предпоследний год жизни Амвросия Юшкевича, который он, большей частью, провел в Москве, круг его интересов, тесно связанных с Новгородом. Перечитываяешь письма и отчетливо осознаешь, что главным делом его жизни в этот период было любимое детище — новгородская духовная семинария. Письма адресованы князьям С.П. Головкину и П.Б. Черкасскому, управляющему Карповским подворьем Новгородского Архиерейского дома в Санкт-Петербурге Василию Лутохину, Ростовскому архиепископу Пимену, префекту новгородской духовной семинарии Иосифу, житенному иеромонаху Архиерейского дома Якову и другим. Больше всего писем, предназначенных Иосифу и Якову, их ответы.

В переписке с Яковом — текущие дела, связанные с хозяйственной деятельностью Архиерейского дома: строительство каменных амбаров на житенном дворе, капитальный ремонт архиерейских покоев с надвратной церковью Петра Митрополита. Это так называемый Никитский корпус, который продолжался в то время до Софийского собора.

На Житенном дворе близ Софийского собора были разобраны старые, деревянные амбары и возведены новые двухэтажные из кирпича. Кирпич для них изготавливали на Колмовском кирпичном заводе, принадлежавшем Архиерейскому дому. Хлебные деревянные амбары строились и на Карповском подворье в Санкт-Петербурге⁷.

В Архиерейских покоях, в средней части, где располагались спальня, зал (в верхнем этаже) и судейская палата (в нижнем), обнаружили большие трещины до самого фундамента. А в нижнем этаже обрушилась одна стена. Амвросий разрешил Якову разобрать каменные своды, сделать бревенчатый

потолок и заложить железные связи. В результате, своды были разобраны, сделан потолок, построены новые деревянные крыльца. В надвратной церкви Петра Митрополита растесаны четырехугольные оконные проемы. Для штукатурных работ пригласили мастеров из Валдайского Иверского монастыря. В залу и спальню художники Софийского дома написали портреты государей⁸.

Во многих письмах проявляется заботливое участие новгородского архиерея к делам духовной семинарии. Амвросий занимался формированием фундаментальной библиотеки из книг, написанных на разных языках, приглашал из Киева преподавателей, воспитывал собственных, подыскивал талантливых учеников.

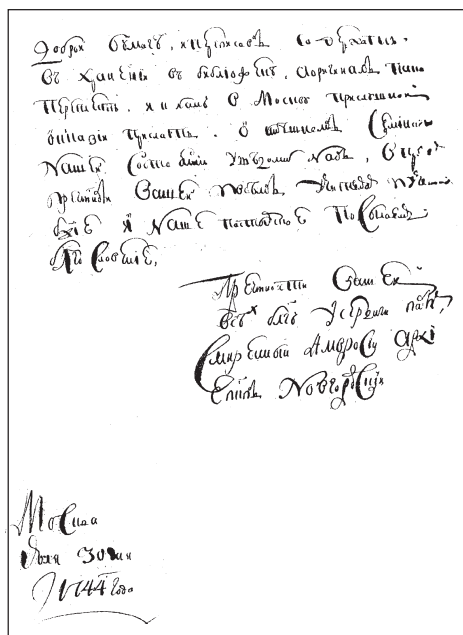
Амвросий Юшкевич завещал семинарии и собственную библиотеку. Кроме того, он обращался к своим друзьям с просьбой пополнить семинарскую библиотеку книгами из-за границы. Так, он попросил С. Головкина приобрести за рубежом по составленному им реестру книги на иностранных языках. Книги С. Головкиным были куплены на сумму 2792 гильдена, и в нескольких ящиках посланы в Амстердам банкирам Пелсам. Пелсы, в свою очередь, отправили книги в Петербург некоему Вульффу кораблем «Мария Клара».

Из последующих писем стряпчего Архиерейского дома Василия Лутохина к Юшкевичу известно, что он получил в Петербурге от Вульфа вначале три ящика, а затем 295 ящиков книг, присланных из Голландии⁹. Все ящики с книгами благополучно добрались до Новгорода.

В одном из писем префекту семинарии Амвросий сообщал, что послал в Новгород с Иваном Гавриловым рукописную книгу «в четверть», в пергаменном (кожаном) переплете, написанную в 1721 году. По этой книге преподавал богословие в Киеве вице-ректор Киевской Духовной Академии, затем архиепископ Московский Кир Иосиф Волчанский. Книгу Амвросий велел расшить, переписать, вновь переплести и прислать в Москву. Интересно, что владыка просил поручить переписку «ученикам самым лучшим, чистым и чистым характером на чистой доброй бумаге...»¹⁰ В ответном письме Иосиф доложил, что приказал расшить книгу и скопировать текст для семинарской библиотеки¹¹.

Из Москвы в библиотеку семинарии Амвросий переслал и сочиненные им предики, посвященные Елизавете Петровне¹².

Большой интерес представляет письмо Василия Лутохина из Петербурга, датированное 27 сентября. Он доносил Амвросию, что книги автора «Туретина» (И.А. Туретини — Л.С.) переведены для покойного канцлера и кабинет-министра Алексея Ми-

хайловича Черкасского — «бывшим семинаристом, ныне морской гофшпитали рисовальным мастером» Мартыном Ильичом Шеиным. Шеин обещал к будущей весне «выписать из заморья... гридировального (гравировального — Л.С.) мастера, которой на красной меде режит». Шеин нашел для гравера медные доски при Академии. Гравер потребовал рисунки, которые Мартын Ильич сделать быстро не мог, т. к. был занят «академическим делом»¹³. Текст доношения Лутохина не совсем ясен и вызывает много вопросов. Для кого Амвросий собирался завершить работу над переводами и проиллюстрировать их? Возможно Черкасский завещал книги ему, а Амвросий решил передать их в законченном виде в духовную семинарию? Письмо добавляет интересный и неизвестный ранее штрих к биографии одного из замечательнейших деятелей XVIII века М.И. Шеина — выпускника новгородской школы, основанной братьями Лихудами. Он родился в 1712 году, умер в 1762. Талант его был многогранным. Он хорошо рисовал, занимался переводами с иностранных языков, получил также известность как анатом и хирург. Шеин начинал свою деятельность в качестве рисовального мастера в госпитальной школе при Кронштадтском адмиралтейском госпитале. С 1737 года занимался составлением первого в России анатомического атласа, печатание которого завершилось в 1742 году. Перевел несколько учебников по анатомии и оперативной хирургии, преподавал в школе при Петербургском адмиралтейском госпитале и получил здесь должность главного доктора и профессора анатомии¹⁴. Работая в Петербурге, Шеин, как видно из письма, продолжал поддерживать связь с новгородским Архиерейским домом.

Помимо библиотеки, важным делом для семинарии Амвросий Юшкевич считал подбор хорошо подготовленных педагогов. Учителей владыка предпочитал приглашать из Киевской духовной академии.

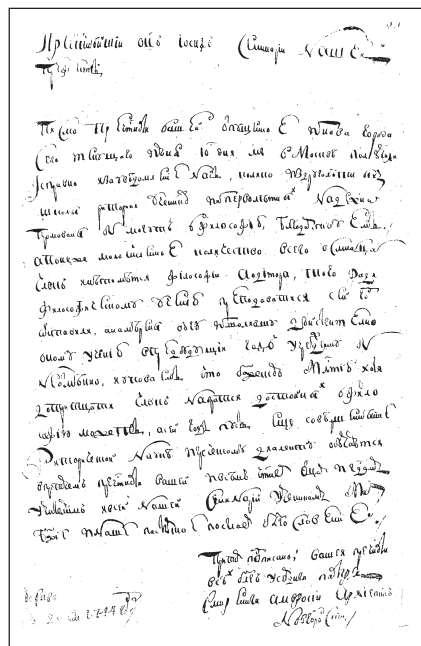
Из переписки с Иосифом известно, что в 1744 году из семинарии возвратились в Киев учителя Стефан Скибенский и Максим Данилевич¹⁵. Амвросий посылает в Киев из Москвы Василия Борзаковского за новыми учителями. Так как к началу учебного года они не успевают приехать, владыка поручает отцу Иосифу вести пиитику, Ивану Грязовицкому — грамматику, Стефану Лаговскому (или Лагову), выпускнику семинарии, — инфиму, отцу Мефодию — синтаксиму¹⁶.

С некоторым опозданием прибывают в Новгород три педагога: Павел Сопковский для преподавания синтаксиса, Иван Чисевич — грамматики и Иван Крымский — инфимы¹⁷.

В Москве Амвросий Юшкевич приискал и ученика для семинарии Федора Дмитриева, которого сопровождал в Новгород копиист Софийского дома Иван Андреев¹⁸. Любопытно, что Амвросий Юшкевич позаботился также о преподавании в семинарии лекарского художества. Этим занимался приглашенный из Петербурга доктор Преображенского полка «Илья Ильин сын Вох»¹⁹.

Из письма префекта Иосифа известно, что в 1744 году в первом классе семинарии обучалось вместе с рисовальной школой 103 ученика, во втором классе — 113 учеников (всего 216 человек). В Рисовальной школе числилось 11, в фаре — 14, инфиме — 15, грамматике — 27, синтаксисе — 36 человек. Все они составляли первый класс. Во втором классе пиитику изучало 33, риторику — 80 учеников²⁰.

Несмотря на то, что в 1744 году Амвросию Юшкевичу было всего 54 года, он страдал от недугов, о чем жаловался в послании Василию Борзаковскому, написанному в Новгороде 8 января 1744 года: «По отъезде твоим из Новгорода в Санкт Петербург наипаче старая моя болезнь умножилась, а имянно, в грудях нестерпимая теснота, голодная жестокая непрестанная болезнь, и превеликая цинга на деснах нараста...»²¹ А в 1745 году Амвросий Юшкевич ушел из жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здравомыслов К. Иерархи Новгородской епархии // НЕВ. 1895. № 14. С. 815.

² Там же. С. 8.

³ Саввантов П.И. О предике Амвросия Юшкевича // Русский архив 1871. № 1. Ст. 194–200.

⁴ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1886. Вып. 2. С. 500–504.

⁵ История Новгородской духовной семинарии // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 15; Талицкий В. Письмо Амвросия Юшкевича, архиепископа Новгородского, к Варсонофию, архиепископу Архангельскому. 1742 // Русская старина. 1878. № 5. С. 187–190.

⁶ ОПИ НГОМЗ. Инв. № 11234. Келейные его преосвященства письма Амвросия 1744 года.

⁷ Там же. Л. 44, 44об, 76, 79, 150, 150об, 246.

⁸ Там же. Л. 17, 156 об, 157, 207, 246, 279.

⁹ Там же. Л. 19, 19об, 271.

¹⁰ Там же. Л. 97.

¹¹ Там же. Л. 140.

¹² Там же. Л. 33об, 111об.

¹³ Там же. Л. 299.

¹⁴ Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 110; Бржевский В. Видный анатом и хирург // Новгородская правда. 1984. 12 августа.

¹⁵ ОПИ НГОМЗ. Инв. № 11234. Л. 141об.

¹⁶ Там же. Л. 146, 201.

¹⁷ Там же. Л. 287.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 85.

²⁰ Там же. Л. 142–143.

²¹ Там же. Л. 311–312.

Нина ФЁДОРОВА

«УТЕШЕНИЕ» ЛЬВА ТОЛСТОГО

К 175-летию писателя

«...Я ездил в Новгородскую губернию к теще и привез её с меньшим шуриным к нам, и поэтому в женском и детском мире ещё более оживлённо, чем обыкновенно».

Так писал Л.Н. Толстой 27 июля 1879 года к известному критику и публицисту Н.Н. Страхову.

Интересно было знать то место на Новгородчине, где побывал писатель, создавший уже к тому времени «Войну и Мир» и «Анну Каренину» и завоевавший себе мировую известность. Так начались поиски того уголка Новгородской области, которого не миновал жизненный путь великого писателя. Он оказался на территории нашего Окуловского района.

Книга «Очерки былого», принадлежащая перу старшего сына писателя Сергея Львовича и рассказы старожил деревень Большие и Малые Концы навели на след, который привёл к мызе «Утешение», что находится километрах в двенадцати от станции Боровенка на берегу Льяного озера.

Трудно представить, что здесь на берегу Льяного озера, среди плотного соснового леса, когда-то были разбиты цветники, аллеи, стоял барский дом с застеклённой верандой, в котором жили — сначала титулярная советница Надежда Александровна Кодомцева, а затем теща Льва Николаевича Толстого, Любовь Александровна Берс. В семидесятые годы XIX века она купила это небольшое имение с поэтическим названием «Утешение». С момента основания эту усадьбу местные крестьяне окрестили эстонским словом «мыза». Так с петровских времён называли стоявшие отдельно от деревень усадьбы с сельскохозяйственными постройками. Любовь Александровна жила здесь со своим сыном Вячеславом Андреевичем и служанкой Настасьей.

Небольшой, в четыре комнаты дом, стоял на самом берегу озера, за которым на много вёрст тянулся бор, богатый дичью.

Дом со всех сторон опоясывала веранда с разноцветными стеклами. Это придавало ему какой-то постоянно праздничный вид. Особенно красив был парк с его еловыми, сосновыми, берёзовыми и липовыми аллеями. На берегу озера и у дома были разбиты цветники, огражденные куртинами из акаций, шиповника, росли

кусты жасмина и сирени.

В верхней части парка находилась, так называемая «Зелёная зала», т.е. квадратная площадка, со всех сторон окруженная живыми стенами из деревьев. Неподалёку от неё рос большой дуб.

На озере была пристань для лодок и купальня. Особенно оживлённо проходили вечерние катания на челноках.

Вот сюда-то в конце июля 1879 года и приехал Лев Николаевич со своим шестнадцатилетним сыном Сергеем, который впоследствии в своей книге «Очерки былого» вспоминал:

«...В конце июля отец поехал вместе со мной к своей теще, а моей бабушке Любви Александровне Берс, в недавно купленное ею маленькое имение в Новгородской губернии; там пробыли две недели. Это было глухое место, в верстах десяти от станции Боровенка; домик бабушки был построен на берегу озера Льяное, а за озером на много вёрст тянулся старый сосновый бор. Туда можно было приехать только на двуколке, сено там возили летом на дровнях, скотина паслась повсюду, и поля от неё отгораживались. Бабушка жила со своим младшим сыном, а моим дядей Вячеславом и своей преданной служанкой Настасьей. Вячеслав Берс был только на два года старше меня, и я был с ним в товарищеских отношениях. Мне отрадно вспомнить об этом милом дядюшке, любящем сыне, добром товарище и щепетильно-честном человеке. Мы с ним купались, плавали на челноке и ходили на охоту за тетеревами и рябчиками. Отец, так же как и повсюду, где он бывал, интересовался местными крестьянами и разговаривал с ними. Он нашёл, что Новгородские крестьяне грамотнее и вообще развитее наших тульских, но испорчены Петербургом, куда они постоянно ездили на заработки. У них уже не было ни старинных песен, ни народной одежды. Отец уехал раньше меня и мне пришлось ехать домой одному.»

А вот сохранился ещё текст письма самого Льва Николаевича Толстого. На конверте письма: «В Тулу. Ея Си-

Л.Н. Толстой в молодости

ятельству Графине Софье Андреевне Толстой».

«Мы приехали в четвёртом часу в Боровёнку благополучно, здоровы, но я не выспавшись и очень устал. Сережа спал молодым сном, завидно. Сейчас едем на паре, с ямщиком, запрягают.

Утро прекрасно. Свежо, но мы надеваем кафтаны, что будет дальше, и будьте вы только здоровы, а я рад, что поехал.

Письмо это отправляю с ямщиком, который меня везёт. Поезд пройдёт в 10 часов вечера, я ещё допишу что-нибудь.

Дописываю от Любовь Александровны. Она и Славочка здоровы, очень милы и рады нам. Намекнул на приезд к нам. Прощай душенька, целуй детей. Нынче я проведу больше во сне.

Дорога ужасная и мы приехали только в девятом часу. Они уже встали. И дом и место, особенно место, очень хороши.»

Строки этого письма *«И дом и место, особенно место, хороши»* свидетельствуют о том, как зорко умел видеть и понимать Лев Толстой красоту природы.

У него было прекрасное зрение пейзажиста. Поэтому он не мог не восхищаться картинами тихой и неповторимой красоты изумрудных берегов Льяного озера, задумчивого соснового бора, красками здешних закатов и щедрыми лугами, что уходили зелёными завоями в заросли ольхи и осины.

Лев Николаевич прожил у своей тещи в имении около недели, с 18 по 24 июля. Здесь он безусловно нашёл прекрасный отдых: купался в озере, плавал на челноке, ходил на охоту за тетеревами и рябчиками. Вода в озере и впадающем в него ручье Непрее была темно-красной, что особенно заинтересовало писателя. Он любил плавать по озеру в ночную пору. Так в записной книжке № 10 сохранилась запись от 22 июля: *«Новгородская губерния. Фейерверк от лодки на озере. Просвет белой луны в лесу»*. А запись от 23 июля гласит: *«Тёмносинее, как синюжник озеро в зелёных берегах.»* Мы точно не знаем в какой мере использовал Толстой в своей творческой работе наблюдения и впечатления от поездки, но несомненно, общение с природой и крестьянами не прошло даром.

Как известно, главным героем произведений писателя является народ. Он старался служить ему пером и стремился ближе познать его. И вот даже в те немногие дни пребывания на мызе «Утешение», стоящей в стороне от ближайших деревень, писатель счёл своим долгом познакомиться с местными крестьянами. Уже на второй

день пребывания Толстой пошёл в деревню Выбут, чтобы завести знакомство с Емельяном Барченковым. Писателя очень интересовал этот единственный грамотный крестьянин на всю округу.

Вот что вспоминает внук Е. Барченкова:

«Отец рассказывал, как в один из летних дней, в пору сенокоса, когда все взрослые ушли на луга, к ним в деревню пришёл Лев Толстой. Узнав, что Емельяна нет дома, он попросил его отвести к нему. И отец, в ту пору мальчонка, повёл графа по гуще лесных угодий — Ржищами, Ямищами, Гладливицей на луга, где вела сенокосную страду семья. Встретились Толстой и дед Емельян как старые закадычные приятели и дружески обнялись. И потекла у них сердечная беседа. Уже Толстой называл Барченкова Омелюшкой, а самого себя разрешал называть Левушкой. Лев Николаевич не раз говорил своему новому другу:

— Омелюшка, как ты много знаешь...»

После того, как Лев Николаевич уехал, он ещё долго

переписывался с Емельяном Ивановичем Барченковым. Толстой попросил написать автобиографию и дневник жизни семьи и прислать в Ясную Поляну. Барченков охотно согласился. Эти записи сохранились и находятся сейчас в отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве. Они охватывают время с 1 августа 1879 года по

Озеро Льяное. Новгородская область, Окуловский район

апрель 1880 года и весну 1881 года и занимают 95 листов. Содержание их очень любопытно. Записи начинаются с небольшой автобиографии:

«Я родился в Новгородской губернии Крестецкого уезда Каёвской волости деревни Горки. Происхожу из крестьянского звания. Кормлюсь трудом рук своих. Отца моего звали Иван Барченков, мать Марья. Детей она имела семь человек: четыре дочери и три сына. Я был средним. Имя мне Емельян. Юные мои лета протекали в приятности. На двенадцатом году отдали меня в учение, учиться грамоте...»

Плавню течёт далее рассказ по следующему плану: Обучение грамоте у отставного солдата. — На заработках в Питере. — Взятие брата в рекруты. — Любовь. — Сватовство. — Отказ родителей невесты по мотивам веры. — Нервное потрясение. — Письмо к невесте. — Задаток невесте. — Побег невесты с женихом. — Венчание. — Приезд на поклон к родителям невесты. — Приезд тестя и тещи.

Безусловно, Лев Николаевич Толстой подробно рассказывал Емельяну о характере будущих заметок. Из пи-

сем Барченкова в Ясную Поляну Л.А. Берс видно, что Толстой ещё не раз давал указания автору дневника.

«Если вам угодно, Ваше Сиятельство, то будьте так добры, пришлите мне форму, а я буду рад писать», — просил Барченков. А в письме от 10 сентября 1879 года Л.А. Берс сообщала Толстому, что она передала Барченкову его «требование» и сказала также про цену.

После автобиографии записи носят уже характер дневниковых заметок. Перечисляются ежедневные крестьянские хлопоты, еда, распорядок дня, подробное описание крестьянской свадьбы брата, обрядов, описание доходов и расходов крестьян, сообщение о пожаре в соседней деревне, о медведе, совершающем набеги на скот...

Отправляя записки Толстому, Барченков ездил на железнодорожные станции в Боровёнку, Торбино, Веребье и Окуловку и всегда выносил из этих поездов массу впечатлений. Кроме того, Барченков записывал для Толстого народные пословицы и поговорки.

А в конце февраля 1880 года Толстой послал Барченкову охотничье ружье, деньги и письмо.

Интересна дальнейшая судьба усадьбы «Утешение». Позднее она принадлежала известному русскому адмиралу Константину Павловичу Пилкину — создателю первого в мире минного флота, герою морских рассказов К.М. Станюкевича. Тогда-то и появился на мызе якорь. Была у мореплавателя такая слабость: украшать свои дома предметами корабельного обихода. Долгое время якорь украшал берег озера. К.П. Пилкин был заядлым охотником и в дни приезда из Петербурга любил бывать на охоте. Егерские обязанности выполнял Емельян Иванович Барченков, а его сын частенько бывал в доме и помогал Пилкину и двум его старшим сыновьям в сборах на охоту — так вспоминал внук Барченкова.

Л.А. Берс, хозяйка усадьбы «Утешение»

Умер К.П. Пилкин в 1913 году через три года после смерти Льва Николаевича Толстого. Но и за это короткое время он сделал всё, чтобы увековечить память о пребывании гениального писателя в имении «Утешение». В одной из комнат, в которой останавливался Лев Николаевич, висел его портрет, на столе лежали памятные вещи и возвышалась груда написанных им произведений.

А в 1914 году имение было куплено местным инженером Мельниковым и перевезено на мельницу, которая находилась на реке Льяной возле деревни Большие Концы.

Грустно стало в имении «Утешение», парк давно захватили заросли, разрушились хозяйственные постройки, и сохранилась только одна аллея, по которой писатель прогуливался к лесному озеру.

В 1960 году, к 50-летию со дня смерти великого писателя, усадьба, находящаяся на землях колхоза «Молот» была объявлена заповедником. Но только в 70-е годы учащиеся Великолушской восьмилетней школы под руководством Леонарда Эдуардовича Бриккера начали расчищать парк, а в 1978 году шефство над усадьбой взяла художественная студия Окуловского Дома пионеров. Школьники вместе со своим руководителем Трофимовым Дмитрием Николаевичем ежегодно проводили трудовые десанты в парке имения. В эти же годы там проходили литературно-краеведческие праздники, которые собирали на берегу озера истинных любителей творчества любимого писателя.

20 августа 2003 года в деревне Козловка Каёвского сельского совета прошли литературно-краеведческие чтения. Нужно отметить, что чтения вызвали немалый интерес у местных жителей и гостей праздника. С большим интересом присутствующие слушали рассказ правнука Е. Барченкова, а так же других выступающих.

20 августа 2003 года в деревне Козловка Каёвского сельского совета прошли литературно-краеведческие чтения. Нужно отметить, что чтения вызвали немалый интерес у местных жителей и гостей праздника. С большим интересом присутствующие слушали рассказ правнука Е. Барченкова, а так же других выступающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрумкин С.Л. Эти милые сердцу края //Л. Фрумкин. Л., 1981. С. 27–31.
2. Тюрин В.В. На земле Садко /В.В. Тюрин. Л., 1986. С. 156–161.
3. Барченков И. Лев Толстой в нашем районе // Заря коммунизма. 1973. 7 сентября.
4. Шатунов Б. Л.Н. Толстой на Льяном озере // Заря коммунизма. 1973.

5. Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.83. Письмо Л.Н. Толстого к С.А. Толстой из «Утешения» 1879 г. июля 18. Боровёнка.
7. Бриккер Л. Новгородский крестьянин-корреспондент Л.Н. Толстого//

- Новг. правда. 1982. 17 января.
8. Иванов О. Лев Толстой о наших краях // Окуловский вестник, 1991. — 20 июня.
9. Сокольский Э. На якорь//Встреча, 2001, №1.
10. Фрумкин Л. В усадьбе «Утешение»//Заря коммунизма. 1981, 7 мая.

Фотографии 1862 года. Автор М.Б. Тулинов

Начало XX века было отмечено стремительным увеличением числа печатных изданий, причем история учреждения и функционирования каждого из них по-своему интересна. Газеты, о которых пойдет речь ниже, по сути являются преемни-

«Новгородская неделя» начала выходить в свет 12 февраля 1906 года. Издателями и редакторами газеты выступили земский санитарный врач Евгений Иванович Лебедев и титулярный советник, присяжный поверенный Александр Павлович Шумейко. История этого периодического издания коротка: только 42 номера «Недели» вышли в свет, после чего газета прекратила свое существование. Открывало первый номер новой газеты обращение редакции к читателям: «Мы поставили себе целью служить по мере сил делу общественного самоуправления и, вообще, народной самодеятельности. «Новгородская неделя» не есть орган какой-либо политической партии или союза, и потому никакой политической программы мы не представляем. При особом развитии у нас провинциальной прессы вообще узкая партийность, по нашему мнению, была бы допустима <...> Газета наша является органом преимущественно местным и посвящена она будет интересам местной общественной жизни Новгородской губернии»¹. Здесь же редакция обратилась к читателям с просьбой принять участие в новом издании: «Мы просим всех лиц, сочувствующих начатому нами делу, сообщать нам все достоверные сведения о выдающихся событиях местной жизни, совершенно не стесняясь при этом формой изложения. Нам важен только материал; более или менее литературную форму мы ему предадим сами» (НН, 1906, 01).

Редакция «Новгородской недели» имела корреспондентов во всех городах губернии, практически ни один номер газеты не обходится без рубрики «Письма в редакцию». Именно она из статей этой рубрики стала косвенной причиной для травли редакции «Новгородской недели» и после-

ками друг друга: круг сотрудников всех трех газет в целом был одним и тем же, что обеспечивало сходство редакционной политики. Поэтому представляется уместным рассмотреть названные издания в свете их общей истории.

дующего закрытия газеты (имеется в виду корреспонденция «Из Тесова», напечатанная в № 34 «Новгородской недели», в которой шла речь о спекуляциях на торгах казенными делянками). О событиях, последовавших за публикацией этой корреспонденции, рассказывал Е. И. Лебедев в статье «Нападение на редактора „Новгородской недели“»: «В понедельник, в 11 часов вечера ко мне на квартиру явился управляющий Новгородским удельным имением г. Мещеринов и потребовал от меня, чтобы я назвал фамилию автора корреспонденции из Тесова, помещенной в № 34 «Новгородской недели» и подписанной «Проезжий». Отказавшись ответить на вопрос г. Мещеринова, я предложил ему провести дело официальным путем <...> Вставши с кресла, г. Мещеринов совершенно для меня неожиданно, ударил меня по лицу, нанес несколько ударов в грудь и, наконец, так сильно ударил и толкнул, что я упал навзничь» (НН, 1906, №37).

В действительности, Е.И. Лебедев пострадал зря: когда № 34 выходил из печати, за него несли коллективную ответственность сотрудники газеты, сам же Лебедев находился в это время в Петербурге и хоронил сына и дочь, скончавшихся после продолжительной болезни, поэтому даже если Лебедев и захотел бы ответить на вопрос Мещеринова, то не смог бы в силу своей неосведомленности.

На самом деле, травля газеты началась гораздо раньше, в августе 1906 года, когда губернская типография отказалась печатать *«революционную»* «Новгородскую неделю», но тогда редакция смогла заключить договор с частной типографией и получила возможность продолжить издание «Недели». В ноябре же положение газеты еще более усложнилось, 1 декабря 1906 года вышел в свет последний номер, в котором редакция прощалась со своими читателями и доводила до их сведения обстоятельства, которые вынудили ее приостановить издание газеты: «Уже в начале августа для

¹ Новгородская неделя. 1906. №1. Далее ссылки на это издание в тексте сокращены: НН, год, номер.

редакции стало ясно, что местная администрация смотрит на «Новгородскую неделю» враждебно. Первым проявлением был отказ губернской типографии печатать наше издание <...> 15 ноября редактором получено от г. Губернатора опровержение корреспонденции из д. Бельчино с указанием, что против редактора возбуждается дело по обвинению в преступлении, предусмотренном в ст. 5 отд. VIII Закона 25 ноября 1905 г., т. е. в распространении *заведомо* ложных сведений о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение. 18 ноября городской голова А.А. Соловьев, в экстренно созванном заседании редакционного комитета, заявил о своем выходе из комитета и устранении от всякого участия в издании газеты, отказавшись дать сотрудникам какие бы то ни было по поводу этого обстоятельства объяснения. Наконец, 21 ноября старший фабричный инспектор М.А. Рубакин сообщил членам комитета, что ему предложено администрацией отказаться от участия в «Новгородской неделе», как в органе «противуправительственного», даже революционного направления, с предупреждением, что если он останется сотрудником газеты, то об этом будет представлено Министру. М.А. Рубакин заявил г. Губернатору, что он считает для себя неудобным выйти из сотрудников «Недели», т. к. отнюдь не признает за нею революционного направления. В виду всех этих фактов, репрессивных по отношению к «Новгородской неделе», я, не имея нравственного права подвергать сотрудников газеты, настоящих и будущих, риску дальнейшей репрессии со стороны администрации, решил приостановить издание газеты до наступления лучших дней. Отчасти решение принято еще и потому, что А.П. Шумейко уже в начале октября, несмотря на усиленные просьбы, решительно отказался нести обязанности соредактора и соиздателя» (НН, 1906, №42).

По большому счету, не было никаких оснований причислять «Новгородскую неделю» к революционным изданиям, также как нельзя утверждать, что «Неделя» относилась к газетам, которые, по определению В.В. Гормина, «были весьма далеки от нужд и интересов трудящихся», «смаковали мещанские дразги и скандалы»². Редакция «Новгородской недели» всего лишь стремилась объективно отразить жизнь Новгородской губернии, коснуться самых наболевших проблем, и публикации были лишь незначительно смелее тех, что печатались в официальных «Новгородских губернских ведомостях».

Лучшие времена «Новгородской недели» так и не наступили, но редакция нашла выход: 1 декабря вышел последний, сорок второй номер газеты, а уже в декабре того же года новгородцы познакомились с другим периодическим изданием под

названием «Ильмень», первый номер которого вышел в свет 24 декабря 1906 года. В новом издании приняли участие многие сотрудники недавно закрытой «Новгородской недели», а обязанности издателя и редактора «Ильменя» принял на себя Михаил Александрович Рубакин, старший фабричный инспектор, председатель совета Народной библиотеки-читальни имени Н.С. Никитина, бывший сотрудник «Новгородской недели». Несмотря на то, что сотрудники «Ильменя», имея перед собой в качестве примера судьбу «Новгородской недели», пытались сохранить за газетными публикациями правдивость и объективность, все же изредка допускали довольно резкие высказывания в адрес влиятельных лиц. М.А. Рубакин, не без основания, опасаясь возможного закрытия газеты, уже в начале 1907 года передал функции издателя-редактора Николаю Гавриловичу Василевскому, который не имел никакого отношения к закрытой «Новгородской неделе». Но, несмотря на принятые меры, «Ильмень» просуществовал лишь полгода и прекратил свою деятельность уже в июне 1907 года, когда частная типография Селиванова отказалась печатать это издание. В последнем, 23 номере, от 10 июня 1907 года, прощаясь с читателями, редакция пыталась ответить на вопрос «Кто же сцавкал Ильмень?»: «Ближайшим образом, конечно, содержатели новгородских типографий, но, несомненно, они не были главными виновниками. Они лишь орудия в других руках. Содержатели типографий вряд ли лично желали гибели «Ильменя», а просто как люди коммерческие, не сочли возможным печатать его из боязни потерять более крупных заказчиков. Скушали газету торжествующие другого порядка — кого «Ильмень» не особенно гладил по головке, немножко присыпал перцем и неоднократно снимал фиговые листочки, которыми они прикрывались в своей общественной деятельности» (Ильмень, 1907, №23). Кого же «Ильмень», по выражению автора публикации, «не особенно гладил по головке»? Прежде всего, конечно, имелось в виду земство, также регулярно подвергались критике деятельность дам-патронесс, местное купечество, городская дума. Высказываний в адрес указанных деятелей было достаточно для того, чтобы новое издание обрело врагов достаточно могущественных, способных прекратить существование газеты. И все же, редакция «Ильменя» прощалась с читателями на оптимистической ноте: «Ильмень» умер, но не побежден <...> Мы верим, что наше дело не погибнет <...> Маленький «Ильмень» делал свое маленькое дело» (Ильмень, 1907, №23).

Совершенно противоположного взгляда на причины закрытия «Ильменя» придерживалась редакция «Волховского листка», которая неоднократно подвергалась жесткой критике со стороны сотрудников «Ильменя». В 1907 году на страницах этой газеты появилась статья «Правда об «Ильмене», в которой было названы «истинные» (с точки зрения редакции газеты-конкурента) причины закрытия газеты, а также была дана общая оценка «Новгородской недели» и «Ильменя»: «Жил грешно и умер смешно. Такими словами можно характери-

² Гормин В.В. Из истории местной периодической печати // Ориентир. 1991. № 9. С. 28–31.

зовать кратковременную жизнь и неожиданную смерть мало талантливого, но многогрешного «Ильмена», героя своеволия и легкомыслия. «Новопреставленный» гордо именовался газетой «политической, общественной и литературной», но, вопреки пословице — «по имени и житие его», — совсем не отвечал такой громкой кличке <...> Скажем более — вся история с отказом печатать «Ильмень» в типографии г. Селиванова, если верить народной молве, представляется мифом, подобным тому, каким сопровождалось самоубийство «Новгородской недели» <...> Чтобы хоть немного эффективнее задрапировать катастрофу, придумана легенда о насильственной смерти³. Тем не менее, точку зрения «Волховского листка» на закрытие «Новгородской недели» и «Ильмена» нельзя считать объективной, так как оба «новопреставленных» издания успешно конкурировали с «Волховским листком».

История «Новгородской недели» и «Ильмена» — довольно яркий эпизод в истории новгородской дореволюционной периодической печати, хотя на фоне «долгожителей» (губернских и епархиальных ведомостей, «Волховского листка») они и вовсе могут показаться незаметными и малозначимыми, но сам факт существования этих изданий важен как попытка организации в Новгородской губернии «беспартийной», неофициальной газеты.

Два года спустя после закрытия «Ильмена», М.А. Рубакин предпринял очередную попытку издания частного печатного органа, в чем ему активно помогал бывший редактор «Новгородской недели» Е.И. Лебедев вплоть до своей трагической гибели весной 1909 года. М.А. Рубакин учредил новое периодическое издание под названием «Новгородская жизнь», вновь выступив в роли редактора-издателя. При издании «Новгородской жизни» были учтены прошлые ошибки, и новая газета просуществовала более длительный срок — три года. «Новгородская жизнь» пользовалась большим успехом у читателей, так как существенно отличалась от других новгородских газет тех лет: публикации «Новгородской жизни» затрагивали многочисленные проблемы губернии, но особенно часто речь шла о культурной жизни новгородцев. Несомненный интерес представляла непрекращающаяся полемика между «Новгородской жизнью» и «Волховским листком». Оба издания непрерывно критиковали редакционную политику и журналистскую позицию друг друга, однако, несмотря на это, редакция «Новгородской жизни» мгновенно выступила в поддержку редактора «Волховского листка» Нила Ивановича Богдановского, когда тот подвергся судебному преследованию. На страницах газеты была опубликована статья в защиту редактора «Волховского листка», в которой попытались довести до сведения читателей истинные обстоятельства громкого судебного раз-

бирательства: «В субботу 19 ноября 1911 года в новгородском окружном суде судили без участия присяжных заседателей редактора «Волховского листка» Н.И. Богдановского и присудили к шести месяцам тюрьмы. И такая тяжкая, поразившая всех кара постигла г. Богдановского за то, что он огласил обстоятельства, вредящие чести и служебному достоинству чиновной особы губернского архитектора А.Е. Эренберга» (НЖ, 1911, № 296). Сотрудники «Новгородской жизни» были уверены, что Богдановский не имел намерения оклеветать архитектора Эренберга, хотя последний и заслужил нарекания: организованная им комиссия допустила непростительную халатность при осмотре здания реального училища, вследствие чего некоторое время спустя серьезно пострадал один из учащихся. Сам Эренберг не участвовал в осмотре здания, хотя в обязанности губернского архитектора входит участие во всех комиссиях подобного рода. Моральная поддержка Богдановского сотрудниками «Новгородской жизни» представляет собой яркий пример солидарности новгородских издателей и журналистов, они словно предчувствуют, что в следующий раз преследованию может подвергнуться и их издание.

В 1911 году, после трех лет достаточно успешной деятельности, М.А. Рубакин вынужден был приостановить издание газеты. В прощальной статье он назвал главной и единственной причиной прекращения выпуска «Новгородской жизни» финансовые проблемы редакции, не обвиняя при этом никого (еще в 1910 году редакция признавалась, что испытывала серьезные денежные затруднения, а издание газеты возможно лишь «благодаря материальной и нравственной поддержке кружка лиц»). Тем не менее, несмотря на посильную материальную помощь, оказанную со стороны, разорение «Новгородской жизни» все же произошло. Следует отметить, что некоторые сотрудники «Новгородской жизни» после закрытия газеты, не желая отказываться от журналистской или литературной деятельности, нашли пристанище на страницах «Волховского листка» (например, корреспондент и поэт И. Тележкин).

Закрытие в декабре 1911 года «Новгородской жизни» поставило точку в попытках издавать в Новгороде «внепартийную» газету. В отличие от своих предшественников — «Новгородской недели» и «Ильмена» — «Новгородская жизнь» просуществовала дольше и была закрыта без громкого скандала и судебного преследования. И все же, у всех трех названных изданий общая история, они связаны воедино фигурами М.А. Рубакина, талантливого и смелого журналиста, видного общественного и культурного деятеля Новгородской губернии, доктора Е.И. Лебедева и многих других сотрудников. В качестве первых «общественных, политических и литературных» газет, «Новгородская неделя», «Ильмень» и «Новгородская жизнь» представляли собой важный этап развития новгородской периодики.

³ Волховский листок. 1907. №1062.

Вера РОМАШОВА

ПОЭТ САМОБЫТНОГО ДАРОВАНИЯ

Поэтическое творчество Якова Егоровича Егорова зародилось в Новгородском крае и непосредственно связано с жизнью, бытом новгородского крестьянина и окружающей его природой. И это неслучайно, поскольку родился (1 декабря 1857 года) и рос до пяти лет он в семье крепостного крестьянина, с детских лет он познал труд земледельца-хлебопашца.

Родное его село Кривино Новгородского уезда не славилось богатством. «Край вообще бедный, почва скудная, лесистая и болотистая; настоящий медвежий уголок»¹, — так характеризовал Я. Егоров свои родные места.

Летом его земляки трудились в поле на своих мизерных наделах, полученных по реформе 1861 года после отмены крепостного права, а зимой работали на лесопромышленников — пилили и вывозили из леса бревна, дрова, а ранней весной сплавляли их по реке Равень. Часть крестьян уходила на заработки в Петербург, где нанималась легковыми извозчиками («ваньками») на хозяйских лошадях.

Из сорока кривинских домохозяев только одиннадцать могли написать свое имя. В школу Якову Егорову приходилось ходить в соседнюю деревню Поместье. Тяга к знаниям была настолько велика, что он стал лучшим учеником и по окончании школы был направлен на учебу в Гатчинскую учительскую семинарию. Здесь и проявился его поэтический дар, были написаны первые стихи.

В 1876 году восемнадцатилетним юношей, по окончании семинарии, Я. Егоров был назначен учителем в только что открывшуюся одноклассную министерскую школу в деревне Матоме Белозерского уезда Новгородской губернии. В свободное от школьных занятий время, в основном ночью, он писал стихи. И с ними уже в 1880 году могли познакомиться читатели журнала «Русское богатство», опубликовавшего в сентябрьском номере стихотворение «Ночью», а в двенадцатом — «Деревенский учитель». Оба стихотворения, опубликованные под псевдонимом А.Я., родились под

влиянием окружавшей его тяжелой жизни трудящегося человека. Потому-то поэтическое описание ночи:

*Весело играя
Синим огоньком,
Смотрят, улыбаясь,
Звезды над селом.
Выйду ль я на волю
В тихие поля —
С теплой лаской смотрят
Небо и земля, —*

прерывает тоскливая песня, полная горя, печали. Картина непосильного труда, взятая из самой жизни, предстает перед читателем в «Деревенском учителе»:

*Пот струится градом,
Стон в ушах стоит,
Дышется трудненько
И в глазах рябит.*

*Ты устал, нет мочи!..
Где бы отдохнуть —
Нет, работой снова
Надрываешь грудь!*

Так вступил Егоров на поэтическую стезю, вошел в поэтическую среду, продолжая до конца жизни работать учителем. Тяжелая доля учителя — народного просветителя заняла на первых порах центральное место в поэтическом творчестве Егорова. «С судьбою твоею школьный подвижник, боец за идею, вновь моя мысль о тебе», — писал он в цикле стихотворений «Школьные подвижники», посвященном конкретным труженикам нивы просвещения — В.Н. С-му и Е.А. П-ой. Безысходность, духовное одиночество в деревенской глуши, материальная нужда и невзгоды были постоянными спутниками жизни учителя:

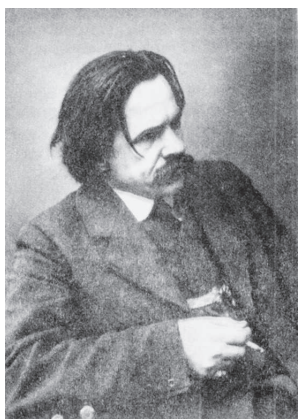
*В вечной работе, в нужде, —
Мыслящий честно ты встал одиноко,
С верой в призванье, с любовью высокой,
С искрой небесной в груди.*

В «Деревенской учительнице» Я. Егоров нари-

Яков Егорович ЕГОРОВ

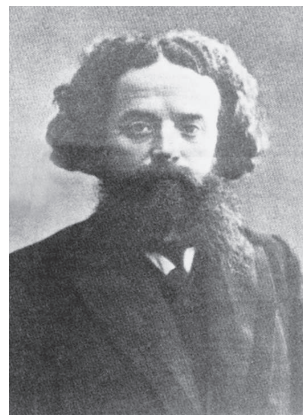
Единомышленники Я.Е. Егорова

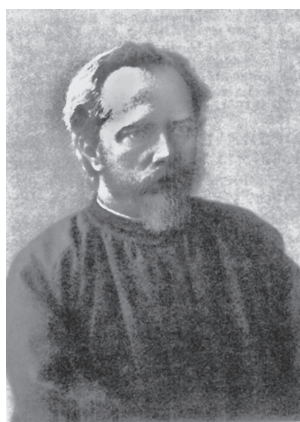
М.Л. Леонов, поэт, журналист, организовал издание сборника «Родные звуки»

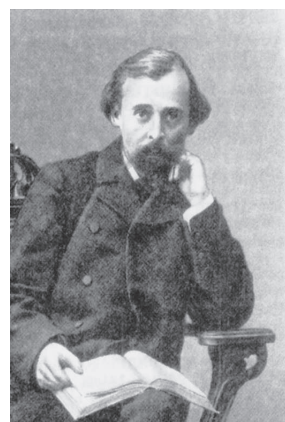
С.Д. Дрожжин, поэт, кум Я.Е. Егорова

А.А. Коринфский, поэт

И.И. Горбунов-Посадов, поэт, прозаик, издатель, соавтор учебных пособий Я.Е. Егорова «Азбука-картинка с подвидными разрезными буквами», «Красное солнышко», «Ясная звездочка»

И.А. Белоусов, поэт, прозаик, переводчик, редактор сборника «Родные звуки»

совал целую картину душевного и физического состояния труженицы просвещения:

*Она распрямилась, усталой
Рукой по лицу провела:
Довольно! Сложила тетради
И тихо к окну подошла.*

*Уж полночь. Все тихо в деревне;
Ни звука живого кругом,
Лишь песню метель допевала,
Да снегом мела под окном...*

*Как грустно! Она загляделась
На небо, мечтаний полна; —
Там тихо сияла в обрывках
Испуганных тучек луна.*

*А мысли, что ласточки, вьются
Далеко, в родной стороне.*

Новый учебный год в 1881 году Егоров начал в министерском начальном училище в селе Рыбацком, в 12 верстах от Петербурга, куда он был переведен по его личной просьбе. «Сюда, в Питер, я приехал из провинции единственно с одной целью

— научиться кой-чему, читать, наблюдать жизнь... Я думал было тогда, что вот мол наберусь знаний и опять уеду в деревню...»² — писал он позднее И.И. Горбунову-Посадову. Но жизнь в Рыбацком, близ столицы с ее огромными возможностями, не успокоила его мятущуюся душу. «Рыбацкое кажется лесною трущобою, а Питер — пустыней холодной и неприютной... Давно уже я чувствовал себя одиноким, но все еще была какая-то светлая полоса в сознании, что не все-де еще потеряно, что начнется-де новый радостный период в жизни, даль распахнется, расширится, позовет меня... Чем дальше, тем больше и больше чувствуется тягота жизни, интересы мельчают, кругозор суживается... Вертишься, как белка в колесе, «а годы проходят — все лучшие годы». В результате получается какое-то хитросплетение бестолковщины, горя и нужды»³.

В такие минуты жизни Егорова поддерживал добрыми советами крестный его старшей дочери Надежды (кум), поэт С.Д. Дрожжин. Он советовал ему: «Нужно оборонять себя и быть несколько хладнокровнее перед разными жизненными уколами. Вы еще так молоды, и теперь Ваша жизнь должна бить ключом, чтобы хранить искру того святого огня, которой Вы награждены от Господа»⁴.

В минуты разочарований Егоров обычно обращался к своей любимой поэтической музе, поющей о земле-кормилице, о крестьянском пахаре, и написал цикл из шести стихов, объединенных единым названием «Думы и песни пахаря», созвучные думам и желаниям самого автора.

*Хочется мне поле
Босыми ногами
Мерять за сохою
Быстрыми шагами.*

В заключительном стихотворении этого цикла поэт откровенно говорит о том, что

*Мое сердце не здесь,
Мои думы не здесь,
Средь столичного шума и гама,
.....
Мои думы не здесь,
Они в сердце живут,
Мое сердце — где зреют посевы,
Где гуляет соха,
Где сверкает коса,
Где поются родные напевы.*

Эти стихи, подписанные полным именем автора, получили высокую оценку одного из известных поэтов того времени, позднее редактора журнала «Север» А. А. Коринфского, писавшего: «Поэтическая идеализация крестьянского труда, оригинальные ответы на резкие запросы деревенской жизни и самая грусть автора стихотворений, — все это брызжет искрами настоящего самобытного поэтического таланта и невольно привлекает к нему симпатии читателей»⁵.

«Деревенская учительница», «Думы и песни пахаря» неоднократно переиздавались: в 1891 году они были напечатаны в «Сборнике стихотворений писателей-самоучек» «Родные звуки»⁶, принять участие в котором Егорову предложил сам его составитель, поэт И. А. Белоусов. Получив от Егорова согласие, он писал ему: «Благодарю Вас за то, что сочувственно отозвались на участие в сборнике «Родные звуки». ...выберете все, что желаете поместить в сборнике и пришлите, у меня есть только Ваше ст[ихотворение] «Сплетня»»⁷. Критика лучшими поэтами, представленными в «Родных звуках», назвала Дрожжина и Егорова. Приведя выдержки из их стихотворений, она отметила, что эти поэты «умеют владеть стихом, и стихотворения их подкупают своею безыскусственностью и теплотою»⁸. Высокая оценка поэзии Я. Егорова в «Родных звуках» тогда же была дана и «Русским богатством». В его стихотворениях «слышится присутствие несомненного таланта, — отмечал рецензент. — Одно из лучших стихотворений сборника, по нашему мнению, «Мечты» г. Егорова, которое мы приводим целиком»⁹. Не остался равнодушным к поэзии Егорова в «Родных звуках» и рядовой читатель. Один из них писал Я. Егорову: «Слава Богу, что у нас есть хоть такие родные поэты, которые издают нам «родные звуки», и эти звуки

летят во все концы земли родной. Я очень благодарен всем писателям-самоучкам, а тебе в особенности, потому что ты наш родной — коллега-учитель, да еще и народный. Хвала тебе!!! Пиши еще и не спи душою; пусть искра Божественного огня горит ярче и ярче!»¹⁰

Несмотря на высокую оценку поэтического творчества Егорова, он не мог не высказать свое принципиальное несогласие с понятием «писатели-самоучки». Делясь своими мыслями на этот счет с Дрожжиным, он писал: «...не нравится мне слово с а м о у ч к и, неужели других слов нет, кроме этого, этого, как бы это сказать, ...слишком отдающего крепостничеством, неравенством, пережитком... Странно: Кольцов, Никитин (семинарист), Суриков и тьма тьмущая подобных «самоучек»... — настоящие поэты, соль земли... дар Божий не дается дипломом. Эта кличка (именно кличка) выдумана теми, кому нужна регламентация людей по их занятиям, происхождению и пр., и пр., вообще для живущих привилегиями...»¹¹ Свое негативное отношение к термину «писатели-самоучки» он высказал и составителю сборника «Родные звуки» И.А. Белоусову: «Слово «самоучки», ...по-моему, не годится сюда, ибо это слово выдуманно высокомерною знатью. Таланты и пр. не даются выучкой, они **делаются**, но не в силу **выучки**... Да и заведений таких нет, где стряпались вот эти штуки»¹².

В связи с этими мыслями Егорова уместно сказать несколько слов и о его отношении к стиху вообще. Причем его отношение к стихосложению менялось, делалось более профессиональным по мере того, как поэзия для него становилась смыслом жизни. Вот что он писал по этому вопросу И. Горбунову-Посадову весной 1889 года: «Стихи — я им не придаю почти никакого значения. Чтобы писать стихи, да и вообще писать, нужно самому быть чем-нибудь. А у меня, кроме страшной жажды знания и жизни, в широком значении этих слов, ничего больше нет»¹³. Через два года, летом 1891, у него появилась потребность высказать свое отношение к форме и содержанию стиха в письме И.А. Белоусову: «...я при взгляде на стихи обращаю больше внимания на содержание, а не на форму, хотя она в стихах очень важна»¹⁴. Видимо, в формировании взгляда Егорова на поэзию не последнюю роль сыграли советы Владимира Николаевича Станчинского, очень внимательно следившего за его творчеством с самых первых шагов и немало содействовавшего первой публикации его поэзии. Он давал высокую оценку его первым стихам, опубликованным в «Русском богатстве»: «Эти три стихотворения оказались самыми лучшими — не по стиху: стих у Вас почти везде хорош, но по содержанию и по тому чувству, которое в них проглядывает... видите ли, Яков Егорович, умение владеть стихом и подбирать рифмы еще не дает права называться поэтом, хотя это умение и есть принадлежность всякого поэтического таланта»¹⁵.

Наибольший подъем поэтического творчества Я. Егорова приходится на десятилетие с 1883 по 1892 год. Только в «Русском богатстве» в течение

восемью лет, вплоть до 1890 года было опубликовано более двадцати его стихотворений, среди них много лирического плана: «Свидание» (1884 г.), «Песня» (1884 г.), «Цветок» (1885 г.), «Деревенский вечер» (1885 г.), «Зимняя ночь» (1886 г.), «Зимние картинки» (1887 г.), «Даль» (1888 г.). Достойное место занимает и поэзия крестьянского труда: «После бури» (1885 г.), «На сенокосе» (1886 г.), «Молотьба» (1887 г.), «За сохой» (1888 г.). В них наряду с лирическими мотивами звучат также социальные и философские. Сугубо социального и философского содержания среди стихотворений, опубликованных в «Русском богатстве» — это «Расчет» 1884 г.), «Мечты» (1886 г.), «Рыцарь» (1888 г.) и «Сплетня» (1889 г.).

Активное поэтическое творчество требовало немало свободного времени, большого напряжения душевных и умственных сил, учительская же работа все более становилась препятствием. «Вся энергия души теряется в классе», — откровенно признавался Егоров Дрожжину. — Ты и представить себе не можешь, как убийственно влияет учительство на писательство... кончить учительство — кормиться нечем»¹⁶.

Одновременно с «Русским богатством» Егоров сотрудничал с редакцией газеты «Крым». В ее отделе «Фельетон» напечатаны в 1888—1889 годах три стихотворения: «В глуши», «Забудь о счастье небылицы!» и «Загробная гостья» (Рождественская сказка).

В 1890 году Егоров опубликовал свое стихотворение «Здравствуй лес...» в иллюстрированном журнале «Природа и охота». На следующий год стихи его стали печататься в журнале «Звезда», чему во многом содействовала обзорная статья Ап. Коринфского о поэзии Я.Е. Егорова «Крестьянин-поэт: Из явлений, пропущенных критикой», познакомившая читателей журнала с лучшими стихотворениями поэта, публиковавшимися в 80-е годы на страницах «Русского богатства». «Стихотворения эти, — писал А. Коринфский, — своей художественной простотой, оригинальной образностью и неподдельной задумчивостью, обличавшими в авторе истинного поэта, обратили на него внимание многих чутких любителей поэзии»¹⁷. За два года в «Звезде» было опубликовано тринадцать новых стихотворений Егорова — девять в 1891 году: «Скучная поляна...», «Зори весенние...», «Орел», «Ячмень и пшеница», «Горе», «Сон», «Конь», «Расказал бы я вам, как любил я ее...» и четыре в 1892: «На сенокосе», «Скучно и обидно...», «Я сижу у окна...» и «Синяя ночь глядит молчаливо...».

Как его стихотворения попали на страницы «Звезды» Егоров рассказал в письме Дрожжину: «Благодаря тому обстоятельству, что Ап. Ап., перебирая мои тетради и наткнувшись на несколько стихотворений, ему понравившихся, отнес их в редакцию «Звезды», — я с тех пор сотрудничаю в ней, т. е. в «Звезде»... Перед самым отъездом [на каникулы в Кривину] я вручил ему еще пук стихов, и он обещал, что большинство их пойдет... в «Звезде». Дело со стихами, таким образом, идет недурно, но думаю, что не будь Аполлона Аполло-

новича — они и теперь, и впредь лежали бы в моем шкафу»¹⁸. В «Звезде» увидела свет и большая егоровская поэма «В деревню!», посвященная И.И. Горбунову-Посадову. «Из тебя образуется настоящий поэт, — писал Дрожжин Егорову, прочитав его стихотворения в «Звезде». — Особенно хорошо стихотворение, посвященное Ив. Ив. Горбунову-Посадову. В нем более ярко пробивается твоя оригинальная поэзия, чем в некоторых твоих мелких стихотворениях. Это, хотя местами растянутое, стихотворение я перечитывал несколько раз и всегда находил в нем новые красоты и удачные обороты и выражения»¹⁹.

Эпиграфом к поэме «В деревню!» Егоров взял народную поговорку «Держись за землю, трава обманет». В ней передано настроение самого поэта, покидающего столицу и грохот ее мостовых, поэта, стремящегося к встрече с «родиной святой»,

*Где средь полей ютятся хаты,
Где зреет колос золотой,
Найду я радостный покой...*

*Скорей, скорей из душных келий
На вольный воздух и простор,
Туда.....
Под сень берез, мохнатых елей,*

*Где тени светлые легли
На кудри мягкие земли,
Где серебром сверкает плуг,
Товарищ пахаря и друг,*

*.....Туда, туда
Уйдем для жизни и труда,
Для жизни тихой и простой,
Забыв о смуте городской...*

Такие чувства посещали Егорова, когда он в летние школьные каникулы приезжал в свое Кривино, чтобы воспользоваться свободой для творчества. Вот как он сам описывает в одном из писем свою жизнь на родине: в Кривине объят «властью земли», «красотой весенней», возжусь с садом, огородом». Летом собрался «с сумой за плечами и посохом в руках» бродить по Новгородскому краю. Во время таких путешествий он записывал народные песни, набирался новых впечатлений о жизни народа, его быте и обычаях, знакомился с интересными деревенскими жителями.

На отдыхе в родной деревне Я. Егоров много работает над книгами для чтения в народной школе. Предложение о создании учебных пособий он получил в 1890 году от сотрудника издательства «Посредник», основанного Л. Толстым. Через два года, в 1892 году, учебники, составленные Егоровым совместно с Горбуновым-Посадовым, заведовавшим отделом народных изданий, «Азбука-картинка с подвижными-разрезными буквами, содержащая в себе постепенные уроки чтения-письма по наглядно-звуковому способу, первое чтение после азбуки...» и «Красное солнышко (С азбукой-картинкой): Первая книга для чтения дома и в школе,

содержащая в себе азбуку русскую и церковно-славянскую, статьи для чтения и заучивания наизусть и правила грамотного русского письма с приложением листа разрезных подвижных букв» увидели свет. У Егорова появилась еще одна забота — реализация изданных учебных пособий, одобренных инспектором народных училищ, признавшим «Азбуку» по всем признакам одной из лучших. Тогда же Егоров завершил работу над составлением еще двух учебников — в мае «Ясной звездочки» — третьей книги «Азбука», а летом «Русскую грамматику в примерах, или как научиться толково и грамотно писать по-русски: Правила правописания, материал для списывания, диктовок, заучивания наизусть и письменных самостоятельных занятий, в трех частях». Еще в апреле 1892 года он делился с И.И. Горбуновым-Посадовым своими планами: «Летом займусь составлением, между прочим, грамматики: она у меня что-то застряла и более двух лет лежит без движения, хотя почти совсем окончена».²⁰ Новые учебные пособия были отпечатаны в московской типографии И. Д. Сытина и К° в 1893 году.

Школьные учебники Егорова пользовались большим спросом у учителей и многократно переиздавались. В печати появились прекрасные обстоятельные отзывы и на «Красное солнышко», и на «Ясную звездочку». В рецензии, опубликованной в журнале «Новое слово», обращалось внимание на «превосходный подбор статей, хорошие рисунки... изящные, привлекательные обложки... одним словом, решительно все способствует тому, что эти книги, как мы знаем на опыте, становятся истинными друзьями маленьких учеников-читателей....

Из сочинений наших лучших писателей — Толстого, Тургенева, Крылова, Пушкина, Некрасова и т. д. — составители подобрали очень удачно цикл статей, могущих способствовать образованию у ребенка правильного мировоззрения. Книги, несмотря на всю их наивную простоту, проникнуты идеей любви к людям. В книге «Ясная звездочка» имеются и правила грамотного русского письма, статьи для церковно-славянского чтения и первоначальные сведения о числах и действиях над ними. Все составлено очень толково»²¹. В 1905 году вышло 10-е издание «Ясной звездочки», в которое И. Горбунов-Посадов включил два стихотворения Егорова «Мальчик на реке» и «В школу». В последнем представлена картина столетней давности будней в страдное время деревенского мальчика, мечтающего как можно скорее пойти в школу и научиться читать.

«Грамматика», составленная Егоровым, получила одобрение Ученого комитета при Министерстве народного просвещения и была рекомендована, как учебное пособие, для школ²². Учителя Петербурга и Тифлиса разработали методические пособия по систематизации внешкольного чтения, используя материалы «Ясной звездочки» и «Красного солнышка». Некоторые из них были представлены в 1904 году в Петербурге на выставке «Детский мир»²³.

Написание новых учебников, подготовка их к переизданию требовали от составителя много времени, к тому же прибавилось работы в Рыбачком училище после назначения Егорова с сентября 1891 года заведующим. Как он сам говорил: «...беседы мои с музой, «неподкупной и простой», сократились наполовину, краткие и без того». Времени на поэзию почти не оставалось, в чем он признавался Дрожжину: «Почти совсем не пишу в последнее время»²⁴.

Однако, несмотря на большую занятость педагогической работой, он не мог не писать стихов. В период великого бедствия, постигшего крестьянский люд многих Российских губерний в связи с массовым неурожаем 1891 года, он не остался равнодушным к несчастью народа. О своей душевной боли к народному горю он писал Дрожжину: «...тошно глядеть кругом. Голод, холера, обеднение, оскудение черноземной силы кормилицы и поиллицы всех, счастья настоящего и будущего.... бросим, милый, петь горькие песни про т у м а н и р а з л у к и и про всякую такую штуку»²⁵. Меняется тон его стихов, и в Вологодском сборнике «Помочь», издававшемся в пользу пострадавших от неурожая, публикует поэму «Про нужду».

*Ой, нужда, нужда
Стародревняя
Ходишь-бродишь ты
Все деревнею!
Ляпти липовы
Поразбились.
Полы длинные
Обносились.
Ступишь на ногу
Тихим топотом,
Слово молвишь
Робким шепотом;
Улыбнешься ты —
Как расплачешься,
А расплачешься —
В угол прячешься.*

В том же году начинается его сотрудничество в еженедельном литературно-художественном журнале «Север». Об этом он сообщал И. Горбунову-Посадову в апреле 1892 года. По-прежнему его беспокоит недостаток времени: «Но времени — времени, совсем нет: школа ужасно запущена... и требует страшного напряжения сил; а также масса забот с многочисленным моим классом в нынешнем году».²⁶ На протяжении семи лет (1892—1899 гг.) на страницах «Севера» Егоров опубликовал пять стихотворений: «На рассвете утра, на горе высокой...» (1892 г.), «Мечта крылатая» (1897 г.), «День пасмурный, холодный зимний день» (1898 г.), «Памяти К.Н. Зудилина» (1898 г.), «В море, как в могиле...» (1899 г.) и целую серию очерков и рассказов под общим заголовком «Среди крестьян».

Особого внимания среди стихотворных произведений Якова Егорова, написанных в этот период, заслуживает философская поэма «Пророк» (А.

А. К.), в четырех частях, посвященная А.А. Коринфскому и опубликованная в 1893 году в научно-литературном сборнике «Путь-дорога», изданном в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Суть поэмы, а это и жизненное кредо ее автора, призыв к всенародной помощи и любви. Идеальный пророк в его понимании — это человек, живущий жизнью народа-труженика, безразличный к его повседневным нуждам и страданиям.

*То рыбак, то пастух,
То поденщик простой —
Он ходил меж людей
И болел их тоской,*

*Как он радостен был,
Дело жизни любя,
Если мог приютить
Бедняка у себя!*

*Если мог напитать
От труда своего,
Если мог исцелить
Язвы тела его!*

Тогда же появились в журнале «Семьянин» стихотворения Я. Егорова «Мать», «Отец», «Свадьба», в которых центром внимания поэта становится семья, как носитель и воспитатель благо-разумных жизненных принципов. Наиболее четко они сформулированы в стихотворении «Отец»:

*«Мой сын, — сказал ты мне тогда, —
Беги от легкого труда!
Соха, изба, родных могилы —
Держись за них, держись, мой свет,
В них наша правда, наша сила
И наших подвигов завет!
Другого не ищи кумира...»*

Лучшие из стихов Егорова переиздавались «Посредником» в сборнике песен, стихов, пословиц и загадок «Земля-кормилица», где они («За сохой», «Дума пахаря», «Песнь грабильщиц», «Молотьба») публиковались наряду со стихотворениями поэтов-классиков: В. Жуковского, А. Пушкина, А. Майкова, И. Аксакова, А. Плещеева, Н. Некрасова, И. Никитина, А. Кольцова. По сообщению И. Горбунова-Посадова, Л. Н. Толстой при просмотре этого сборника «сразу остановился» на стихотворении Я. Егорова «За сохой» и сказал, что «если в самом тоне может быть и есть искусственное, но зато образы все хороши, свежи, так сказать, «первородны» (оригинальны), не перепеты».²⁷

«Посредник» издавал стихи Егорова, написанные и в народно-песенном стиле. Поэт еще в 1890 году советовался с Горбуновым-Посадовым по поводу издания их: «У меня есть куча свадебных куплетов... А также песен, положенных мною на ноты. — Какое из них можно сделать употреблением?»²⁸ Только после смерти Егорова, в 1903—1905 годах, некоторые из них — «Жених и невеста»,

«Охотники», «Не ласкала меня доля...», «Беглый», или «Из-за лесу, леса темного...» — увидели свет в песенниках И. Горбунова-Посадова: «Любовь и разлука», «Жених и невеста», «Золотое колечко», «Атаман-разбойник». Егоровские песни писал «Сельский вестник»: «...прошли в народ и распеваются деревенским людом наравне с лучшими самобытными песнями, сложившимися в народной Руси».²⁹

В конце 1887 года Я. Е. Егоров решает, что настала пора для подготовки к изданию своих стихов отдельной книжкой. По совету своих друзей он обращается с просьбой к известному литератору-издателю в Петербурге Константину Константиновичу Арсеньеву помочь решить важные для него вопросы: «...стоит ли тратиться на издание? Будет ли это иметь какой-либо интерес для русской читающей публики?... Другими словами, — писал Яков Егоров Арсеньеву, — мне нужно мнение опытного в литературном деле лица, Вас, например, если Вы позволите... если я решаюсь беспокоить вас, то только потому, что решительно никого не знаю, кто был бы мне полезен в данном случае.» Получив согласие Арсеньева, он просил его при просмотре рукописи: «...вычеркнуть те стихотворения, которые, на Ваш взгляд, покажутся слабыми и неудовлетворительными в каком-либо отношении».³⁰ Заключение, сделанное Арсеньевым, нам неизвестно, но из переписки Егорова с друзьями в последующие годы выясняется, что мысль об издании книжки стихов его не покидала. Он мечтал назвать свой стихотворный сборник «Думы и песни пахаря». Но перегрузка школьными делами, вечная нехватка денег, переутомление и слабое здоровье (малокровие, постоянные головные боли), болезнь детей, жены не позволили ему осуществить издание своих стихотворений. В 1892 году он признавался Дрожжину: «Бог дал мне такую слабую силенку, что я не в силах сделать всего того, что хотелось бы сделать».³¹ А после смерти в 1896 году жены, Елены Александровны, у Егорова наступило «прямое отчаяние». «Каким образом, чьими молитвами, — удивлялся он, — я сохранил себя еще живым и более или менее бодрым... не знаю».³²

В такие, видимо, минуты у него и родились стихотворные строки «В море, как в могиле...»

*Я пришел бы к милой
Полон слез и горя.*

*Да земля сырая,
Темная могила,
Между мной и ею,
След заморозила!*

*И бессильный, робкий —
Я брожу повсюду,
И взываю к Богу,
И прошу я чуда...*

Овдовев, Егоров переезжает в Петербург и становится учителем-воспитателем в училище при приюте Садовникова и Герасимова. На новом месте он

устроился хорошо: великолепная квартира, жалование больше, чем в Рыбацком, готовый стол, или провизия натурой. Все бы ничего, но затеял он собрать в отдельную книгу свои рассказы, повести и очерки из крестьянской жизни, публиковавшиеся в различных периодических изданиях.

Книга под названием «Среди крестьян» была издана Егоровым в кредит в 1899 году. Средств на погашение кредита у автора не оказалось, и нависла угроза продажи с аукциона всего домашнего имущества. На помощь пришел Петербургский литературный фонд, выкупивший весь тираж издания. Денег же, полученных за книгу, оказалось так мало, что хватило лишь на оплату учебы дочерей в Институте принцессы Ольденбургской.

Неудача, однако, не охладила издательский пыл Егорова: он подготовил к печати географический сборник «На белом свете» для народной школы; усиленно работал над третьей книгой для чтения «Родные поля»; готовил второе издание рассказов и очерков «Среди крестьян», не оставил надежды издать отдельной книгой свои стихи. Но отсутствие денег помешало Егорову осуществить эти издательские планы. Нужда в средствах усугублялась тем, что сгорел дом в деревне, где он надеялся провести последние годы жизни, пришлось заняться строительством. Бедность дошла до того, что неделями ему приходилось обедать в народной столовой за четыре копейки, поздней осенью ходить в стареньком летнем пальто и обращаться в благотворительные учреждения за материальной помощью, чтобы оплатить учебу своих девочек.

Признанный поэт, писатель и педагог не сумел своим литературным трудом обеспечить себе и семье достойную жизнь. А все потому, что редакции частенько вместо гонорара предлагали бесплатно подписку на периодические журналы, в противном случае отказывались публиковать представленные произведения. Так, в частности, поступало по отношению к Я. Егорову «Русское богатство».³³ А редактор газеты «Крым» прислал автору за опубликованные в 1889 году стихи и повести гонорар в размере 24 рублей.³⁴ Из редакции журнала, где публиковался цикл рассказов Егорова «Среди крестьян», он получил письмо с отказом выплатить гонорар с таким объяснением: «Прежде всего относительно гонорара. Хотя рассказы, вероятно, пойдут, редактор не может ничего заплатить за них по известной Вам причине, по таковой же причине он и не напечатает, если вы поставите денежные условия, о которых раньше ничего не говорили, тем более, что имеем в виду поддержать му[жиков]».³⁵

Аполлон Коринфский в письме в редакцию «Биржевых ведомостей» показал конкретно, с цифрами в руках, как обобрал издатель Егоров, автора учебных пособий. «...за семь первых лет... на его авторскую долю пришлось всего-навсего 255 руб., по 36 8/7 рубля в год.... Всего же с 1891 по 1899 год было получено от щедрого издателя ровно 609 руб. И это было гонораром за *четыре* книги, из которых одна разошлась четырьмя, две пятью и одна... восемью изданиями: по 7.200, по 9.600 и по 12.000 экземпляров каждое... валового дохода за эти издания было

ни много, ни мало как 31.920 рублей».³⁶

Таким образом, от валового дохода на долю Я. Егорова, по нашим подсчетам, пришлось лишь два процента. После издания «Русской грамматики в примерах» за свой счет Егоров еле-еле свел концы с концами, а она была принята как учебник во многих начальных школах.

Отслужив на ниве просвещения 25 лет, Егоров подал в отставку. Он надеялся, что, освободившись от учебных занятий и поселившись в Кривине, продолжит литературные занятия.

Обзор поэтического творчества Я.Е. Егорова закончим рассказом о его просветительской деятельности не только как профессионала-учителя, как народного поэта, но и как гражданина-демократа, тесно связавшего свою жизнь с родным селом и Новгородским краем. По его инициативе в селе Кривине была организована и открыта народная библиотека, заведующим ее крестьяне на сельском сходе единогласно избрали самого Егорова. Его помощником в библиотечных делах стал местный священник. Об этом он сообщал И. Горбунову-Посадову и высказывал опасение: «Справлюсь ли я издали с библиотекой, из Рыбацкого.... без меня же, с другой стороны, чувствую, что дело скомкается и пойдет дрянно, карикатурно».³⁷ Интерес же к книге у его односельчан был велик. Об этом мы узнаем из очерка Егорова «Из села Кривина Новгородской губ.», опубликованного в ноябре 1895 года в журнале «Новое слово», по рекомендации Николая Александровича Рубакина. Приведем небольшой отрывок из этого очерка с рассказом, как зарождалась кривинская библиотека. «В каждый приезд мною, бывало, привозилось несколько книжек, которые тотчас же расхватывались, преимущественно молодежью — частью населения, наиболее любознательной и грамотной. Это нравилось старикам, и в 1891 году сельское общество особым приговором постановило просить разрешения у начальства на открытие библиотеки, каковое и было получено в следующем 1892 году. Помещение для библиотеки, заведование и руководство ею — бесплатные. Книги исключительно собраны пожертвованиями».³⁸ Кривинскую библиотеку Егоров называл своим «любимым детищем».³⁹ А потому с особой любовью рассказывает о детях, едва разбирающих слова после года или двух лет учебы в школе. «И им нужно давать книги, — писал он, — и их нужно удовлетворять: на то и библиотека, да еще *общественная*. Они-то главным образом и разносят добрую славу о библиотеке... Меняют книги они до чрезвычайности часто, хотя читают мало. Это самый многочисленный читатель. Ни свет, ни заря — они уже собрались и терпеливо ждут у крыльца, преважно опершись на перила и чинно разговаривая о материях важных: у кого книга лучше и проч...». С такими читателями, продолжал свой рассказ Егоров, — приходилось «*заниматься* иногда как в школе, иначе трудно подобрать подходящую книгу. Слова при чтении у них как-то разламываются, крошатся на мелкие части. Но зато какое удовольствие сияет на круглом пухлом личике и в глазах, когда такой читатель проникает в таинственный

смысл черных строчек».⁴⁰

С книгами кривинские крестьяне обращались особенно бережно — не рвали, не пачкали надписями. «Причину бережливости книг — Егоров видел, — в том, что с самого начала приходящим внушалась мысль, что библиотека назначена для всех; что она их собственная, что затерять книжку или изорвать, значит, лишить других возможности прочесть ее».⁴¹

Одновременно с организацией библиотеки в родном Кривине Егоров занялся также открытием при училище в Померанье библиотеки для учителей с широкой программой. Для этой цели учителями и бывшими воспитанниками училища было собрано около 300 рублей. Егоров, как выпускник Померанского училища, обратился к Н. А. Рубакину с просьбой помочь в комплектовании книжного библиотечного фонда. «Книги, — писал он ему, не застав дома, — могут быть нап[равлены] по адресу: СПб. Сторона, Большой пр[оспект], № 7, Учебный магазин, где они будут переплетены и отправлены в Померанье».⁴²

Будучи весьма образованным, Егоров прекрасно понимал, что «после 19 февраля наступила новая пора» с новыми задачами, «для решения которых требуется и новая подготовка», чему должны способствовать и народные училища, и сельские библиотеки.⁴³ Поэтому он после организации библиотеки задумал в Кривине открыть школу⁴⁴, видимо, лелея надежду поучительствовать в ней. Но осуществить эту благородную задумку не успел. После

порадившего его инсульта (была парализована левая сторона тела) в декабре 1901 года он так и не смог побороть свой недуг — 21 февраля 1902 года его не стало. Совершенно без средств к существованию остались две дочери: Надежда — 17 и Вера — 15 лет и восьмидесятилетняя мать. Девочки, унаследовавшие способности и педагогический дар отца, после окончания в Петербурге Института принцессы Ольденбургской посвятили себя учительской деятельности — Надежда Яковлевна работала в Вятке в школе для слепых, а Вера Яковлевна учительствовала в Киеве.⁴⁵

В эпоху демократизации современной России, когда раскрепостившиеся издательства поставили на поток публикацию сочинений «забытых» авторов, появилась необходимость издания и книжки стихов поэта из народа Якова Егоровича Егорова. Новгородцы не могут пройти мимо его произведений, не могут не знать творчества родившегося и сформировавшегося на Новгородской земле талантливого и самобытного поэта, писателя и педагога, труженика мысли и слова, всю свою жизнь посвятившего просвещению народа.

«...Как ни скромно иное дарование, но если оно искренно, если оно д е й с т в и т е л ь н о идет из непосредственного источника творческого одушевления, — оно имеет право на самое серьезное внимание к своим проявлениям».⁴⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Егоров Я. Из села Кривина Новгородской губ. // Новое Слово. 1895. Ноябрь. № 2. С. 144.

² РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 2.

³ Там же. Л. 2.

⁴ РО РГБ. 358. К. 25. Д. 15. Л. 6 об.

⁵ Коринфский Ап. Крестьянин-поэт. (Из явлений, пропущенных критикой) // Звезда. 1891. № 19. С. 459.

⁶ Родные звуки: Сборник стихотворений писателей-самочек. Вып. 2. Составил И. Б.-в. М., 1891. С. 5–11, 54–56.

⁷ РО РГБ. Ф. 358. К. 25. Д. 10. С. 1 об, 3, 4.

⁸ Колосья. Журнал научно-литературный. СПб., 1891. Февраль. № 2. С. 199–201.

⁹ «Русское богатство». СПб., 1891. Март. № 3. С. 238.

¹⁰ РО РГБ. Ф. 358. К. 28. Д. 11. Л. 1–1 об.

¹¹ РО РГБ. Ф. 369 К. 384. Д. 17 Л. 25.

¹² РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 365 Л. 27. Подчеркнуто автором письма.

¹³ Там же. Ф. 122. Оп. 1 Д. 556. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 365. Л. 9.

¹⁵ РО РГБ. Ф. 358. К. 25. Д. 27. С. 1–1 об.

¹⁶ РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 15, 16.

¹⁷ Звезда. 1891. № 19. С. 459.

¹⁸ РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 17–18.

¹⁹ Там же. Ф. 358. К. 25. Д. 15. Л. 13.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 17–18. «Ясная звездочка» являлась продолжением книги для чтения «Красное солнышко».

²¹ В. П. Заметки о педагогической и детской литературы // «Новое слово». 1896. Апрель. № 7. С. 139–140.

²² РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 24.

²³ Вестник Новгородского земства. 1904. 1 января. № 1. С. 47–49.

²⁴ РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 22, 24.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 18 об.

²⁷ РО РГБ. Ф. 358. К. 25. Д. 14. Л. 1.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 8.

²⁹ Сельский вестник. Еженедельное издание, бесплатное для волостных правлений. СПб., 1902. Марта 17. № 11. С. 190.

³⁰ ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 359. Д. 265. Л. 1 об., 3 об.

³¹ РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 22.

³² Там же. Л. 24–25.

³³ РО РГБ. Ф. 358. К. 25. Д. 27. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 24. Л. 3–3 об; Д. 30. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 22. Л. 1.

³⁶ Коринфский Аполлон. Деревенский самородок. (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1902. Март 6. № 63. С. 4.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 21 об.

³⁸ Егоров Я. Из села Кривина Новгородской губ. // Новое слово, журнал научно-литературный и политический. СПб., 1895. Ноябрь. № 2. С. 144.

³⁹ РО РГБ. Ф. 358. К. 226. Д. 32. Л. 2.

⁴⁰ Новое слово. 1895. Ноябрь. № 2. С. 145.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² РО РГБ. Ф. 358. К. 226. Д. 32. Л. 2 об.

⁴³ Новое слово. 1895. Ноябрь. № 2. С. 151.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 556. Л. 22.

⁴⁵ РО РГБ. Ф. 369. К. 384. Д. 17. Л. 9.

⁴⁶ Васильев В. В. (Ясав). Русские самородки: Жизнеописание и характеристики. Со вступительным очерком А.А. Коринфского. Ревель. 1916. С. VII–IX.

Павел ФОКИН

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. ИСКУССТВО ВНЕ ИГРЫ

«Рятуйте, люди добрые!» — голосит на всю округу несчастная мать, кидаясь спасать малых деток своих из вдруг запылавшей избы. Народ сбегается на подмогу: кто с ведром, кто с багром. Гудит пламя, кричат мужики, воют бабы, ревет перепуганный скот. А в сторонке, примостившись на чурбачок, расположил свое хозяйство фольклорист в очечках. Магнитофон включил, фотоаппаратом щелкает, в блокнотик нравы народного быта помечает. Материал к диссертации «Парадигма и дискурс великорусского стона» копит. Он, — как же иначе? — сочувствует искренне несчастной женщине, что в исступлении горя мечется подле гибнущего дома своего, но в то же время с удовлетворением отмечает богатство и многообразие ее интонаций, неслыханный им до селе ритм причитания, характерное словечко, которое несчастная все твердит и твердит, точно заклятие какое. Он вовсе не садист, да и не сухарь какой-нибудь. Он — профессионал. У него такая социальная функция: изучать своеобразие народного горя. Этим ведь тоже кто-то должен заниматься, не всем же огонь тушить!

В роли фольклориста на пожаре невольно оказывается всякий, кто решается писать о творчестве Солженицына. Обжигающая проблематика его произведений делает почти неприличным разговор о художественных особенностях прозы Солженицына. Как-то неловко говорить о поэтике «Архипелага ГУЛАГ», традициях русской классической прозы в «Одном дне Ивана Денисовича» или композиционном новаторстве «Красного кола». И все же...

Солженицын — пророк.

Солженицын — религиозный мыслитель.

Солженицын — историк.

Солженицын — общественный деятель.

Солженицын — публицист.

Но в первую очередь — *писатель*.

Свой профессиональный путь в литературе Солженицын начал в середине XX века, слагая первые сюжеты и тексты в условиях вынужденного интеллектуального подполья: сначала за колючей проволокой лагеря, позже в больнице и ссылке. Но и легальная культурная среда того времени была весьма специфична. Советская литература 50-х годов являла скорбное зрелище, будучи безысходно провинциальной и безмерно идеологизированной. Единственно дозволенный и повсеместно затверженный способ постижения действитель-

ности, социалистический реализм, рахитичный внук классического реализма XIX века, находился в состоянии полной вымороченности. Мирового литературного контекста и вовсе не существовало. Идти приходилось в пустыне, опираясь на опыт великих предшественников и собственную интуицию. Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов были на начальных порах главными учителями Солженицына.

Его первые зрелые произведения — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Раковый корпус», «В круге первом», созданные в период с 1955 по 1967 годы, — еще во многом находятся в русле традиции. Это сказывается в самом подходе к материалу, в выборе формы и жанра. *Жестокую правду своего времени Солженицын пробует изобразить по законам художественного вымысла.* Рассказ, повесть, роман по очереди привлекают его внимание. Он в совершенстве овладевает всем арсеналом изобразительных средств реалистической прозы. Созданные им образы точны и узнаваемы. Описания с неизменной убедительностью воссоздают окружающую обстановку, яркие детали запечатлевают индивидуальные особенности. Речь персонажей, внутренние монологи, поступки, жесты передают их психологическое состояние, умонастроение и характер.

Однако при всем бесспорном мастерстве, с которым Солженицын использует возможности реалистической поэтики, ему вскоре становится видна ограниченность этого метода. Та задача, которую ставит перед собой писатель — быть неложным свидетелем на суде истории, требует от него точного следования фактической основе. А принцип художественной типизации, лежащий в основе эстетики реализма, предполагает обязательное укрупнение одних, главных, черт явления и ослабление других, второстепенных. Типизация помогает художнику достичь наибольшей выразительности повествования, но в то же время лишает текст безусловной достоверности. И если в малых и средних формах Солженицыну удается преодолеть конфликт этих двух тенденций, то в романе противоборство цели и средств чувствуется с исключительной остротой.

«В круге первом» представляет собой попытку *целостного описания тоталитарной системы советского государства традиционными романскими средствами.* В качестве базовой модели Солженицын использует структуру романов Достоевско-

го. В основу сюжета положена детективная история с ярко выраженной моральной подоплекой: молодой советский дипломат Иннокентий Володин передает американцам секретную информацию, касающуюся разработки ядерного оружия в СССР. Он совершает государственную измену во имя предотвращения мировой катастрофы. В тот же час МГБ начинает за ним охоту. Первые страницы романа по психологической напряженности и стремительности событий вполне соотносимы с началом «Преступления и наказания».

По мере развития интриги в действие втягивается множество лиц — от политзаключенного Нержина до главы государства Сталина. Постепенно проступают все этажи гигантской государственной пирамиды. Единство романного мира у Солженицына, как и у Достоевского, обусловлено отнюдь не внешними обстоятельствами. «Система образов романа соотнесена не только и не главным образом с историей, которая нам известна из других, нежели Солженицыну источников информации, но главным образом, с задачей, которая осуществляется в романе»¹. Мотивировка, по которой в тексте романа появляется тот или иной герой, не всегда носит сюжетный характер. Иногда писатель идет вслед за реальными событиями, иногда заполняет художественную нишу, образовавшуюся под давлением метода реалистического изображения действительности.

Достоевский изображал своих героев в кульминационные моменты их биографий, когда рушилась исполненная нравственных метаний и интеллектуальных мытарств прежняя жизнь, и в катастрофе личность обретала смысл и перспективу подлинного пути. Солженицын идет еще дальше. *На долю его героев одновременно приходится несколько переломных событий*, по присказке «беда не приходит одна». Каждый персонаж занимает определенную идеологическую позицию. Свой взгляд на мир герои отстаивают в ходе непрерывных идейных споров. Все это делает роман очень динамичным и занимательным. «В круге первом» и сегодня читается на одном дыхании.

Художественный опыт Достоевского помог Солженицыну выстроить чудное здание своего романа, который Генрих Белль уподобил сложной архитектуре Кельнского собора. Но известная жанровая заданность, предопределенная детективной интригой, сковывает свободу авторской воли. То, что в философском романе играет вспомогательную роль, в романе политическом начинает претендовать на заглавное место. Смещается и угол читательского восприятия. Вопрос «Выслеживают ли нет Володина?» подавляет вопрос «Прав Володин в своем поступке или нет?». Писатель вынужден композицию произведения подчинять логике сюжета, а не логике факта. Так, например, картины лагерного быта, предшествуют описанию ареста и первого следствия. Некоторые принципиальные для Солженицына аспекты повествования перемещаются из центра на периферию, выступая в качестве фона. Беллетристика требует жертв.

Однако в случае Солженицына жертвовать приходилось теми, кто уже однажды был принесен в жертву. В сходной ситуации оказался и Василий Гроссман, взявший за основу своего великого романа «Жизнь и судьба» романную структуру «Войны и мира» Льва Толстого. Но мученики сталинской диктатуры, униженный и опозоренный народ требовали иного слова о себе и своих палачах. Известно, что писавший в эти же годы «Колымские рассказы» Варлам Шаламов считал, что тема лагерей вообще не может быть раскрыта традиционным литературным способом, ибо находится вне сферы эстетики.

Солженицыну помогли его читатели. После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» к писателю пошел поток писем, свидетельств, воспоминаний от узников тюрем и лагерей, узнавших в нем своего Гомера, чье вещее слово будет услышано во всем мире и останется на века. Огромный документальный материал нуждался в организации и осмыслении. Систематизируя разрозненные факты, сопоставляя их между собой, Солженицын находит тот жанр, который дал ему возможность выразительно и точно рассказать о трагедии своей страны — художественное исследование.

Художественное исследование располагается на стыке науки и искусства. По словам писателя, оно обладает «тоннельным эффектом»: «Там, где научному исследованию надо преодолеть перевал, там художественное исследование тоннелем интуиции проходит иногда короче и вернее»². Только в рамках этого метода оказалось возможным честно говорить о том небывалом испытании, которое выпало на долю России в XX веке. Именно честно, а не просто правдиво.

Объективно, детально, документально обоснованно.

И — с болью. С гневом. С любовью.

К началу 1970-х годов, когда Солженицын завершал работу над «Архипелагом ГУЛАГ», правда о репрессиях и лагерях, особенно после доклада Хрущева на XX съезде КПСС, была во многом известна, но не существовало целостной картины событий, а природа и смысл политики коммунистического террора были сознательно искажены и объяснены уродливой прихотью одного человека. Как писал поэт Иван Елагин, «самая страшная бойня названа «культом личности», скромно, благопристойно». Солженицын повел себя неблагопристойно.

«Архипелаг ГУЛАГ» написан *огненным словом*.

Называя вещи своими именами, Солженицын с тщательностью механика-часовщика *разобрал* на мелкие детали и *подробно описал* весь изощренный механизм подавления личности в СССР. Отвечая на вопрос корреспондента журнала «Ле пуэн» Жоржа Сюфера «Как можно стать памятью народа?», Солженицын так характеризовал свой метод работы: «В голове моей много рассказов, фактов. Главная моя задача — правильно классифицировать. Я должен разобрать каждый рассказ по камешкам — и каждому найти соответствующую

щее место. Я в первую очередь каменщик. Я был на самом деле каменщиком. Недостаточно класть камни один на другой, чтобы стена получилась прямой. Нужно еще много»³.

В «Архипелаге ГУЛАГ» типизация сменяется типологизацией. Строгая статистика цифр чередуется с многочисленными живыми примерами. Но главное: *обстоятельность подходов сочетается с открытой, эмоционально окрашенной моральной оценкой*.

С «Архипелага ГУЛАГ» начинается новый этап в творчестве Солженицына. Если раньше в поле зрения писателя были судьбы отдельных людей, то теперь он обращается к изображению-исследованию масштабных исторических процессов. Теперь он описывает уже не один день из лагерного срока одного заключенного, а почти сорок лет существования целого управления политического сыска и репрессий, поставившего под свой контроль жизнь миллионов граждан страны.

Замысел «Красного колеса» еще грандиознее. Он возник у писателя в годы его молодости. Отдельные фрагменты, по свидетельству Солженицына, были написаны им еще до войны. Но вполне закономерно то, что основной текст эпопеи был создан уже после «Архипелага ГУЛАГ» (последние страницы эпопеи дописывались в 90-е годы). «Такого сплава научно выверенной истории (на неточности, а тем паче на ошибках Солженицына не поймаете) и художественности в русской литературе еще не знали, — утверждает Н.А. Струве, — всегда страдала та или другая сторона, а часто и обе»⁴.

В многослойной структуре «Красного колеса» чувствуется большой опыт организации разнообразного по характеру, значимости и качеству материала. Вглядываясь в историю страны, в историю революции, Солженицын выявляет те точки, в которых события складывались роковым образом и предопределяли будущность. Он называет их «узлами». Грандиозная историческая фреска «Красного колеса» включает в себя четыре таких «узла» — «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», «Март Семнадцатого» и «Апрель Семнадцатого». Подобного рода «узлы» искал Солженицын в свое время и в судьбах Нержина, Солодина, Рубина, Матрены, других своих героев. В «Красном колесе» «узлы» выполняют главную композиционную функцию. Вокруг них располагаются исторические, хроникальные, мемуарные, публицистические и фольклорные свидетельства. Ими определяется и существование вымышленных героев.

Солженицын не отказывается полностью от возможностей собственно художественного повествования. Особенно в «Августе Четырнадцатого», где присутствует довольно разветвленная система персонажей. «Август Четырнадцатого» во многом еще продолжает писательскую практику Солженицына-беллетриста. В последующих узлах эпопеи роль вымышленного элемента изменится. Романный план уступит место художественной реконструкции, домысливанию тех исторических

ситуаций и эпизодов, которые не удастся или даже невозможно строго документировать. Писательское воображение и знание человеческой натуры приходят на помощь там, где требуется понять психологию участников исторической драмы. А на полотне «киноэкрана», в своеобразных репортажах с мест событий, обретают плоть наиболее яркие страницы истории. Выписанные с фотографической тщательностью, они включают читателя в водоворот событий, позволяют почувствовать энергетику и мистику происходящего. «Киноэкран» — счастливая находка Солженицына.

«Постепенная — от «Августа» к «Апрелю» — утрата придуманными героями своей выразительности есть не досадная оплошность, не художественный срыв, не проявление неспособности удерживать социальное явление в рамках традиционной художественной формы, — справедливо замечает В. Суриков, — а тончайшее понимание неизбежности «исчезновения» таких героев, необходимости разрушения традиционной формы; но разрушения с целью сохранить ее с новым, невиданным романном героем — революцией»⁵.

Если развить метафору Белля, то «Красное колесо» можно уподобить большому архитектурному ансамблю, который состоит из многих корпусов разных объемов и форм и раскинулся на несколько кварталов. Помимо романного плана, показывающего исторические события сквозь призму частной жизни вымышленных героев (таких, как Воротынцев, Благодарев и др.) и «киноэкрана», сгущающего до символических образов перебрех газетной хроники, в «Красном колесе» выделяется еще целый ряд аспектов.

Особого искусства потребовала организация документального материала: «Я годами копил, копил — не цитаты из чьих-то обзоров, а самые первичные факты, — пишет Солженицын, — в каком городе, на какой улице, в каком доме, в какой день и в котором часу, и несколько сотен важнейших деятелей всех направлений, всех видов общественной жизни, и каждого жизнь осматривается, когда доходит до описания его действий <...>»⁶. В «обзорах» дней и событий ведется собственно историческое исследование. В этих главах писатель предпринимает попытку разобраться в случившемся с учетом знаний нашего времени и выходит на уровень историософской интерпретации. В подборках газетных материалов, также составляющих самостоятельный пласт, читателю дается возможность ощутить пульс живой жизни. Кроме того, по замечанию Н.А. Струве, «газетные вырезки вносят элемент здорового, объективного юмора, в котором нуждается, как в отдушине, всякая трагическая эпопея»⁷.

Наконец, включение в текст в качестве самодостаточных структурных единиц разнообразных фольклорных элементов — пословиц, песен, частушек, — придает «Красному колесу» подлинную эпическую завершенность. Их демонстративная оторванность от конкретного носителя речи подчеркивает и усиливает народную точку зрения.

«Смена разного рода глав вносит в роман рит-

мическую основу: обзоры замедляют ритм, экраны его ускоряют»⁸.

В «Архипелаге ГУЛАГ» и «Красном колесе» Солженицын заявил о себе, как о смелом новаторе художественных форм. В этих произведениях он обрел полную писательскую самостоятельность. *Общая тенденция развития творчества Солженицына — от автобиографической прозы к документалистике.* Апофеозом документального жанра стали «очерки литературной жизни» «Бодался теленок с дубом» и примыкающие к ним по времени «очерки изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Текст этих книг состоит из двух разделов — репортажного (в «Теленке»), мемуарного (в «Зернышке») повествования и Приложения, в котором сюжет продублирован различными документами (письмами, заявлениями, стенограммами, газетными сообщениями и т.п.). В отдельном издании «Теленка» 1996 года (М.: Согласие) помещены многочисленные фотографии не только самого писателя, но и других непосредственных участников событий.

Солженицын обозначил жанр своего документального повествования вполне традиционно — «очерки литературной жизни», однако это произведение — уникальное в русской литературе. Солженицын действительно рассказывает о том, каким предстал перед ним мир советских писателей в те дни, когда он вдруг, в одночасье, оказался на вершине всенародной и даже мировой известности, ведя до этого жизнь скромного провинциального учителя математики, бывшего зэка и предусмотрительного подпольщика. Но рассказывает он об этом в тот момент, когда столь же стремительно, как вознесен, был свергнут идеологическими надсмотрщиками, подвергнут уничтожительной критике и окружен «заботливым вниманием» КГБ, когда каждое слово правды о советской системе расценивалось как предательство родины и могло стоить автору жизни.

Книга писалась по горячим следам событий, всякий раз возобновляясь и дополняясь, как только наступала передышка между очередными схватками с «органами». Писалась не как мемуары, а как *свидетельское показание* для будущего суда истории. Это не просто «очерки литературной жизни» — это «репортаж с петлей на шее». Читается она как шпионский детектив с лихо закрученной интригой. Здесь есть все: конспирация, слежки, явки, погони, аресты, допросы, угрозы, шантаж.

Рассказывая свою историю, Солженицын говорит вовсе не о себе, а о людях, с которыми свела его судьба в тех драматических обстоятельствах. И главным образом о людях хороших, честных, порядочных. «Все 60-е годы после сочувствия к моей деятельности и отвращения к правительству были так определенно выражены в обществе, — свидетельствует Солженицын, — что можно было и еще смежных, соседствующих встречных людей просить о серьезной помощи — и не было бы отказа, ни «продажи». Затягивались в помощь нам и самые осторожные и побочные».

Среди героев книги есть и те, чьи имена хорошо известны: Александр Твардовский, Андрей Сахаров, Игорь Шафаревич, Мстислав Ростропович. С особым чувством пишет Солженицын о Твардовском — о своем первом и единственном советском редакторе, опубликовавшем на страницах «Нового мира» не только дебютную повесть писателя, но и ряд его рассказов, в частности, знаменитый «Матренин двор». Твардовского Солженицын искренне любит и потому пишет о драматической судьбе замечательного русского поэта, редактора и общественного деятеля без прикрас, не обходя стороной углы и противоречия его сложной и сильной личности.

Завершает свои «свидетельские показания» Солженицын публикацией 46 документов, непосредственно относящихся к описанным событиям.

Несколько в ином темпе написаны «очерки изгнания». Они создавались совсем в иной атмосфере и в большей степени тяготеют к мемуарному жанру, охватывают значительный временной отрезок, включая в себя выношенные и продуманные впечатления и оценки. В то же время они сохраняют свойственные солженицынской документалистике *динамизм и насыщенность действием.* «Яркое свойство солженицынских мемуаров, — пишет Ю. Кублановский, — предельная концентрация повествования, чрезвычайно высокий удельный вес каждого предложения и пассажа, умение одним штрихом точно запечатлеть человека, в относительно небольшом объеме — вместить и публицистику, и полемику, и пейзаж, и лирику, и откровенную исповедь. Писательская речь работает «на сжатие», читательскому сознанию лениться тут не приходится, Солженицын вводит нас в саму «лабораторию», где формируется его миропонимание, в данном случае — его отношение к Западу, к принципам затратной технократической цивилизации последних десятилетий XX века»⁹.

Элементы документалистики присутствуют и в крупных публицистических работах Солженицына, таких, как «Размышления о Февральской революции» (1980-1983), «Как нам обустроить Россию?» (1990), «Русский вопрос» к концу XX века» (1994) и особенно в книге «Россия в обвале» (1998), которая обращена уже не столько к современникам писателя, сколько к потомкам. «Россия в обвале» по сути своей является развернутым историко-документальным эпилогом к «Красному колесу».

В течение всей жизни Солженицын неустанно искал новых путей постижения мира словом. По справедливому замечанию Н.Струве, он «принадлежит к тем прозаикам, которые не повторяют раз найденную форму выражения, а переходят от одного замысла к другому, развиваясь скачками и обновляя жанр»¹⁰. И сегодня писатель продолжает активно работать. В течение 1996–1999 годов Солженицын опубликовал целую серию «двухчасных рассказов». Возможно, они знаменуют начало нового этапа в писательской биографии Солженицына. Но об этом пока судить рано. Надо заме-

титель, что «двухчастными» были и некоторые рассказы Солженицына 60-х годов. В отличие от них, рассказы 90-х годов значительно масштабнее по охвату событий, чувствуется привычка писателя к работе с крупными отрезками времени, его неугасаемый интерес к исторической теме в ее самых разнообразных вариантах. Заявленный в жанровом определении композиционный прием Солженицын использует с максимальным эффектом. Параллели, следствия, контрасты, отражения и умножения создают поле сильного художественного напряжения, в котором рождается ток духовного электричества.

В 1990-е годы создано монументальное историческое исследование «Двести лет вместе». Солженицын обнаруживает себя в нем как историк академического склада мышления. Тысячи фактов и документов строго выверены и описаны многочисленными сносками, отсылающими читателя к первоисточникам. Лишь изредка писатель обращается к личному опыту. Личность автора, как и прежде, обнаруживается в первую очередь в главном — в предмете исследования, который являет собой одну из самых острых проблем русской жизни. Книга представляет собой попытку увидеть в возможной полноте историю взаимоотношений русских и евреев в последние двести лет их совместного существования на территории России. «Рад бы я был не пытаться своих сил еще на такой остроте, — признается Солженицын на первой странице своего труда. — Но я верю, что эта история — попытка вникнуть в нее — не должна оставаться «запрещенной»»¹¹.

Обращаясь к изображению многоветвистого куста тем и вопросов, Солженицын демонстрирует замечательную способность видеть предмет своего исследования *всесторонне*, то есть с учетом *множественности* частных (и нечастных) аспектов, случайных и закономерных явлений, характерных и исключительных фактов. И каждую грань этого живого кристалла истории описать точно, выразительно, ярко — в ее соприкосновении и преломлении с другими гранями. И не потерять из вида целое! А здесь целое — на несколько тысячелетий, да чуть не по всем континентам.

Несмотря на весь внешний академизм книги, ее, тем не менее, следует рассматривать в контек-

сте *всего творчества* Солженицына, не отделяя и не противопоставляя произведениям собственно художественным. Особенно отчетливо это понимаешь при чтении Второго Тома. Он явно отличается от Первого по своей интонации, да и стилистически. Первый Том сдержаннее, степеннее, может быть, даже несколько тяжеловат. Первый Том — это такой глубокий вдох, необходимый, чтобы хватило воздуха высказать — *на одном дыхании* — всю правду Второго Тома. Второй Том читается совсем иначе — узнаешь знакомый и любимый голос: молодой, сильный, бодрый, с огневой иронией, с напором и — безоглядностью, какие так подкупают и в «Архипелаге», и в «Теленке». Совершенно очевидно, что перед нами произведение *подлинной современной литературы*. «Двести лет вместе» — мужественный, сильный и внятный ответ постмодернизму, объявившему смерть Большого Искусства. И в XXI веке слово писателя остается весомым, если это слово правды.

Вне игры.

«Двести лет вместе» — книга не о евреях и их судьбе в России, а о *России*, российской истории, ее драмах и трагедиях. «Еврейский сюжет» российской истории — это *равно* и «русский сюжет». Без него невозможно понять метафизику русской истории. Без него невозможно понять и — метафизику русской души. «Двести лет вместе» в очередной раз, но совершенно в особом свете, ставит вопрос: что же есть такое Россия, в чем метафизическая сущность этого историко-государственного явления. Сквозь «оптику» «еврейского вопроса» по-иному видится и «кавказский вопрос» (сколько уж лет вместе?), и «татарский вопрос» — и все прочее.

И «*русский ответ*» на эти вопросы.

В 1981 году на Международном симпозиуме «Одна или две русских литературы?» в Женеве Зинаида Шаховская, определяя сущность *идейного содержания* произведений Солженицына, сказала: «Выбрав главным персонажем своего творчества Россию и воплощающего ее, как в хорошем, так и в плохом, русский народ, Солженицын этих двух своих героев от себя не отделяет. Они часть его самого»¹². Думается, именно в этом заключено и своеобразие писательского пути Солженицына.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белингов А. Сталин у Солженицына // Новый колокол. Лондон, 1972. С. 430.

² Солженицын А.И. Публицистика. В 3-х т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 212.

³ Там же. С. 323–324.

⁴ Струве Н.А. Православие и культура. М., 1992. С. 289.

⁵ Суриков В. О Солженицыне — читая «Август» // Литературное обозрение, 1992. № 7–8. С. 12.

⁶ Солженицын А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 414.

⁷ Струве Н.А. Указ. соч. С. 273.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Кублановский Ю. Солженицын в изгнании // Труд. 1998. 9 декабря.

¹⁰ Струве Н.А. Указ. соч. С. 283.

¹¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2001. Т.1. С. 5.

¹² Шаховская З. Литературные поколения // Одна или две русские литературы? / Под ред. Ж.Нива. Lausanne, 1981. С. 61.

АЛЕША И СМЕРДЯКОВ

«...Чорт знает»

Произведения Достоевского построены так, что ни один герой не оказывается выброшенным за грань повествования. Для самого заштатного персонажа найдется свое место и свое время. Любой человек, названный по имени или просто означенный, живет в романе со своей вполне определенной целью.

Так и в «Братьях Карамазовых». В городке Скотопригоньевске слишком мало места, чтобы скрыться от посторонних глаз. Да и глаз посторонних нет. Все, что совершается, совершается на миру. И совсем не по прихоти автора сходятся в романе младший сын старика Карамазова Алексей Федорович и незаконнорожденный лакей Смердяков, взятый Федором Павловичем на кухню.

Алеша Карамазов и Смердяков. Что может их объединять? За первым — монастырь, огромное сердце и будущее, в котором есть место всем «русским мальчикам». За вторым — ненависть, ложь и грех отцеубийства. Иван научил Смердякова, что *можно* убить старика Карамазова, но *как* это сделать лакей придумал уже вполне самостоятельно. Словно паук в центре паутины, Смердяков соткал сети, в которые попались все. Даже Алеша.

Как могло такое произойти? Как Алеша мог обмануться в Смердякове, да и обманул ли? А если знал, то почему не остановил?

Смердяков появляется в романе не сразу. Да и не главный он герой. Впервые о нем упоминает вскользь Дмитрий, опоздав к старцу Зосиме: «...Дмитрий Федорович почтительно поцеловал его руку и с необыкновенным волнением, почти с раздражением произнес:

— Простите великодушно за то, что заставил столько ждать. Но слуга Смердяков, посланный батюшкою, на настойчивый мой вопрос о времени, ответил мне два раза самым решительным тоном, что назначено в час. Теперь я вдруг узнаю...» (1, 80).

Нарочно ли соврал Смердяков Мите или просто ошибся, вопрос не праздный. Опоздавший к началу «неуместного собрания» Дмитрий проигрывает позицию, давая Федору Павловичу, главному противнику, время изложить суть дела со своей точки зрения. И старик Карамазов не упус-

кает возможности изобразить шута. К концу «собрания» обстановка накаляется до предела. Возлагать вину за это только на Смердякова немного неправильно. И Митя, и Федор Павлович — оба хороши. Но и Смердяков, «посланный батюшкой», «помог» Мите. Это — не первая и не последняя его попытка еще больше рассорить отца и старшего Карамазова, отношения между которыми и так не сахар.

Все участники «собрания», кроме, пожалуй, старца Зосимы, не очень понимают, что же все-таки происходит. Отсюда всеобщее раздражение и злость: «И однако все шло. Монашек молчал и слушал. Дорогой через лесок он только раз лишь заметил, что отец игумен давно уже ожидают и что более получаса опоздали. Ему не ответили. Миусов с ненавистью посмотрел на Ивана Федоровича: «А ведь идет на обед, как ни в чем не бывало!» — подумал он. — «Медный лоб и Карамазовская совесть...» (1, 90).

Это высказывание Миусова самым неожиданным образом проецируется на другого персонажа романа, «семинариста-карьериста» Ракитина. Именно он с «каменным лбом» и воистину «карамазовской совестью» рассказывает Алеше о предстоящем убийстве Федора Павловича. Мысль Ракитина примечательна тем, что он произносит обвинительную речь Дмитрию задолго до суда. Но сначала он осуждает Зосиму за его поклон в ноги Мите (все будущие мытарства старшего из братьев Карамазовых ведомы — опять же — только Зосиме): «Мудреного тут конечно нет ничего, одни бы кажись всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот теперь и заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: «Что дескать сей сон означает?» По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас» (1, 92–93).

Мог ли Ракитин догадываться о том, почему *смердит* у Карамазовых? Мог ли знать, кто в действительности убьет Федора Павловича? У Ракитина на все готов ответ: «—В вашей семье она будет, эта уголовщина. Случится она между твоими братцами и твоим богатеньким батюшкой. Вот отец Зосима и стукнулся лбом на всякий будущий случай. Потом, что случится: «ах, ведь это старец святой предрек, напроорочество-

вал», — хотя какое бы в том пророчество, что он лбом стукнулся? Нет, это, дескать, эмблема была, аллегория, и чорт знает что! Расславят, запомнят: преступление, дескать, предугадал, преступника отметил. У юродивых и все так: на кабаке крестится, а в храм камнями мечет. Так и твой старец: праведника палкой вон, а убийце в ноги поклон» (1, 93). Фразу «чорт знает» Ракинтин повторяет неустанно: «Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня и чорт знает о чем ты уж не думал, чорт знает, что тебе уж известно!» (1, 95).

Достоевский задолго до убийства, появления черта и суда над Митей, оставляет в романе авторские знаки. Самодовольная болтовня Миши Ракинина, истинного смысла которой он и сам не понимает, символична. Так паяц Федор Павлович в самом начале романа откровенничает с Алешей: «Ум-то у тебя не чорт съел. Погоришь и погаснешь, вылечишься и назад придешь. А я тебя буду ждать: ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил, мальчик ты мой милый...» (1, 29).

Алеша и «чорт» принципиально несовместимы. Ракинтин отказывает Зосиме в предвидении, отдавая это право черту. Тем самым он становится на сторону Смердякова, о котором не имеет никакого представления. Алешу и Ракинина, и Федор Павлович оставляют по *эту* сторону. Ракинтин бросает Алеше «чорт знает» в раздражении, потому что младшего Карамазова черт «не знает» и поймать, как Мишу, Ивана или Смердякова не может.

Зато Смердякова черту подловить легче всего. Он — самый уязвимый из семейства Карамазовых. Уже в пятнадцать лет Федор Павлович посылает лакея к «чорту», разочаровавшись в нем как в неудачном библиотекаре. «Малый прочел («Вечера на хуторе близ Диканьки — М.Б.), но остался недоволен, ни разу не усмехнулся, напротив кончил нахмурившись.

— Что ж? Не смешно? — спросил Федор Павлович. Смердяков молчал.

— Отвечай, дурак.

— Про неправду все написано, — ухмыляясь прошамкал Смердяков.

— Ну и убирайся к чорту, лакейская ты душа» (1, 147–148).

Родной отец и определяет своего незаконнорожденного сына. «К чорту» пятнадцатилетний Смердяков понимает столь буквально, что черт привязывается к нему до конца жизни. Тому может быть много объяснений. Самое простое — «среда заела». Можно и посложнее — «байронический дух» всеотрицания. Можно и еще сложнее — критическое неприятие существующей действительности на реальном и теологическом уровнях.

Но обратимся пока — чтобы не смущаться

лукавыми сомнениями — к первой встрече в тексте романа Алеши и Смердякова, к встрече, которая многое может объяснить и в ином, и в лакее, рожденном «из банной мокроты».

«...Совсем не русская вера»

Встреча Алеши и Смердякова происходит в доме Федора Павловича, за ужином. Слуга Григорий, восхищенный подвигом русского солдата, не отрекшегося от веры даже под страхом смерти, наталкивается сначала на кощунство старика Карамазова, а затем и на рассуждения Смердякова.

Вот что говорит «бульйонщик»: «...не ругаясь рассудите сами, Григорий Васильевич. Ибо едва только я скажу мучителям: «Нет, я не христианин и истинного бога моего проклинаю», как тотчас же я самым высшим Божьим судом немедленно и специально становлюсь анафема проклят и от церкви святой отлучен совершенно как бы иноязычником, так даже, что в тот же миг-с, — не то что как только произнесу, а только что подумаю произнести, так что даже самой четверти секунды тут не пройдет-с, как я отлучен, — так или не так, Григорий Васильевич?» (1, 151–152).

Никто из присутствующих не может возразить «казуисту» Смердякову. Слишком уж он убедительно выкинул себя за пределы человеческого. Иван одобрительно кивает: с его подачи лакей проникает подобными мыслями. Григорию остается только проклинать Смердякова. Федор Павлович, увлеченный рассуждениями «казуиста», обещает «валаамовой ослице» червонец. И только Алеша молчит.

Это молчание сродни будущему молчанию Христа перед Великим Инквизитором. Смердяков, и правда, может показаться похожим на пламенного оратора. Только вот слишком мелок он и пошл. Слишком слаб и жалок.

Так *почему* же инок Алеша не вступился за веру? *Почему* не оборвал Смердякова и не доказал ему, что все его рассуждения — чужие и пустые умствования? Когда Федор Павлович после рассуждения Смердякова о двух старцах (слишком наигранным и фальшивым) «в апофеозе восторга» спрашивает Алешу: «Ведь совершенно русская вера такая?», Алеша отвечает серьезно и твердо: «Нет, у Смердякова совсем не русская вера» (1, 154).

Алеша не только не верит Смердякову, что логично и понятно. Он не только не принимает его рассуждений. Алеша и Смердяков разделены непроницаемой стеной. Они друг друга не замечают. Смердяков, обращаясь к Григорию Васильевичу, старику Карамазову, всегда имеет в виду Ивана как учителя, но Алеши для него не существует. Алеша со своей стороны только от-

вечает на реплику отца, и к лакею эта фраза, кажется, не имеет никакого отношения.

Алеша и Смердяков принципиально различны. И дело здесь не в разнице положений или взаимной холодности. Более серьезная преграда не дает человеколюбцу Алеше понять Смердякова или хотя бы приблизиться к нему. У бульонщика Смердякова, который с умным видом повторяет мысли Ивана и верит в них, у незаконнорожденного сына Федора Павловича *нет веры*.

Он не верует в Господа. Смердяков не различает религии и веры. Ему все равно, от какой религии отречься, потому что все они — посмердяковски — суть казуистика и иезуитство. Игра словами.

Смердяков страстно хочет только одного — стать Богом, ибо если Бога нет, то «все дозволено». И быть Богом дозволено так же, как убивать. Он решает «выплести» (или «приготовить») свою повесть, чувствуя себя при этом вершителем судеб своих господ. «Верный Личарда» хочет поставить дворян Карамазовых (и Алешу особенно) на колени.

Для этого ему нужна поддержка. И самому себе Смердяков идет на уступку. Он начинает верить в черта, не веруя в Бога. Верить — как сам он думает — технически, по надобности. Таким образом, вера для Смердякова есть прикладная механика, которую он — опять по его же собственной мысли — знает наизусть.

В свете всего сказанного особенно интересна вторая (и последняя) встреча Алеша и Смердякова.

«Не выдавайте-с»

Вторая встреча, в беседке, не планировалась ни Алешей, ни уж тем более Смердяковым.

Иван уже сидит в трактире «Столичный город», куда Смердяков вот-вот направит Алешу. Падучая близка, и страшное должно свершиться. А Смердяков поет *чужие*¹ песенки Марье Кондратьевне, до которой ему нет никакого дела. Приставленный сторожить Грушеньку, он в лицо бросает Алеше о Мите: «Ничего я про ихнее пребывание не знаю, да и знать не желаю-с» (1, 266).

Алеше непременно нужно знать, где Митя и что с ним. Смердяков поначалу изображает полное равнодушие к судьбе Дмитрия, но потом словно бы случайно вспоминает, что Иван и Митя должны вместе обедать в трактире. И Алеша, тонко чувствующий и любящий людей, верит

Смердякову? Да еще и вступает с ним в своего рода сговор? Ибо как еще трактовать следующий диалог:

«— Это очень возможно! — воскликнул Алеша в большом волнении. Благодарю вас, Смердяков, известие важное, сейчас пойду туда.

— Не выдавайте-с, — проговорил ему вслед Смердяков.

— О нет, я в трактир явлюсь как бы нечаянно, будьте покойны» (1, 268).

Здесь бы Алеше все понять и остановить Смердякова, помочь ему по-христиански и по-человечески. Вытащить лакея и сделать из него человека. Рассказать Смердякову, как ужасен его замысел и как прекрасен мир, созданный Господом.

Но Алеша... благодарит лакея и уходит к братьям.

Этот поступок Алеша в свете событий, которые развернутся сразу после двух масштабных повестей (о Великом Инквизиторе и Зосиме), кажется более чем странным. Фраза Смердякова «Не выдавайте-с», вырванная из контекста, может показаться мольбой о помощи окончательно запутавшегося и всеми обижаемого человека. Так Смердяков сам себя и представляет. Но он делает Алешу невольным соучастником будущего убийства. Оказывается, что братья Карамазовы связаны друг с другом более крепкими нитями, чем они сами ожидали. Смердяков вызывает братьев еще крепче. Только связь эта разрушительна, потому что она не от Бога.

Алеша не мог знать обо всем и предвидеть все.

Здесь я подхожу к самой главной своей мысли, в которой — сам для себя, прежде всего — попытаюсь разъяснить «ошибку» Алеша.

«А ангел заплакал и отошел»

Сводя Ивана и Алешу в трактире, отправляя затем Ивана в Черемашню, симулируя приступ падучей, Смердяков уверен, что творит что-то, что позволит ему подняться над «всеми прочими». Он сам неспособен ни к какому *созидательному* творчеству, поэтому поет Марье Кондратьевне чью-то чужую (и довольно пошлую) песенку. «Творчества» Смердякова на кухне мы не видим, хотя о его поварском таланте говорят и Иван, и Федор Павлович².

Чада кухни Смердякову мало. Он внимательно запоминает «уроки» Ивана и начинает «творить». Однако творчество без Бога может привести только в тупик. Смердяков, уязвленный собственной гордыней, не видит этого и продол-

¹ Этот факт очень важен и будет прояснен ниже. О песне, которую поет Смердяков Марье Кондратьевне, и об авторах в «Братьях Карамазовых» великолепно написала Людмила Ивановна Сараскина (глава «Текст плюс текст (Братья Карамазовы)» из кн. ««Бесы»: роман-предупреждение». С. 104–115).

² О Смердякове и кухне см. Фокин П.Е. «На кухне у Смердякова». Чело. № 1. 2003. С. 48–53.

жают плести повесть, думая, что ему как вершителю судеб позволено решать, кому умереть, кому нет. Теоретическую часть для него замечательно подготовил Иван, а уж ради хорошей жизни Смердяков не погнушается и убийством.

Такова внешняя канва рассуждения. Если заглянуть глубже, то легко понять, что Смердяковым движет исключительно страх. Страх перед всем, что его окружает. Именно этот страх перерастает в патологическую ненависть и презрение к миру.

Смердяков не хочет общаться с Алешей и не любит Алешу, потому что он *никого* на этом свете не любит. И себя в том числе. Разве можно любить себя и заключать сделку с чертом? Уже при первой встрече Алеша даже не испугался Смердякова, а просто понял, что лакей никогда человека к себе не подпустит. То есть помощь и участие Алеши Смердяков отвергает априорно. И издевательским тоном, и рассуждениями, и замыслами, которые так страстно лелеет.

Грушенька рассказывает Алеше сказку о луковке, которая заканчивается тем, что злющая-презлющая баба падает в преисподнюю. Луковка не помогла бабе, потому что сама она не захотела понять кого-то, кроме себя. Ангел, искренне пытавшийся бабе помочь, «заплакал и отошел». У Смердякова нет луковки. Он не сделал ни одного доброго дела. Лакейская же преданность — не дело, а всего лишь лакейская преданность.

И повесть Смердякова — не повесть, не твор-

чество, а паутина, куда попадает паук. Смердяков отрекается от Бога в себе, а значит и от себя как от человека, созданного по Образу и Подобию. Подменяя Божий Промысел своей гордыней, Смердяков отталкивает ангела, отталкивает свет, который несет в своем сердце Алеша.

И вопрос ведь не в том, как это Алеша не заметил? Или почему не воспрепятствовал? Только вопрос — *ради чего?* — мне думается, правилен и искренен. Алеша помогает Ивану, Мите, Грушеньке, Катерине Ивановне, Коле, Илюше, мальчикам и Лизе ради того, чтобы частичка света воссияла в их душах. Ради того, чтобы Божий Промысел в них исполнился.

Лакей Смердяков принимает черта, отказываясь от Промысла. С помощью черта он хочет стать Богом.

Только вот Бог един, и повесть в «Братьях Карамазовых» одна. Ее автор — Господь. И Алеша Карамазов не может отступить от Духа этого великого творения, потому что Творение Господне тоже едино. Оно называется *жизнь*. Из этой — единственной — *жизни* и вычеркивает себя своим последним шагом Смердяков.

Третья встреча Алеши и Смердякова так и не состоялась. Поняв, что творить он не способен, что он проиграл в пух и прах, а лукавый скоро потребует счет, Смердяков сводит счеты с жизнью. С жизнью, которой у него не было.

Жизнь же никогда не заканчивается. Она продолжается у могилы Илюши Снегирева, где мальчишки с любовью восклицают «Вечная память!».

ЦЕЗАРЕУБИЙЦА МАРК БРУТ

Великий итальянский поэт Данте, описывая свое воображаемое путешествие по аду, в его самый последний ужасный круг поместил трех самых страшных предателей в истории человечества — Иуду, предавшего Христа, и Брута и Кассия, убивших Цезаря. Прошли века, и в конце XVIII века французские республиканцы называли Брута и Кассия своими предшественниками. Через несколько лет молодой Пушкин писал о своем друге Чаадаеве, что тот «в Риме был бы Брут». И приблизительно в то же время Рылеев упрекал своих современников за то, что, когда народ восстанет, он уже не найдет среди них Брута. Так кто же он такой — Марк Юний Брут?

Когда-то Люций Брут возглавил восстание римлян против царя и стал первым консулом, главой только что возникшей Римской республики. Но этот род уже давно пресекался, и Юнии, к которым принадлежал будущий убийца Цезаря, были родом плебейским, который начал возвышаться только в IV или V веке до н. э., но с этого времени заняли прочное положение в рядах римской знати. Одним из них был Марк Юний Брут, женившийся на Сервилии. В Риме был обычай, по которому старший сын получал личное имя отца, и родившийся у Сервилии сын стал, как и отец, Марком.

Марк Брут старший был врагом диктатора Суллы. Когда Сулла установил свою диктатуру, Брут то ли бежал, то ли, подобно молодому Цезарю, был вычеркнут из проскрипционных списков по просьбам влиятельных друзей. Во всяком случае, в 78 году до н. э. он действовал в Италии. Когда в следующем году М. Эмилий Лепид поднял восстание с целью свержения сулланского режима, Брут примкнул к нему и стал его помощником. По поручению Лепида он набрал войско в Северной Италии и с ним захватил город Мутину. Однако в скором времени сюда подошел с войсками сторонник сулланцев Помпей. После осады он разбил Брута и захватил Мутину. Сам Брут стал пленником Помпея, который на следующий день приказал его убить. Так его сын, которому еще не было и восьми лет, стал сиротой, а Сервилия — вдовой.

Сервилия была дамой любвеобильной, и в то время, когда родился ее сын, у нее развивался бурный роман с Цезарем, который был ненамного старше ее. Это, видимо, не было простым увлечением. Уже много позже, в 63 году до н. э., когда Катон и Цезарь в сенате спорили о судьбе арестованных участников заговора Катилины, Цезарю

принесли какое-то письмо, и Катон, подозревая, что Цезарь получил какую-то весть от заговорщиков, потребовал, чтобы Цезарь это письмо прочитал вслух. Цезарь передал его Катону, и тот к своему стыду увидел, что это — любовное послание его сестры Сервилии, после чего он бросил его назад Цезарю. И Цезарь, видимо, всю жизнь оставался к ней равнодушен. В 59 году до н. э., будучи консулом, он подарил Сервилии жемчужину колоссальной стоимости в шесть миллионов сестерциев, а еще позже, уже во время гражданской войны, продал ей же за бесценок богатое конфискованное поместье. Из-за этого романа многие считали Брута в действительности сыном Цезаря. Может быть, и сам Цезарь в глубине души думал так же. Накануне битвы при Фарсале он приказал сделать все возможное для спасения Брута и был нескрываяемо рад этому спасению, а когда в роковой день 15 марта 44 года до н. э. на него напали заговорщики, он, увидев среди них Брута, воскликнул: «И ты, дитя!», — после чего перестал сопротивляться. Сам же Брут всегда считал себя сыном своего законного отца и всю жизнь ненавидел Помпея за его убийство.

Сервилия была не только любвеобильной, но и очень честолюбивой и весьма энергичной женщиной. Вскоре она вышла замуж за Д. Юния Силана, от него имела трех дочерей, которых она затем выдала замуж за видных политических деятелей своего времени. Сервилия была одной из тех женщин, которые за кулисами пытались вершить судьбу государства. Она оказывала довольно сильное влияние на своего мужа Силана, игравшего известную роль в политической жизни своего времени и ставшего в 62 году до н. э. консулом. Ее влияние ощущал и ее брат Катон, особенно в молодости. Вскоре сирота, по инициативе Сервилии, был усыновлен родным братом матери Кв. Сервием Цепионом и стал именоваться Кв. Цепионом Брутом. Но в 67 году до н. э., когда Бруту было 18 лет, умер и Цепион. Несмотря на официальное имя, Брут все же чаще именовался своим собственным именем. Фактическим же его воспитателем стал другой его дядя — Катон. Нельзя упускать и влияние матери, которую Брут почитал всю свою жизнь. Она очень гордилась своим родом Сервиев, который всегда выступал против любых покушений на свободу римского народа, и эту гордость свободолюбцев передала сыну.

Марк Юний Брут получил прекрасное образование и воспитание. Его учителем был Стабий Эрот, грамматик, в свое время рабом привезен-

ный из Сирии вместе с будущим известным поэтом Публилием Сиром. Еще будучи рабом, Эрот прославился своей ученостью, за что и был отпущен на свободу. Он явно вошел в круг той части римской знати, которая была оппозиционна Сулле, ибо во времена диктатуры последнего он бесплатно обучал детей проскрибированных родителей. Поэтому совершенно естественно, что Эрот оказался учителем сына павшего Брута старшего и племянника Катона. Сам Катон старался привить своему воспитаннику любовь к философии, которую любил сам. Правда, в отличие от дяди, бывшего поклонником стоицизма, Брут увлекся платонизмом. Это произошло, по-видимому, в Афинах, куда юный Брут, как и многие другие молодые римские аристократы, отправился пополнять свое образование. В Афинах в это время платоновскую школу — Академию — возглавлял Антиох из Аскалона, который стремился очистить учение Академии от скептицизма и вернуться к подлинному учению Платона. Брут подружился с его братом Аристом, выделяющимся своим красноречием и добродетелью, который надолго стал другом и образцом для Брута. Он и сам писал некоторые философские сочинения: «О доблести», «Об обязанностях», «О терпении». Увлекался Брут и историей. Даже в довольно серьезные моменты своей жизни он делал выписки из «Истории» Полибия, «Анналов» Целия Антипатра и других исторических сочинений. В молодости Брут писал стихи, но в особенности увлекся ораторским искусством, чему учился на Родосе, куда, по-видимому, уехал после пребывания в Афинах. В эпоху бурной политической жизни, когда многие вопросы решались на форуме или Марсовом поле, риторика часто открывала путь к блестящей политической карьере. Брут часто писал речи только ради упражнения. Так, в конце 50-х годов им была составлена речь в защиту Милона, никогда не произнесенная, но известная образованным людям. Его знания и быстрота ума позволяли ему в любой момент приступить к написанию речи, независимо от того, предназначалась ли она для произнесения или лишь для прочтения. Хотя публичных речей Брут произносил не так уж много, он был известен как оратор. Недаром позже Цицерон сделал его одним из персонажей своих трактатов об ораторском искусстве. В этом искусстве Брут примыкал к аттической школе, которая противопоставляла пафосу и некоторой напыщенности азиатской школы простоту и ясность.

Брут рано вошел в круг римской интеллектуальной элиты. Его близким другом стал всадник Т. Помпоний Атик, один из ближайших друзей Цицерона и также один из самых образованных людей своего времени. Они, видимо, познакомились в Афинах, где уже многие годы жил Атик (за что и получил свое прозвище), лишь время от времени приезжая в Рим и участвуя в его политической и духовной жизни. Несмотря на довольно большую разницу в возрасте (Атик был старше Брута на 25 лет), они подружались. Круг друзей Атика был широк и разнообразен, и, возможно,

именно он ввел туда Брута. В частности, одним из его друзей стал Цицерон. Время от времени Брут выступал с речами, которые весьма ценились его современниками, но довольно скептически оценивались потомками. Но ни современники, ни потомки никогда не сомневались в высокой и всесторонней образованности Брута. Много лет спустя, римский историк Веллей Патеркул, сам горячий поклонник принципата и особенно правящего принцепса Тиберия, перечисляя выдающихся людей последних 40-30 лет республики, среди них называл и Брута.

Политическую карьеру Брут начал в 60 году до н. э. в качестве руководителя монетного двора. На следующий год Брут оказался вовлеченным в позорное дело Веттия. Л. Веттий был известным доносчиком, который сравнительно недавно пытался, хотя и неудачно, обвинить Цезаря в участии в заговоре Катилины. Теперь, когда уже сам Цезарь был консулом, он решил использовать Веттия в своих целях. Во второй половине консульского года Цезаря влияние триумвиров, в том числе и самого Цезаря, начало ослабевать, и Цезарь, видя возрастание силы сенатской оппозиции, задумал использовать Веттия для нанесения удара по всей совокупности своих наиболее значительных врагов. По его подстрекательству Веттий составил заговор против Помпея с целью его убийства, с тем чтобы схватить убийцу или убийц, а тот (или те) назовет в качестве соучастников как можно больше видных сенаторов и членов их семей. Но Веттию не удалось привлечь к этому заговору практически никого, и дело о готовящемся покушении обсуждалось на заседании сената. Среди тех, кого Веттий назвал заговорщиками, был и Брут. Совершенно ясно, что Брут назван именно как племянник Катона. Сенат не поверил ни одному слову Веттия и решил его арестовать. На следующий день Цезарь представил арестованного народу, и тот еще более расширил список мнимых заговорщиков, но зато умолчал о Бруте. Говорили, что умолчать о нем посоветовал Веттию сам Цезарь, боясь, что имя Брута будут связывать с именем его матери да и самого Цезаря как его предполагаемого отца. Однако это дело вообще лопнуло, ибо было столь безосновательным и авантюристичным, что никто доносчику не поверил.

Когда Цезарь после окончания своего консульства стал проконсулом обеих Галлий (Цизальпийской и Трансальпийской) и намеревался начать завоевание всей Галлии, он предложил Бруту поехать вместе с ним в качестве его квестора. Бруту в это время было 26 лет, и предложение Цезаря открывало ему блестящие возможности. Но, очевидно под влиянием дяди, он решительно отказался. Вскоре, выздоравливая после болезни, он уехал отдохнуть в Малую Азию. Там его застало письмо Катона, отправленное с Родоса, в котором дядя просил его незамедлительно направиться на Кипр, где Катон в это время принимал от имени Рима наследство кипрского царя, завещанное Римской республике. И он решил поручить деликатное дело описи и оценки царского имущества родному че-

ловеку. Бруту очень не хотелось отправляться на Кипр, но противоречить не решился. Как и Катон, он больше двух лет провел на острове, активно участвуя во всей этой операции и проявляя при ее проведении усердие и прилежность. Незадолго до окончания своей миссии на Кипре Катон отправил Брута в Рим с большей частью полученных денег. Прибыв в Рим, Брут разделил с дядей его славу.

В 54 году до н. э. Брут женился на Клавдии, дочери Аппия Клавдия Пульхра. Род Клавдиев был одним из самых знатных в Риме и играл в его жизни огромную роль, начиная с самых ранних периодов истории республики. Тесть Брута был в свое время претором, пропретором Сардинии, а в год брака своей дочери — консулом. Другая его дочь в том же году была выдана замуж за старшего сына Помпея — Гнея. Сам Клавдий был другом Цицерона, а в свое время очень близок к Лукуллу. Так что эта семья как бы связывала различные группировки римской аристократии. Когда в следующем году Клавдий стал проконсулом Киликии и предложил Бруту вместе с ним отправиться в эту провинцию в качестве его квестора, тот согласился.

Сколько времени Брут находился в Киликии, точно не известно. Когда весной 51 года до н. э. Цицерон приехал в Киликию сменить Клавдия в качестве наместника этой провинции, тот, вопреки обычаю, не встретил своего преемника вблизи границы и не сдал ему тотчас дела, а еще продолжал свою деятельность в ее восточной части. Но Брута в это время в Киликии не было, он, вероятно, уже находился в Риме. Но и свое сравнительно недолгое пребывание в Малой Азии Брут использовал с большой пользой для себя. Он обладал довольно значительным состоянием и часть его пустил в рост, давая большие деньги в долг как зависимым царям Галатии и Каппадокии, так и провинциалам, причем последним он ссудил деньги вопреки закону. Правда, Брут действовал через посредников — своих друзей Марка Скапция, Публия Матиния, Люция Главция. Он добился (может быть, с помощью дяди), разрешения сената на эту финансовую операцию. Используя свое служебное положение, он с конным отрядом окружил здание городского совета кипрского города Саламина, так что пять членов совета даже умерли от голода, и заставил совет признать долг с процентами, в четыре раза превышающими законные. Сменивший Клавдия Цицерон пытался урегулировать спор между друзьями Брута (за которыми стоял он сам) и жителями Саламина, но, в конце концов, пошел, видимо, на уступки Бруту. Брут использовал свое близкое знакомство с Цицероном, чтобы и в его проконсульство добиваться своих целей в Азии и «проталкивать» своих друзей на те или иные выгодные и нужные должности. Позже Брута не раз обвиняли в корыстолюбии и в жестокости при «выколачивании» долгов, в протекционизме, чем он решительно отличался от своего дяди.

После своего возвращения из Киликии Аппий Клавдий был обвинен в «вымогательстве», т. е. в

произволе по отношению к провинциалам. Хотя Цицерон был обижен на него, он сразу же встал на его защиту. Правда, непосредственно защитить Клавдия он не мог, ибо находился не в Риме, а в Киликии, но его письма в защиту своего предшественника явно сыграли свою роль, причем Цицерон не скрывал, что делал это лишь ради Брута. Клавдия поддержало и государство, т. е. сенат, который увидел в этом обвинении попытку дискредитировать одного из самых видных аристократов. Характерно, что Брут, хотя и являлся ближайшим помощником Клавдия, к суду привлечен не был. Он даже не выступал в качестве свидетеля.

Брут в это время был заметной фигурой в римской жизни. Он уже довольно давно, хотя когда точно не известно, получил почетный титул *princeps iuventutis* — первого среди молодежи. Это означало, что когда цензоры составляли список всаднической молодежи, то первым в этом списке стояло имя Брута. Много позже, уже при империи, *princeps iuventutis* станет титулом сына императора как главы всаднического сословия. В эпоху же республики этот титул не давал никаких особых преимуществ, но был очень почетным и являлся знаком общественного признания.

В 49 году до н. э. Брут снова находился в Киликии, куда отправился в качестве легата ее нового наместника Публия Сестия, верного друга Цицерона. Там его и застало начало новой гражданской войны. Сестий, естественно, примкнул к Помпею. То же самое, вопреки всеобщему ожиданию, поскольку все знали о его ненависти к Помпею, сделал и Брут. В этом явно сказалось влияние Катона и даже, по-видимому, его прямой приказ. Как и его дядя, Брут считал Помпея в этот момент меньшим злом для республики, чем Цезаря. Встав на сторону Помпея, Брут уже не хотел отсиживаться в далекой провинции, где, по существу, ничего не происходило и решил уехать непосредственно к Помпею, который в это время находился в Македонии. Впрочем, и Сестий вскоре тоже решил сам присоединиться к армии Помпея, так что возможно, что они покинули провинцию вместе. Присоединение Брута стало приятной неожиданностью даже для самого Помпея. Неизвестно, участвовал ли Брут в битве при Диррахии в январе 48 года до н. э., но в июне этого года он еще находился в лагере около этого города. Через месяц уже был в главной армии Помпея.

9 августа 48 года до н. э. около Фарсала произошла решительная битва этой гражданской войны, в которой помпеянцы были наголову разгромлены. Еще до того как остатки армии Помпея разбежались, Брут покинул лагерь и, спасая свою жизнь, укрылся в каком-то болоте, а затем добрался до близкого города Лариссы. Оттуда в полном отчаянии он написал письмо Цезарю, прося, вероятно, прощения за свою позицию в этой войне. Мы не знаем, ответил ли Цезарь ему письменно, но вскоре Брут сам явился в его лагерь и был чрезвычайно благосклонно принят победителем. Цезарь приблизил его к себе и даже стал обсуж-

дать с ним различные вопросы. И во время этих бесед Брут высказал мысль, что бежавший Помпей, вероятнее всего, направился в Египет. Что это было? Холодно рассчитанным предательством своего бывшего командующего и доказательством своей верности новому господину? Или результатом вполне понятной депрессии, в которую впал Брут после страшного поражения? Как бы то ни было, после этого Брут очутился среди ближайших соратников и даже друзей Цезаря. Он был не один такой. Среди других, например, на сторону Цезаря перешел и его начальник по Киликии Секстий. К чести Брута, очнувшись от первого шока, вызванного сражением при Фарсале, он использовал свое новое положение при особе Цезаря, чтобы начать защищать других бывших помпеянцев. Так, он сумел добиться оправдания Кассия. Но его горячая речь в защиту галатского царя Дейотара, активно, хотя и вынужденно, помогавшего Помпею, оказалась безуспешной, и Цезарь лишил Дейотара трона. Впрочем, надо заметить, что Кассий был родственником Брута — он был женат на его сводной сестре, дочери его матери Сервилии от второго брака с Силаном, а с Дейотаром были связаны еще и его дядя Катон, и отец Катона, да и сам Брут. Защищал ли Брут тех, кто с ним или его семьей связан не был, мы сказать не можем.

После битвы при Фарсале, враги Цезаря собрались в Африке. И в конце 47 года до н. э. Цезарь отправился в африканский поход. Перед этим он принял ряд мер по укреплению своего тыла. Брута, который не был до этого ни претором, ни консулом, он вопреки закону и обычаю назначил наместником Цизальпинской Галлии. Эта провинция по существу являлась предпольем Италии и в значительной степени ключом к ней, ибо не была от нее отделена ни морем, ни горами и, наоборот, соединена с ней прекрасными дорогами. Еще совсем недавно сам Цезарь использовал Цизальпинскую Галлию как плацдарм для начала новой гражданской войны. Так что назначение Брута в эту провинцию было делом весьма ответственным и явным знаком доверия к нему со стороны Цезаря. И Брут полностью оправдал это доверие, проявив себя в провинции как очень неплохой администратор и при этом никак не покушавшийся на власть Цезаря. Правда, узнав о гибели своего дяди, он побудил Цицерона написать сочинение, восхвалявшее Катона, да и сам вскоре тоже написал такое сочинение. Но Цезарь не особенно обратил внимания на эту фронду.

В марте 45 года до н. э. истек срок наместничества Брута в Цизальпинской Галлии, и он стал готовиться к передаче дел своему преемнику, а уже в апреле или мае снова появился в Риме. Цезарь высоко оценил деятельность Брута и его верность. Он назначил его, оформив через народное собрание как избрание, городским претором на следующий 44 год до н. э. Преторов было несколько, они в принципе считались равными между собой, но городской претор, разбиравший дела между гражданами, занимал все же наиболее почетное положение в этой коллегии. Назначение Брута на этот

пост было следующим знаком цезаревского доверия и оценки его деятельности. В Риме даже стали ходить слухи, что Цезарь якобы намеревается сделать Брута наследником своей власти.

Пока же Брут был просто частным лицом. Но он не проводил время даром, продолжая вращаться в кругах римских интеллектуалов, как Цицерон и Аттик. В то же время много толков в Риме вызвали развод Брута с Клавдией и его женитьба на своей двоюродной сестре Порции, дочери Катона и вдове М. Кальпурния Бибула. В свое время Бибул был одним из близких друзей Катона и видным деятелем республиканского лагеря. В 59 году до н. э. он являлся консулом и неудачным коллегой Цезаря. Позже именно он предложил (или, может быть, просто «озвучил» решение, принятое Катonom как признанным главой республиканцев) назначить Помпея единоличным консулом. А во время гражданской войны командовал помпеянским флотом в Адриатическом море, но не сумел помешать переправе войск Цезаря на Балканский полуостров. Вскоре после этого события тяжело заболел и, не желая покидать свой пост и не имея возможности в этих условиях лечиться, умер. Брак Брута с Порцией, несомненно, имел политическую подкладку, что еще больше подогрело толки в римском обществе и вызвало недовольство матери Брута Сервилии, которая, по-видимому, никак не хотела, чтобы ее сын этой своей выходкой испортил только недавно налаженные отношения с диктатором. Что же касается самого Брута, то он в это время всячески подчеркивал свою лояльность Цезарю. Он даже уговаривал Цицерона посвятить Цезарю какое-либо сочинение или составить приветственный адрес по случаю победы Цезаря над остатками помпеянцев при Мунде в Испании. И Цезарь, со своей стороны, никак не выказывал недовольство Брутом. Само его назначение на ответственный пост городского претора было дальнейшим знаком сохраняющегося благорасположения Цезаря. А интеллигентские выходки вроде панегирика Катону или женитьбы на Порции Цезаря не особенно беспокоили. Он сам сочинил памфлет «Антикатон», но этим и ограничился, считая, что пока эти высококобые пустомели болтают и ничего практического не предпринимают, они ему совершенно не страшны. Однако он ошибался.

Римское общественное мнение начинало потихоньку изменяться. Возвратившись из Испании, Цезарь отпраздновал новый триумф. Если раньше он таким образом отмечал свои победы над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией, то на этот раз это был праздник победы в гражданской войне. Конечно, и раньше все понимали, что в действительности речь идет в том числе и о разгроме своих римских врагов; особенно ясно это было в случае победы над Нумидией, чей царь выступал лишь союзником помпеянцев. Но внешний декор был соблюден. Теперь же и он был отброшен, и Цезарь открыто отмечал свою победу в гражданской войне. В процессии статую Цезаря несли вместе с изображениями богов. Позже сенат вообще разрешил Цезарю построить над входом в свой

дом фронтоном, как это было в храме. Не один раз Цезарю открыто предлагалась царская диадема. Каждый раз он такое предложение отвергал, но мало кто сомневался, что в глубине души был бы не прочь диадему надеть. С течением времени Цезарь все откровеннее бросал вызов республиканским порядкам. Все это вызывало неприятие образованной элиты, а из нее распространялось и в народе, где еще тоже сохранились приверженцы старых ценностей, среди которых была «свобода», противопоставленная «царству». Когда Цезарь, разгневанный на народных трибунов Эпидия Маруллы и Цезетия Флава, отрешил их от должности, на консульских выборах на следующий год эти люди получили довольно много голосов, хотя, естественно, и не были выбраны. Под статуей самого старшего Брута, по преданию, возглавившего свержение царей, появилась надпись «*О если бы ты был жив*», а под статуей самого Цезаря другая надпись, которая прямо обвиняла его в стремлении стать царем.

Брут долгое время колебался. Но на его преторском кресле все больше появлялись неизвестно кем подкинутые записки типа: «Брут, ты подкуплен? Брут, ты труп? Ты — не его потомок». Это давление сыграло свою роль. Но еще важнее было поведение самого Цезаря. Хотя все прекрасно понимали, что единственной целью Цезаря было абсолютное единовластие, сам Брут еще «хватался за соломинку». Когда Цезарь принял полномочия префекта Рима, Брут расценил это как возвращение к конституционным нормам. И в дальнейшем он надеялся на восстановление республиканского строя даже при сильном авторитете Цезаря. Но когда Цезарь стал пожизненным диктатором, никаких надежд на возрождение свободного государства не осталось. Возродить такое государство можно было только убив Цезаря. Так возникает заговор.

Ни о времени возникновения, ни о деталях этого заговора мы ничего не знаем. И это вполне естественно, ибо заговор — дело тайное. По одним сведениям, непосредственным инициатором заговора был двоюродный брат Марка Брута, Децим Юний Брут Альбин. Он когда-то был активным цезарианцем, участвовал в войне с галлами, а затем в гражданской войне на ее первых этапах, занимал ряд видных должностей, в том числе претора, был наместником Цезаря в завоеванной им части Галлии, а в начале 44 года до н. э. ему как доверенному лицу было поручено управление Цизальпинской Галлии, но он тоже еще не уехал и все еще находился в Риме. Поведение Цезаря и, особенно принятие им, как это сделал когда-то Сулла, поста пожизненного диктатора, глубоко разочаровало Децима Брута, и он выступил против своего бывшего вождя. По другим данным, у колыбели заговора стоял все же Марк Брут. Он поделился своими мыслями с женой Порцией, и та не только активно его поддержала, но и посоветовала составить заговор с привлечением как можно большего количества верных сторонников. И среди первых был Гай Кассий Лонгин, занявший

среди заговорщиков видное положение. Если Брут был идейным вдохновителем заговора, то Кассий стал его фактическим руководителем.

Заговорщикам нужно было торопиться. Цезарь уже полностью подготовил поход против парфян и был готов отправиться на войну 18–19 марта 44 года до н. э. Было ясно, что если эта война будет победоносной, а в этом никто в Риме не сомневался, то никаких преград для установления Цезарем совершенно абсолютной власти, если не официальной монархии, уже точно не будет. К тому же, столь широкий заговор не мог долго оставаться в полной тайне, и о нем, действительно, уже стали поговаривать, что грозило заговорщикам разоблачением. Акцию назначили на 15 марта 44 года до н. э., по римскому календарю, когда в курии Помпея должно было состояться очередное заседание сената. Казалось, что сама судьба благоприятствует убийству, ибо в этой курии стояла статуя Помпея, который, таким образом, был бы отомщен за свою гибель. Заговорщики собрались в доме Кассия, чтобы обсудить последние детали. Об этом узнали, и Цезаря попытались предупредить. Он и сам догадывался о заговоре, но решительно отказался от дополнительной охраны, заявив, что не может всю оставшуюся жизнь доживать в вечном страхе. В сам день 15 марта, утраченный неблагоприятными предзнаменованиями, Цезарь хотел было отменить заседание, но Децим Брут уговорил его не делать этого. И Цезарь смело вошел в курию, где его уже ждали заговорщики, которых Кассий привел из своего дома.

То ли Децим Брут, то ли Требоний, в соответствии с составленным планом, отвлек Марка Антония, который казался заговорщикам слишком опасным. А когда Цезарь сел на свое кресло, его окружили заговорщики якобы пришедшие с просьбами, и один из них сдернул тогу с плеч диктатора. Это было знаком, и удары кинжалами посыпались на Цезаря. Кто-то из заговорщиков заколебался, но Кассий решительно приказал ему действовать. Сначала Цезарь пытался сопротивляться, но, увидев среди нападавших Брута, перестал. Труп Цезаря упал к подножью статуи Помпея. «И мертв объемлет он Помпея мрамор горделивый», — много веков спустя написал А.С. Пушкин. Брут обратился было с речью к сенаторам с объяснением убийства, но сенаторы в страхе разбежались, а рабы лишь через несколько часов подняли тело убитого и на носилках вынесли из курии.

Заговорщики были уверены, что римляне с восторгом встретят убийство тирана. Но когда они после неудачи своего обращения к сенату вышли на форум, и Брут пытался с подобной же речью обратиться к народу, он встретил также глухое молчание. Перед Римом возник призрак новой гражданской войны, чего римляне боялись больше всего. Еще до убийства Цезаря верный друг, старый соратник и спутник Катона М. Фавоний в разговоре с Брутом, который зондировал его взгляды, без обиняков заявил, что самое незаконное единовластие лучше междоусобной войны. И та-

ково было настроение большинства римской политической элиты, а настроение городской толпы было переменчиво. В последние дни она была недовольна Цезарем, но теперь уже с сожалением вспоминала убитого. Заговор преследовал только одну цель — убийство тирана. Что делать дальше, заговорщики не представляли. Никаких личных целей ни Брут, ни Кассий, ни их товарищи не ставили, они не стремились ни к власти, ни даже к какому-либо материальному вознаграждению. Они полагали, что после гибели диктатора народ с восторгом примет возрождение свободы, и дела пойдут сами собой. Не встретив активной поддержки ни в сенате, ни на форуме, заговорщики растерялись.

Положение становилось тем серьезней, что один из цезаревских полководцев Марк Эмилий Лепид, который в то время собирал солдат для отправки их в Галлию, вывел этих солдат на площадь, а консул Марк Антоний стал собирать цезаревских ветеранов. В таких условиях Деций Брут решил, что лучше всего вообще покинуть Рим. Он обратился к Антонию с просьбой предоставить лидерам заговора «свободное посольство»: это была поездка сенатора или должностного лица по своим частным делам, на правах служебного путешествия с соответствующей защитой. Но Брут и Кассий решили пока остаться в городе. Они собрали своих сторонников на Капитолии, а затем туда созвали и народ на сходку. Сходка отличалась от народного собрания тем, что на ней не принималось никакого закона и не избирались должностные лица. И Брут снова обратился к народу с разъяснением происшедшего. Он не отвергал всей деятельности Цезаря и заверял собравшихся, что не требует отмены распоряжений покойного диктатора, в том числе и относительно предоставления земель ветеранам. Это сыграло свою роль, на этот раз среди народа появились у Брута и Кассия какие-то сторонники. Однако большинство, а особенно цезаревские ветераны, были настроены враждебно. Антоний и Лепид собирали силы. Брут отпустил с Капитолия всех тех, кто боялся возможного нападения, а с оставшимися он, вместе с Кассием, стал укрепляться. Рим подошел к грани новой гражданской войны. Но перейти эту грань ни Брут с Кассием, ни Антоний с Лепидом не решились. И уже в заседании сената 17 марта Антоний называл Брута и Кассия не убийцами, а «славнейшими мужами». Он стал уговаривать их спуститься с Капитолия, послав им в качестве гарантии безопасности своего сына и сына Лепида. А 17 и 18 марта в храме богини Теллус (богини земли) собирався на свое заседание сенат, и на этих заседаниях Цицерон предложил компромисс: Цезаря тираном не объявлять, похоронить его за государственный счет, утвердить все его распоряжения, а цезареубийцам объявить полную амнистию и предоставить им все должности, которые Цезарь им назначил или собирався назначить, судя по его бумагам. Сенат принял это предложение, и казалось, что в Риме воцарился мир.

Однако все изменилось уже 20 марта. Вечером

этого дня состоялись грандиозные похороны Цезаря, на которых Антоний выступил с поджигательской речью, восхваляя покойного и вызывая ненависть к его убийцам. Было оглашено завещание Цезаря, в котором тот, в частности, дарил народу свои роскошные сады за Тибром и каждому бедняку по 300 сестерциев. Это окончательно изменило чувства римского плебса. В городе начались беспорядки. Толпа бросилась поджигать дома заговорщиков; был убит некий Цинна, которого спустили с одним из убийц Цезаря. В испуге заговорщики бежали из Рима. Сенат и сам Антоний испугались размаха народных волнений и сурово расправились с их зачинщиками. После этого заговорщики вернулись в Рим. Но не надолго. Под разными предлогами они скоро снова стали из него уезжать. Брут и Кассий были преторами и поэтому волей-неволей должны были оставаться в Риме.

Так прошел почти месяц. Напряжение возрастало. Ни Брут, ни Кассий практически ничего не предпринимали для укрепления своего положения. Да и сторонников у них в Риме становилось все меньше, а Антоний все более укреплял свои позиции. И 13 апреля Брут и Кассий уехали из Рима. С Брутом покинула Рим и его жена Порция. «Я — дочь Катона и жена Брута», — гордо заявила она. В Италии у Брута и Кассия оказалось больше сторонников, чем в Риме. Два итальянских города даже признали их своими патронами. Было принято решение начать собирать в итальянских муниципиях вооруженные отряды, но вскоре от этого отказались. Брут и Кассий метались по Италии, то живя в своих поместьях, то приезжая в гости к Цицерону, то посещая те или иные муниципии. Через Аттика Брут организовал от своего имени в Риме игры, надеясь этим привлечь на свою сторону горожан, но напрасно. С другой стороны, и Антонию не хотелось, чтобы Брут и Кассий оставались в Италии. Чтобы их удалить оттуда под благовидным предлогом, он провел через сенат постановление, по которому Брут должен был отправиться в Африку, а Кассий — на Сицилию для сбора там хлеба и отправки его в Рим. Брут был готов выполнить это постановление, но Кассий счел его оскорблением и решительно отказался ему подчиниться. Консул Антоний и преторы Брут и Кассий обменивались эдиктами, направленными друг против друга. Еще Цезарь определил, что после преторы Брут станет наместником Македонии, а Кассий — Сирии. Но по настоянию Антония сенат изменил это решение Цезаря: Бруту был определен Крит, а Кассию — Киренаика. Брут и Кассий, естественно, это постановление не признали. А Рим становился все более цезарианским. На месте сожжения тела Цезаря был воздвигнут алтарь; месяц квинтилий, в котором Цезарь родился, был переименован в июль (Iulius), а т. к. Цезарь еще раньше был объявлен «отцом отечества», то его убийцы стали и «отцеубийцами». Во время игр в честь побед Цезаря на небе появилась комета, и теперь все были уверены, что это душа убитого диктатора поднялась на небо, и отныне Цезарь будет пребывать в сонме бессмертных богов.

Вокруг Брута и Кассия сжималось кольцо.

В скором времени в городе Анции собрались руководители республиканцев, включая Цицерона, и на этом собрании, которое проходило под руководством матери Брута Сервилии, решали, что делать дальше. Сервилия, разумеется, очень беспокоилась о сыне, но, с другой стороны, ее зятем был Лепид, и выступать против него она тоже не хотела. В конце концов все же решили, что Брут и Кассий должны уехать из Италии. И 17 сентября 44 года до н. э. Брут отплыл из города Веллии в Афины, а оттуда направился в Македонию, которую он продолжал считать своей провинцией. Порция вернулась в Рим. Ее никто не преследовал, но впечатление от совершившихся событий, от явного поражения республиканцев было слишком тяжелым, и вскоре она заболела и умерла. Кассий еще некоторое время оставался в Италии, но, видя полную бесперспективность борьбы на Апеннинском полуострове, отплыл в Сирию.

Брут после недолгого пребывания в Афинах прибыл в Македонию. Правивший Македонией Гай Антоний, брат Марка, не хотел уступать провинцию, но был разбит и вынужден сдаться, а затем был казнен. Таким образом, и Брут, и Кассий презрели постановление об изменении провинций, и вступили в управление теми, какие им назначил еще убитый Цезарь. Ни на Крите, ни в Киренаике они не появились. Правда, с помощью некоего Лепида Брут подчинил себе и Крит. Но основное внимание он сосредоточил на Балканском полуострове. Здесь он стал набирать свое войско. В числе тех, кто вступил в армию Брута, был находившийся в то время в Афинах молодой Квинт Гораций Флакк, будущий великий римский поэт. Тем временем положение в Риме изменилось. Приемный сын Цезаря Октавиан, видя, что Антоний препятствует ему, пошел на союз с сенатом и Цицероном и выступил против Антония. В этих условиях в январе 43 года до н. э. сенат не только отменил прежнее решение об отнятии у Брута и Кассия Македонии и Сирии, но и, как уже говорилось, приказал всем войскам на Востоке подчиниться Кассию. Брута он признал наместником не только Македонии, но и подчинил ему Грецию, дав обоим проконсульский ранг. А скоро сенатская армия во главе с консулами Гирцием и Пансой при участии Октавиана выступила открыто против Антония и разбила его. В этой войне пали оба консула, а Антоний начал спешно отступать за Альпы. Для Брута и Кассия забрезжила новая надежда.

Все же не очень надеясь на перемены в Италии, Брут и Кассий стали укреплять свои позиции. Им очень помогло, что наместниками Азии и Киликии были их сторонники. Фактически вся восточная часть Римской республики оказалась под их властью. У Кассия уже были войска, и теперь Брут все активнее собирал свою армию. Всего ему удалось набрать восемь легионов, в том числе «туземные», т. е. набранные из провинциалов, но обученные на римский манер, а также вспомогательные части. Но для армии были нужны деньги, а никаких надежд на получение денег из Рима, ра-

зумеется, не было. И Брут, как, впрочем, и Кассий в Сирии и окрестных землях, переложил всю тяжесть налогов на местное население. Как когда-то на Кипре он силой оружия выколачивал долги самому себе, так теперь он, не останавливаясь ни перед чем, выбивал средства из провинций и городов, отнимал их у вассальных царей. Он не хотел входить ни в какие обстоятельства, ни в чье положение. И это дало определенные плоды. У Брута появились средства для войны. Он стал чеканить собственные монеты. На них появилось его изображение, на некоторых изображались два меча и фригийский колпак между ними. Фригийский колпак — особый головной убор, который надевался рабам при их освобождении. Брут явно намекал на убийство Цезаря как на освобождение Рима от рабства. Чтобы это стало еще яснее, на монетах порой появлялась надпись «Мартовские иды». Другим лозунгом, частым на монетах, был «Свобода».

В скором времени положение в Италии снова радикально изменилось. Октавиан резко порвал с Цицероном и сенатом и вступил в союз с Антонием и Лепидом. Возник второй триумvirат, и объединенные войска триумvиров вошли в Рим, где терроризированное народное собрание передало им на пять лет всю полноту власти. Таким образом, триумvirат оказался государственным институтом, официальным органом власти. Был издан закон, который объявлял всех убийц Цезаря вне закона. Как когда-то Сулла, так теперь триумvир ввели проскрипции, жертвой которых пал Цицерон. Еще до этого погиб Деций Брут. Война между республиканцами и триумvирами стала неизбежной. И действительно, скоро восемь легионов триумvиров переправились в Македонию, но пока еще ничего не предпринимали.

В конце 43 года до н. э. Брут и Кассий встретились в Смирне на западном побережье Малой Азии. Был составлен план действий. Брут предлагал объединить обе армии и встретить врага в Македонии, где уже стояла часть армии триумvиров. Кассий возразил ему, что недостаток финансовых средств не даст триумvирам возможности отправить на Балканский полуостров значительную армию, а уже находившиеся там солдаты без средств погибнут от голода. Поэтому он предложил сначала обеспечить тыл, разгромив сторонников триумvиров. Брут согласился. И в первой половине 42 года до н. э. они начали новую кампанию. Кассий с флотом направился против Родоса, а Брут ударил на ликийцев, избрав первой целью город Ксанф. После тяжелых боев, с помощью других ликийцев, соперничавших с жителями Ксанфа, этот город был взят, причем сами ксанфицы предпочли погибнуть, но не подчиниться римлянам. После захвата Ксанфа Брут подчинил себе и другие ликийские города, предпочтя уничтожению врагов их полное ограбление. Действие Кассия тоже были весьма успешны. Он захватил город Родос, также весьма основательно ограбив его, но в отличие от Брута не остановился и перед казнями тех, кого считал наиболее опасными и упорными противни-

ками. Так что обе экспедиции удались. И родосцы, и ликийцы были разбиты и подчинены, но республиканцы в этих войнах потеряли много времени. А те восемь легионов триумвиров, которые уже находились в Македонии, начали активные военные действия. Брут и Кассий поняли, что они ошиблись в расчетах. Вновь встретившись в городе Сардах, они решили, наконец, объединиться и двинуться против врага. Всего у них было 80 тысяч легионеров и около 20 тысяч воинов вспомогательных частей, среди которых — конные отряды парфян, арабов и мидийцев.

Тем временем, вопреки ожиданиям Кассия, за которым последовал и Брут, главные силы триумвиров все же переправились на Балканский полуостров. Их возглавили Антоний и Октавиан, на которого еще так недавно надеялись республиканцы. Армии противников встретились недалеко от города Филиппы в восточной части Македонии. У триумвиров было около 110 тысяч воинов. Они уступали республиканцам в коннице, но превосходили их в пехоте. Самое главное — легионы триумвиров были опытными и закаленными, в то время как значительная часть республиканских воинов, особенно в армии Кассия, большого военного опыта не имели и в гражданских войнах не участвовали. Еще раньше авангард армии триумвиров захватил соседний город Амфиполь, имевший важное стратегическое значение, и Антоний сделал его своей базой. Само же сражение разыгралось на равнине около Филипп. Положение республиканцев было предпочтительней. Они имели хорошую материальную базу и удобное расположение лагерей: лагерь Брута соприкасался с утесами, а лагерь Кассия — с почти непроходимым болотом, за которым простиралось море. Единственный холм на равнине тоже был занят ими. В этих условиях Брут и Кассий стремились как можно дольше не вступать в открытое сражение, чтобы измотать противника и уморить его почти неминуемым голодом. Но и триумвиры это прекрасно понимали и стремились решить дело как можно быстрее. Антоний, фактически командовавший обеими армиями, стал тайно строить гать через болото, чтобы ударить по единственному незащищенному месту лагеря Кассия. И он сумел с успехом выполнить свой замысел.

Первое сражение произошло в начале октября 42 года до н. э. Кассий, неожиданно увидевший часть вражеского войска, уже перешедшего через болото, приказал как можно быстрее построить стену, которая отрезала бы эту часть армии Антония от ее основной части. Приказ был выполнен, и начался бой. Антоний, увидев, в каком положении находятся его воины, вывел в поле всю свою армию, и к его радости началось, наконец-то, само сражение. Особо ожесточенная битва разыгралась в районе между лагерем Кассия и болотом. В конце концов воины Антония разбили своих против-

ников и ворвались в лагерь. Часть воинов Кассия разбежалась, часть сдалась. Но в это же время Брут, видя тяжелое положение своего союзника, со всей силой ударил по лагерю Октавиана и разгромил его войска. Самого Октавиана, еще не совсем оправившегося от болезни, в лагере не было. А лагерь его был захвачен. Брут немедленно послал конников к Кассию с сообщением о своей победе. К этому времени сам Кассий бежал и с холма с ужасом наблюдал за разгромом своей армии. Нервы его были столь напряжены, что, увидев приближавшихся конников, он решил, что это — враги, посланные его захватить. Кассий не хотел попасть живым в руки Антония и приказал своему рабу Пиндару его убить. Так погиб Гай Кассий Лонгин, и по иронии судьбы произошло это в самый день его рождения. Брут оплакал своего друга и назвал его последним римлянином. Теперь армии триумвиров противостояла только его армия.

Второе сражение произошло 23 октября того же года. Брут придерживался старого плана, стремясь принудить врага голодом к сдаче или, по крайней мере, отступлению. План был совершенно разумен, и голод, действительно, все сильнее угрожал войскам триумвиров. Но воины Брута, гордые недавней победой, жаждали решительного сражения. Авторитет Брута в армии был не настолько велик, чтобы заставить солдат беспрекословно подчиняться. Скорее наоборот: боясь, как бы воины не вышли из подчинения, Брут был вынужден им уступить. И между лагерями произошла битва. Оба войска столкнулись в жестокой схватке. Некоторое время бой шел на равных, но затем воины Брута стали потихоньку отступать. Постепенно медленное отступление перешло в настоящее бегство. Ряды республиканской армии смешались, и на плечах бегущих врагов солдаты триумвиров ворвались в их лагерь. Особенно отличились воины Октавиана, как бы заглаживая недавнее поражение. Битва республиканцами была полностью проиграна.

Брут сумел бежать в горы. Сначала он полагал, что еще не все потеряно и даже попытался снова захватить свой лагерь. С ним еще было четыре легиона, с которыми он мог переждать какое-то время, надеясь на поворот событий, какими была полна история гражданских войн. Но его солдаты отказались ему подчиняться и решили сдаться победителям. Потеряв всякую надежду, Брут попросил своего друга грека Стратона помочь ему уйти из жизни. Тот подставил Бруту свой меч, на который Брут и бросился. Антоний приказал торжественно сжечь его тело, а урну с прахом отослал Сервилии.

Битва при Филиппах была последней, в которой, по крайней мере, одна сторона, сражалась за идеалы. После этого все, кто тогда воевал, бились уже только за собственную власть.

Марина БУРЬЯК

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ИСТОКАМ

В 80-е годы двадцатого столетия многие в «Кудесах» мечтали заглянуть в прошлое новгородцев, увидеть их в праздниках и обрядах, в плясках и хороводах...

Казалось бы, не реальные в своем исполнении желания год за годом приблизили нас к заветной цели.

Мы не изобрели и не изобретаем машину времени, мы очень скрупулезно изучали и изучаем традиционное народное искусство, привносили и привносим его в художественный мир современников и наших потомков.

Ушедшее лето подарило нам необыкновенную по своим масштабам, охватывающим всю Новгородскую область, фольклорно-этнографическую экспедицию. Трудно не оценить ее значимости и великолетия. Состоявшаяся экспедиция — итог двадцатилетней работы «Кудес» с исконными исполнителями новгородской земли: научные открытия в фольклористике и судьбах новгородцев; изучение, эксперимент и апробация исполнительских технологий, обрядового поведения, мировоззрения; погружение в творческий мир народа и переосмысление его в современных условиях; создание детской фольклорной школы и формирование этносреды Великого Новгорода.

Хвойнинская земля...

Мы снова в «поле» (фольклорно-этнографическая экспедиция в терминологии фольклористов), и «зрелое поле» щедро дарит нас.

Всех родных по духу хвойнинских наставников мы встретили на заветном празднике Пророка Ильи. Поистине волшебным был крестный ход из Левочской церкви к святому источнику у деревни Носково. Весь путь был освещен торжественными праздничными песнопениями:

Исусе сладчайший, спаси нас!
Присвятая Богородица, спаси нас!
Святитель Отче Никола, моли Бога о нас,
Святой Пророче Боже Илие,
моли Бога о нас,
Все святые, молитесь Бога о нас.
И ныне, и присно, и вовеки веков, аминь.

Многие приходят в этот день к Ильинскому источнику за исцелением от болезней. Многие заветуют Пророку Илье: «Илья Пророк, помоги мне, исцели меня, сама буду помогать немощным».

С давних пор на лесной поляне струит источник. Рядом с ним лежит «вековечный» камень. Местные говорят: «Этот камень лежит здесь с ледниковых времен. Однажды в Ильинский День была гроза силы невиданной, и огненная стрела вонзилась в «вековечный» камень. Это была стрела самого Пророка Ильи. Так он осветил и камень, и источник. Так с тех пор люди моются целительной водой с освещенного камушка».

До советских времен у источника стояла часовня, в 20-е годы прошлого столетия ее разрушили. Но верующие не забывали дорогу к целительным источнику и камню: приходили на лесную поляну, обливались чудесной водой, бросали копейки в знак приношения праздника и уходили с надеждой на исцеление. Так продолжалось до тех пор, пока одной старушке не приснился сон, как будто она приходит к источнику, смотрит в него, — вода в нем чистая-чистая, в дно золотая стрела воткнута, а рядом с источником — всадник на коне. И слышит она голос всадника:

— Ольга! Ты должна этот источник восстано-
вить.

— Я же старая, у меня силы нет.

— Тебе народ поможет!

После этих слов сон растаял, а голос всадника не покидал ее.

Тут она принялась за доверенное дело: мужчин наняла, срубом обнесли источник, настил постелили, а на место стрелы крест поставили. Жива эта старушка, но нет у нее сил идти к источнику, да только знает она, что каждый год Левочская церковь служит молебен на святом источнике, и что благодарные прихожане принесут ей освещенной живой воды и величания заветного дня:

**Величаем, величаем, ты Святый Славный
Пророче Боже Илие,
И сим еже на небесах
На колеснице огненной
Преславное восхождение твое.**

Трижды «Кудесы» вместе с прихожанами славили праздник, и каждый раз праздник перетекал в широкое народное гуляние:

**У Егорова двора да, там укатана гора,
Там укатана, увалена, водой улита да.
Там укатана, увалена, водой улита,
Там водой улита, каблуками убита да.
Там водой улита, каблуками убита,
Подвернулсы каблучок, я упала на бочок да.
Подвернулсы каблучок, я упала на бочок да,
Уж я глядь-поглядь, меня некому поднять да.
Уж я глядь-поглядь, меня некому поднять да,
Из улицы в тот конец шел удалой молодец.
Из улицы в тот конец шел удалой молодец,
Я не знала, как назвать,
получилосе солгать да.
Я не знала, как назвать,
получилосе солгать да,
Получилось, солгала, Павлушенькой назвала.
Получилось, солгала,
Павлушенькой назвала да,
— Павлушенька-душенька,
подыми за рученьку.**

**Павлушенька-душенька, подыми за рученьку,
— Рад бы, родная поднять,
на меня люди глядят да.
— Это люди не чужие, все приятели мои.**

У Е - го - ро - ва дво - ра да там у - ка - та - на го - ра

Там у - ка - та - на, у - ва - ле - на, во - дой у - ли - та да

В ткань народных песен и плясок вплетались праздничные величания, которые сохранились лишь в памяти старожилов, и каждый раз весь праздник, подхватывая их, воскрешал из небытия к новой жизни старинные знаменные распевы:

**Пророче Илия, моли Бога о нас!
Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу,
И ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!**

Про - ро - че И - ли - я, мо - ли Бо - га о нас

Сла - ва От - цу и Сы - ну и Свя - то - му Ду - ху

И ны - не, и при - сно, и во ве - ки ве - ков! А - минь!

От святого источника с благословениями отца Михаила мы переехали в деревню Комарово к традиционной гостьбе. Наши милые песельницы: Елена Степановна Прокофьева, Анна Павловна Гусева, Антонина Абрамовна Александрова, Евдокия Яковлевна Васильева, с утра готовились к этой встрече. Каких только пирогов не было: с черникой, творогом, грибами. А ботвинью (окрошка на свекольном рассоле), как всегда, арте-люю готовили.

Слово за слово: о здоровье, о выступлениях, о детях и внуках, и полились песни — родные («Кудесы» выросли с ними) и с любовью распеты:

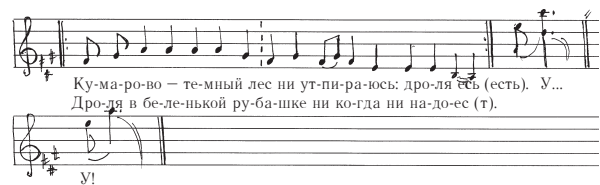
**Как из улицы в улицу,
по Кумаровской широкой,
По Кумаровской широкой все да,
Разъезжает доброй молодец,
что Иван да Васильевич да,
что Иван да Васильевич да,
У него-то конь во сто рублей,
на коне ковер — во тысячу да,
на коне ковер — во тысячу да,
Ино кто этот ковер вышивал да,
вышивала Оксинья-душа да,**

Вышивала Егоровна.
Она днем проти солнышка,
вечером проти огоничка,
Проти месяца ясного да.
Дарила дружку милому да,
дружку милому любимому,
Что Ивану Васильевичу.

Утро следующего дня встретили в лучах под-
нимающегося солнца, обнимающего ласкового лет-
него тумана и улетающих за горизонт ауканий
комаровских женщин:

Кумарово — темный лес, ни утпираюсь —
дроля ес(т)ь,
Дроля в беленькой рубашки
никогда не надоес(т),
Ау-у-у!
Все бы по лесу ходила, ела бы смородину,
Отпустите ради Бога к милому на родину,
Ау-у-у!
Все бы пела, все бы пела, все бы веселилась,
Кабы прежняя любовь назад бы воротилась,
Ау-у-у!
Я пойду поукаю на Комаровску просеку,
Комаровские ребята ушли на посадку,
Ау-у-у!
Ой, куда я залетела, все кругом зеленый лес,
Ни сама я залетела, залетел мой интерес,
Ау-у-у!
Во лесочке заблудилась,
стала дролечку кричать,
Вересочки зашумели, голосочка не слышать,
Ау-у-у!
Все зелены, все зелены, все зелены елочки,
Из-за вас зелены елочки, не видно дролечки,
Ау-у-у!

Солнце уже поднялось раскаленным огненным
над лесом, уже из глубины веков пробудились к
жизни звонные родовые напевы, и улегся туман. Уже
смыслили вдохновенные песняхорки, а душа все еще
звенела этими необыкновенно волнующими впечат-
лениями.

Тяжелым, слезным было прощание с комаров-
скими певицами, но впереди еще много встреч с род-
ными нашим сердцам исполнителями из дру-
гих деревень древней новгородской земли.

«Кудесы» путешествуют по хвойнинским
деревням с местной собирательницей ста-
рины Надеждой Борисовной Бобровой —
заслуженным работником культуры Рос-
сийской Федерации, медалисткой имени
Трофима Григорьевича Рябина — из-
вестного былинного творца XIX века.

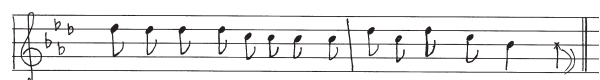
Надежда Борисовна знает всех искон-
ных исполнителей хвойнинской стороны и
их творчество. Здесь она родилась, здесь
выросла. От своих родителей Надежда Бо-
рисовна приняла творческое наследие рода
и укореняет его в фольклорном коллективе
«Свояня». В подарок россиянам Надежда
Боброва издала сборник хвойнинских част-
тушек «Заиграла с переливом хвойнинская

хромочка», в котором она воспела подлинную кра-
соту частушки и имена ее исполнителей.

Сейчас наш путь лежит в деревню Стремково,
где в любви и согласии со своим мужем живет
Анна Семеновна Григорьева — очаровательная
плясунья — дробушечница. Про дробушки стари-
ки так говорят: «Дроби бить — землю ото «сна»
будить, дроби бить, ушедших родных помянуть,
дроби бить — душе засохнуть не давать». Анна
Григорьевна искусно с этим справляется: пуска-
ясь в пляс, с легкостью рассыпает по половицам
все новые и новые переливы дробей. Откуда у нее
столько стати, столько изобретательности и тако-
го уровня мастерства?! Мы, замороженные ее та-
лантом, не можем оторвать взгляда от искромет-
ной пляски, боимся чем-либо спугнуть чарующий
взор исполнение.

В избе песням и пляскам стало места мало,
они вырвались на улицу, и вся деревня подхвати-
ла их:

Я са-ма-то не устала, а устали туфли,
Изломалися носа, каблуки распухли.
Я плясала, не устала, извела кусок досок,
Я гуляла и забыла, он меня забыть не смог.

Я са-ма - то не у-ста-ла, а у-ста-ли ту-фли,
И-зло-ма-ли-ся но-са, ка-блу-ки рас-пу-хли

Мы уже в полях, далеко за околицей, а пляски с дробями и частушками все еще *будят «ото сна» старину* деревни Стремково:

**Вот спасибо, гармонисту, вот спасибо поиграл,
Всю тоску мою и горе по народу разогнал.**

Тяжелая жизнь у новгородских крестьян, потому что земля не рассыпается пухом, каждую пядь ее надо выпестовать для хорошего урожая. А если лето дождливое да холодное, а если на пенсию не прожить, а если ты немощный и в одиночестве век короташь? Но как бы тяжело ни было, не принято на народе свои беды раскрывать:

— Если тебе стоснетцы, — говорит Антонина Павловна Григорьева из деревни Шестерня, — ты свою печаль людям не раздавай, пойдй к ряби-нушке, обними ее и подели свое горе:

**Рябинушка-матушка,
Прими меня, приголубь меня,
Раздели со мной грусть-печаль мою,
Спаси меня ото всех невзгод, от всех горестей.
Рябинушка-матушка (целуя),
Рябинушка-матушка (целуя),
Рябинушка-матушка, помоги мне в тоске
(целуя и крестясь).**

Антонина Павловна общается с рябиной, а ее подруга Екатерина Михайловна Баскова давно уже играет на гуслях и поет то грустные, то веселые песни, и душа окрыляется, изливаясь вместе с ними:

**Я пою, а люди думают, што весело мне,
Понаплачуся я девушка онна наодине.
Я сегодня заблудилась во зелененьком лесу,
А не кусайтесь, кумарики, я вам ягод принесу.
А не играй-ко этим тоном, не расстраивай-ка грудь,
А этим тоном поиграете егодина где-нибудь.**

А не играй-ко э-тим то-ном, не рас-стра-и-вай-ка грудь,
А э-тим то-ном по-и-гра-ет е-го-ди-на где-ни-будь.

— А когда мне очень тяжело, — рассказывает Александра Гавриловна Синицкая из Анциферово, — я иду на речку, мою лицо руками (обратной

стороной ладони) и приговариваю:

*куда вода, туда тоска,
куда вода, туда тоска,
куда вода, туда тоска...*

Мы слушаем тетю Сашу и вместе с нею погружаемся в ее воспоминания.

— Я познакомилась с мужем в Ленинграде, в Троицу 1953 года. Он услышал, как я пою, и больше мы не расставались. Потом детки родились. Старшая дочь живет и работает в Петербурге, у нее двое детей, а младшая — в Америке, наш зять Пол — генеральный директор политического шоу в Нью-Йорке.

— А как Ваша дочь в Америку попала?

— Случилось так, что по путевке Ирина ездила в Киев. Она приехала на Украину 27 апреля, после черновыльської аварії, заболела белокрымием, а была беременной, и ребенок у нее умер. Ее отправили лечиться в Америку. Самолет прилетел в Нью-Йорк с опозданием на четыре дня. Никто Ирину не встречал. Что делать? На счастье у нее была посылка (подруга просила передать своей знакомой) для прислуги ее будущего мужа Пола. У них она и остановилась. Пол устроил Ирину на работу, она немного денег заработала, подлечилась. Пол и Ирина полюбили друг друга, поженились.

Американский зять приезжал к нам в Анциферово. Все ему здесь понравилось: и природа, и люди. «Но живете вы в XVIII веке, — смеялся Пол, — один туалет на весь дом и тот на улице».

Он бы не смеялся, если узнал, каково нам жилось без родителей: мама умерла после моего рождения от тяжелых родов, тятя — через четыре года. Остались мы сиротами: пять братьев и три сестры (раньше девочки называли отца тятей, сыновья — батюшкой, дочки называли мать мамой, а сыновья — матушкой). Как мы росли одни? С корки на корку перебивались, обуть, одеть было нечего. Зимой в лесу на лесоповале работали, а летом — в колхозе.

— А как же школа?

— Я пошла в школу в девять лет, но только четыре класса и окончила, — война началась. Пришел председатель колхоза и сказал: «Нечего в школу ходить, работать для фронта надо!». После войны председатель райисполкома пожалел меня, дал справку, что я отпущена из колхоза, и я уехала в Ленинград. Сначала работала кондуктором на трамвае, чтобы одеться, обуться да угол получить, а после замужества работала на заводе «Красное знамя», чтобы место в яслях дали, потом — на почте. А на пенсии мы сюда, на мою родину приехали.

Муж у меня замечательный был: и красивый, и добрый. Одного года не хватило нам до супружеского 50-летия. Дружно и счастливо мы жили, любили друг друга. В этом году он умер, но я не падаю духом, надо жить и внуков поднимать. А когда слезы подкатят, беру свою балалаечку, с нею поем и плачем «на парочку»:

Ой, только в доме украшение, милой,
карточка твоя,
Ой, прихожу и начинаю любоваться-то на тебя.

Тетя Саша поет, то ласково поглядывая на нас — уже давно родных в ее жизни людей, то мысленно «убегает» следом за волнующими ее дыханием песнями:

Все бы по лесу ходила, все бы ягоды брала,
Все бы с милым стояла, речи тайные вела,
У!

Ой, вы гуляйте, девушки,
пока до пиремнушки,
Ой, пиремну-то нам дадут,
из дома в дом пиреведут,
У!

Ой, балалайка, балалайка,
балалайка лакова,
Ой, дочего любовь доводит,
при народе плакала,
У!

Ой, я иду, а бабы судят, бабы-сороковочки,
Ой, если жалко-то сынка,
держите на веревочки,
У!

Ой, я иду, а бабы судят,
разбирают мою чес(т)ь,
Ой, не судите, бабы-дуры, ой,
у которых-то дочки ес(т)ь,
У!

А неужели это будет, миня бабкой да назовут,
А мои русые-то волосыньки
в повойник убьют,
У!

Солнце уже покатилося к земле, а воздух еще пылает жаром отстоявшего ведренного дня. Сосны приветливо покачиваются нам на знакомых улицах Хвойной, и мы с нетерпением ждем встречи с любимым творческим героем — гармонистом Носовым Павлом Кирилловичем. Вот и его дом №6 на Ленинском переулке: добротный, с резными наличниками, с колодцем — журавлем. Не ожидал он гостей сегодня, растрогался, про усталость от сенокоса забыл. Без расспросов гармонь подхватил и закружился в звонких переливных наигрышах и пляске.

— Трудиться я начал с семи годов, — рассказывает Павел Кириллович, — летом навоз возили на быках. Мужиков-то не было — все на войне, бабенки одни остались. Вот нам шалапаям накидают навоза — садитесь, везите его в поле за два километра. Мы сядем на навоз и едем, все босые. Бык увидит воду — озеро или реку — и туда. Хоть ты как его держи, не удержишь. Он пока не напьется, из воды не выйдет. А там, кто знает, какая глубина... А ты сидишь, ревишь.

После школы хотел в техникум поступать, голова-то у меня работала. Самый близкий техникум в Ленинграде. Куда там?! После войны все разбито, голод. Мох таскали, в ступе толкли и ели, липовое лыко драли и ели (из него лапти плетут). И я пошел работать на железную дорогу, стал маленько зарабатывать. Курсы по технике закончил — одиннадцать месяцев учился, меня старшим поставили в вагонном хозяйстве.

Из вагонного депо и на пенсию ушел.

Ой, раньше мы покуролесили! В клубе собирались. По всем стенам лампы керосиновые развесим — красота! А людей-то сколько было, песен-то, плясок-то, шума-то...

На святки я любил ходить с блинами: беру лопату, на которой хлеб из печи достают, да мешок снега. Один парень ловит девку и держит ее, а я достану снега из мешка и натираю ей оное место, на котором сидят, — «сковороду маслом натираю», а потом лопатой и прихлопну — испек «блин». Р-р-р-р-р!!!

Медведем наряжались: тулуп наденем мехом наружу, уздечку на шею привяжем. На санках привезем «медведя» и заводим в клуб. И вот этот медведь ходит по рядам, всех сударушек ломает, по полу катает.

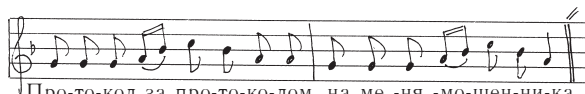
А свою суженую Наденьку я гармошкой приворожил. С армии пришел и женился. Свадьба у нас была богатая — бутылка красного!

За юмором нашему герою в карман не надо лезть, смех не смолкает в его доме:

**Я гуляю, как собака, только без ошейника,
Протокол за протоколом на меня-мошенника.
Яровая-то солома ни горит, ни шайт-то,
Котора девушка изменит, та и ни мешайт-то.**

Я гу-ля-ю, как со-ба-ка, толь-ко без о-шей-ни-ка

Про-то-кол за про-то-ко-лом, на ме-ня -мо-шен-ни-ка

Хромка весело играет, што ни запеваёте?

На миня сердитых много, што ни задеваёте?

Проводил да не до дому, до зеленой елочки,

Она пошла, я торопился к новой ухажерочки

Где-то, где-то заиграли, где-то забаянили,

Дорога моя подруга, твое сердце ранили.

Дорога из Хвойной бежит к мошенским родникам через леса дремучие, через болота топучие, через одинокие дома с покосившимися плетнями, через заброшенные сады с согнувшимися от плодов яблонями... Вот перед нами лесное озеро в россыпях белоснежных лилий, в шумном хороводе осоты и камыша, в солнечном венке облаков на макушках величавых елей. Все вокруг благоухает сочными красками лета, сказочным миром нашей родины.

НА СНИМКАХ:

1. Молебн у святого источника близ деревни Носково.
2. У святого источника. Омовение святой водой. Службу ведет батюшка Левочской церкви Михаил.
3. Фольклорная группа деревни Комарово.
4. Антонина Павловна Григорьева. Деревня Шестерня.
5. Павел Кириллович Носов, гармонист станции Хвойная.

Фотографии соб. кор. ИТАР ТАСС Владимира Малыгина

ВСЕГДА С ВАМИ

Моим родителям

Я вспоминаю и поминаю,
и ставлю свечи за упокой,
За вас, что давно не с нами,
за нашедших покой.
Любимые, в вашем безмолвии
пусть прозвучат слова,
Которые, господа,
может быть,
Услышите вы едва.
Когда бы вы знали, родимые,
Как плохо без вас на земле,
Вы снитесь ночами длинными
и помогаете мне.
Над портретами вашими
проносятся дни, года,

И все события важные
свершаются с вами —
всегда!

ДРУЗЬЯМ

Возвратившихся —
благодарю.
Вы пришли от житейской усталости —
Совершается мудрое таинство
возвращения к алтарю.
Отчего слёзы эти в глазах,
И зачем слов ненужных путаница,
Очень скоро придёт распутица —
мы опять посидим при свечах.
Вспомним доброе и печальное,
и тоску уберем с лица,
Наша дружба — кольцо обручальное
без начала и без конца.

Михаил БУДАРАГИН

Вместо лодок и озера —
свет над старинною башней,
Улыбается флюгер, в лице отражаясь твоём.
Лишь касание плеч —
я не знаю тревоги всегдашней,
Мы ещё не знакомы, мы только себя узнаём,
С каждым взглядом
всё дольше ловя на лету оправданья
В осторожности слов,
в невозможности дальше идти.
Город смотрит на нас с высоты своего ожидания
Веткой вербы рисуя, как сходятся наши пути.

ВЕНСКАЯ ЛАСТОЧКА

Я писал всю жизнь,
Даже когда молчал.
Убегая днём
В раскаты города Беч.

Там текли глаза,
Бились в вечерний мрак,
Чтобы увидеть след
Твоих полудетских плеч.

Я ловил в ладонь
Крыльев размах тугой
И вплетал его
В стен городских канву.

Я носил всю жизнь
Свет в рюкзаке твоём,
Там где дождь увёл
В запахи сна траву.

День на излёте, как песня стрелы.
Дым над водой и весёлых шатров перебрань.
Не достать бы на брата из-под полы

Ладно кованный меч.
Лишь бы тёмная рань

Позабыла язык половецкой воды.
А кровавые руки мы вытрем о пыль —
Мы всё знаем давно, и на пальцах следы
Полумёртвой травы.
Но за ночью — ковыль,

Но идут в предночной тишине облака,
Чтобы дождь принести и развеять смрад.
А у нас в каждом доме — Каял-река,
И лица не умыть,
и не выплакать взгляд.

ВОКЗАЛ

Деревянные ставни
пахнут медом и воском,
из сумки дорожной
расстроено смотрит пес.

И воздухом плавным
тянет с рассвета,
на лавках остатки
теплых коричневых слез.

Я — маленький мальчик
с ворохом снежных волос,
оставленный с миром
тихий вести разговор.

И мне только восемь,
и миру двенадцать,
на медленных ставнях
ранних дождей ворс...

Мы никогда не построим в индийском лесу
хижину. Горы? Горы — далёкие, и,
если честно, не вовремя
говорить об этом после недели света,
что мы медленно дарим друг другу. Вечером
тишина захлебнется знакомым
звонком телефонным
или ящик почтовый высветит твоё имя.
И, наверное, есть между нами что-то,
что язык повернется назвать пока перепиской
и ночными беседами, и дружеским расстоянием,
неожиданным, как в мышеловке кот.
Только речь меня правит, тебя —
одиночества вроде
непонятная существования нить.
Но до хижин и гор —
хотя бы за скобками — долго,
и в итоге — никто никому ничего не должен,
тихий голос не спотыкается о звонок.

СОНЕТЫ К ЗИМЕ

1.
Твое убийство узаконено:
(Эдип, скучающий в Колоне,
встает с постели полусонный
и слышит, как дорога тонет
в апрельском теплом перезвоне)

Ты можешь молча возвратиться
и на Страстной мести полночи,
но утром свет в твои ресницы
начнет настойчиво проситься:
ты отказаться не захочешь.

Твоих агоний еле теплых
весне рассветной не услышать:
она ползет дождем по крышам,
и ты уснешь в порханьи хлопьев,
где синей ниткой ветер вышит.

2.
Ты тихо проспала и дождь, и слякоть,
И крестный ход ты снова проспала.
Прорвав небес синеющую мякоть,
Звонят не по тебе колокола.

Да что тебе! Уткнувшись в теплый запах
Весенней пробудившейся земли,
Ты глухо спишь в густых еловых лапах,
Что на спину покойницы легли.

Вдали гудит, запаздывая, скорый,
В оврагах гулко хлюпает грязца.
Тревожно замирает лес, который
Тебе остался верен до конца.

ДУ ФУ

На руинах немых пагоды
тихой памятью о богах
В ожиданье растут ягоды,
и смыкают глаза снега

Поднимаясь с земли загодя,
не оставив следов огня,
По далекой моей радуге
ты идешь, позабыв меня.

И ни слова сказать, ни к руке прижать...
Пыль по дороге.
Жёлто-серым отписан прощальный привет.

Ты останешься там, где часы вытекают
Из тонких стволов
И рвётся с причала коня силуэт.

За ним облака и тяжёлые волны
Сметают остатки
Всего, чего между нами нет.

ПУТИ

1.
Когда-нибудь каждый из нас не вернется домой —
Не станет, не будет постылой дороги назад.
И день-пилигрим по вечерней дороге хромой
Проводит деревьев тяжелый и ласковый взгляд.

Когда мы начнем прорастать, как неведомый злак,
Пусть Ангел положит на плечи живое крыло.
Ни слова... не надо... все ныне понятно и так.
Нам некого ждать, нас почти уже двое дошло.

2.
Возвращайся когда-нибудь
в город, где талые стекла
опускают глаза
и хотят о тебе рассказать,
и рука переулка
спускается к сумеркам теплым,
и герань, как когда-то
с подушками делит кровать.

Возвращайся когда-нибудь
в дом за распахнутым садом
и пытайся не помнить
пьяные всплески огня.
Возвращайся когда-нибудь
влажным сиреневым взглядом,
в белом яблоке сердца
дороги пустые храня.

От тихости снега...
сонность,
за скорость паденья
пробуй,
считая мгновенья
помнить,
как в детстве далеком
верил,
что ждет беспокойно
где-то,
последняя скрипка
снега;
и не было песни
чище
и не было правды
горше,
чем плач на плече
детства
о том, что огонь
гаснет...

1.
... холодных дней чужими именами
стекло прильнет к оттаявшей щеке,
внизу пройдут баркасы письменами
на древнескандинавском языке ...

... и утром встретив медленную пристань,
снегов неуловимая канва
оставит в недосказанности писем
никем не объясненные слова ...

... ты спустишься по трапу теплой ранью,
не разбирая в шуме ничего,
но море повторит моё дыханье,
чтоб ты одна услышала его ...

2.
Был дом,
и пустое пространство
между полкой и шифоньером,
там игрушечных армий полки,
превращенные детской рукою в живых,
каждый день умирали до завтра.

Но однажды
никто не воскрес, и уехал не мальчик,
а угрюмый подросток, и старое войско
было отдано в добрые руки, как мебель
и каштанов сгоревших
тяжелый и приторный запах.

Десять лет
все на свете пустые пространства
заменяли ему сигареты, футбол,
и никто не кричал: «Марш домой,
сколько можно на улице...», время
было вскользь на его стороне.

Но однажды
ты вошла в полутемную комнату, где
ни солдатиков не было, ни разогретых
каштанов. Он искал твоих губ, потому
что твой голос звучал, как у мальчика
между полкой и шифоньером.

Он не знал никогда,
что такое малая родина, и большая,
но твой взгляд приравнял его
к движению воздуха,
к обжитому пространству, к любви,
к настоящему, прошлому непрошедшему,
к тому, что становится верой в Бога...

ТЕЛЕМАК ОДИССЕЮ

Отец, отец, мне минуло двенадцать,
и деревянных сабель частокол
сменяется железными мечами,

война спешит, мать сматывает пряжу,
и странствие готово разразиться
грозой на горизонте. Корабли
бросая Посейдону на съеденье,
где ты, отец? Как местное вино,
стада, войска и женщины чужие?

Спешу, отец, спешу пока не поздно,
по звездам путь пусть сосчитает кормчий...
я от страстей Эдиповых избавлен,
но в комнате, ведущей на чердак,
пугает блеском медная заколка.
И взгляд на море при плохой погоде
грозит вернуться полной слепотой.

НОВЫЙ ГОД

Мы знали, что иного мира нет...
Уоллес Стивенс

То ли это зима, то ли что-то опять не сложилось.
Пахнет снегом асфальт,
пахнет плесенью снег неживой.
По утрам через узкую форточку
тянется сырость.
И в зашитую грудь бьётся
голос распахнутый твой.

То ли это зима, то ли чай неожиданно горек,
От случайного вздоха еловые ветки звенят.
Замирает под вечер
детьми растревоженный дворик,
И сегодняшний день —
не длиннее вчерашнего дня.

То ли это всё блажь, и не будет иного расклада:
Тот же мокрый асфальт,
тот же тихий уют дармовой.
Никуда не уйти, потому что не очень-то надо.
Только б слышать сквозь форточку
голос распахнутый твой.

СЕРДЦЕ БАБОЧКИ

Сердце бабочки —
не измеришь весами —
согревая дыханьем,
его держит в ладонях
мальчик.

Сердце мальчика,
вихрастое, полевое —
теплой рукой радуги
укрывает Господь
от ливня.

Лес за окнами,
вымокнув, не узнает,
как три сердца стучали
вместе, попадая дождю
в такт.

КЕНИГСБЕРГ

Тонкой кромкой губ ощути распад
И согрей теплом человеческим
Трезвый прусский голос литых оград
И безумство славянской речи.

Вырви сердца стук, оступись на шаг,
Оглянись, и ладонью белой
Дрожь стекла уйми. И водой душа
Захлебнется при встрече с телом.

Тебе не выйти в город, оцепленный врагами.
И комендантский час продлится сорок дней...

Земля замедлит ход и скрипнет под ногами,
Ты позабудешь всё, чтобы вернуться к ней.

Она узнает вздох и выйдет за ограду
С усталой тишиной отчаянно борясь...

Ты остановишь пульс. И день, идущий рядом,
Сотрет твоих следов нечаянную вязь...

В тишине, как пыливый Язон,
Ночь уходит за море, означив,
Твой торжественный путь, неудача.
Мне проснуться от теплого плача,
Но глубок остывающий сон.

Не расслышать рождение беды,
Не увидеть пределов глагола.
Слышу легкую боль от укола —
Это ночь первый вздох наколола
На глоток пожелтевшей воды.

На рассвете мальчик с дудочкой
собирает росу в горсти,
шепчет клевер ему, — здравствуй,
он трехлистный его голос
вытирает пальцами теплыми.

Так идут они тихо —
в спящем мире не заснувшие —
мальчик с дудочкой и голос клевера
за мечтою самой светлой,
за водою самой чистой,
за надеждою — в оправдание,
на пороге оставив маме
бесконечно родную песню.

Мама звезды смахнет с подоконника
и поставит в духовку тесто,
наберет в колодце воду,
к пирогам дождется мальчика
с мечтою самой светлой,
с водою самой чистою
с надеждою самой первой...

Он расскажет маме, как ветер
нежно плел ему волосы,
а луна уходила спать в озеро
и подарит ей горсть малины,
и чтоб маме не скучно было,
допоет для нее тонко
бесконечно родную песню.

Кристина БРЮКНЕР

(Перевод с немецкого Светланы ЦВЕТКОВОЙ)

ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ, ЛИСИСТРАТА!

Речь гетеры Мегары перед Лисистратой и женщинами Афин

Слушай меня внимательно, Лисистрата! И другие тоже! У меня больше опыта общения с мужчинами, чем у вас. Ты знаешь только своего собственного мужа, Лисистрата, и думаешь, что все такие же. Я знаю многих. Ты требуешь от афинских женщин, чтобы они отказывались от брачного ложа, пока мужчины не заключат мир. Над этим я могу лишь посмеяться. Воздержание ведет к агрессивности. И, кроме того, война длится уже два десятка лет — большинство афинянок вдовы, кому они должны отказывать? Они хотят отдаться!

Послушайте, у гетеры, умудренной опытом, есть что сказать! Почему вы верите только тому, что говорят мужчины? Хорошо, что хочешь что-то предпринять, Лисистрата. Плохо, что ты выбрала неверное решение.

«Сведите их с ума и доведите до бешенства!» — сказала ты. В общем, ты права. Однако, все вы слишком мало знаете мужчин. Еще одно «нет», и их страсть к женщинам обернется воинственностью, еще одно «нет», и они поменяют гнездышко любви на поле боя, ведь и там и тут они стремятся лишь победить. Своим «нет» вы лишь укрепите их воинственность, вместо того, чтобы ее ослабить. Когда они сыты и довольны, у них нет другого желания как отдохнуть. Разве я не права, Миррене? Ты любишь своего мужа, и он тебя любит, вы, говорят, воркуете как голубки.

Если вы им откажете, они пойдут к проституткам и будут платить деньги за то, что они могли получить дома бесплатно, и в чем вы сами нужда-

етесь. Проститутки не могут позволить себе воздержание. А гетеры умнее.

Ты хочешь отказать своему мужу, Лисистрата? Он уже давно ничего от тебя не ждет. Разве разумно делать вид, что ничего не происходит?

Вы тоже виноваты в том, что идет война! Вы ее допускаете! Ничего не делать — это значит тоже что-то делать! Ты говоришь, мы только женщины? Я о «только» не хочу ничего слышать. Ты мыслишь слишком узко, Лисистрата! Мужчины обещают все, если только мы уступаем. Когда они удовлетворены, их желание воевать быстро восстанавливается. Любое желание приходит вновь.

Почему ты утверждаешь, Лисистрата, что один ничего не решает? Так говорят мужчины! Они говорят, что один равен нулю. Но много нулей дают лишь много нулей и никогда не дают целого. От количества сражающихся зависит исход битвы, но женщины добиваются своего тогда, когда они наедине с мужчиной. Не правда ли? Я часто беседую с философами. Они ищут разговора со мной, потому что дома у них Ксантипа¹. Они утверждают, что вы жалуетесь, мол, ваши мужчины надоели вам своими приставаниями. Они не довольствуются обычным набором удовольствий. Я не хотела бы говорить при всех о том, кто что любит, но готова дать советы каждой из вас наедине. А если вы хотите знать, о чем я говорю с

¹ От собственного имени *Ксантипа* — сварливая жена

мужчинами, так вот: они спрашивают меня, откуда берутся облака и что такое атомы. Мы говорим о вещах, которых не знаем, и обмениваемся своим невежеством. Одно скажу я вам: ни один мужчина, который спал с гетерой, не мечтал о тирании или нарушении общественного порядка. Слова *битва* и *война* у нас не произносятся безнаказанно. Вместо этого мы шутим и кутим до первых петухов, потом, утомленные, мужчины спят мирно до полудня.

Куда я ни брошу взгляд, я вижу лишь вдов и будущих вдов. Почему вы ничему не учитесь у гетер? Вы хотите иметь мужчин героев? Вам нужны ордена? Вы хотите прославлять их подвиги? Поймите вы, наконец: живой мужчина без ордена лучше, чем мертвый победитель на щите! Зачем вы начищаете их копья до блеска? Спрячьте оружие ваших героев, найдите свое собственное! Приложите к груди самого младшего из своих детей; пусть молоко течет из вашей груди и для него, ведь он как ребенок, которого нужно немножко укачать. Килла покажет вам, как стать привлекательнее, если красота уже ушла или ее не было никогда. Ромашка пахнет чистотой, Евратея, но этот аромат не способен совратить. Если вы тощи, подложите что-нибудь. С одной прекрасной душой вы далеко не уйдете. Красота впечатляет только тогда, когда она в гармонии с умом. Почему вы пренебрегаете мастерством, которым владеют гетеры? Учитесь у нас! Каждая из вас точно знает, что просто нельзя скрывать под одеждой. Не красней, Ампелис, побереги румянец до вечера. У тебя упругий живот, я это вижу издали, покажи его сегодня вечером вблизи.

А у тебя, Фрина, кажется, красивый зад, не скрывай его. Почему вы не пользуетесь косметикой? Вы ходите с красными лицами. Я имею в виду, прежде всего, тебя, Марион! Напудритесь! А бледным надо подкрасить щеки. Косметические принадлежности у вас покрываются пылью только потому, что идет война. Унылость плохо сочетается с легким нравом. Завтра при первом крике петухов мужчины поспешат к кораблям. Война продолжается. Остановите ее! У мужчины, оставляющего дом рано утром либо плохая, либо глупая жена, которая не способна утомить его, сломить его желание сражаться. Пусть завтра утром будет тихо на афинских улицах, пусть не будет бряцания оружием после петушиного крика. Кто не любит своего собственного мужа, тот любит, возможно, деверя или соседа. Я заклинаю вас, сейчас не время быть щепетильными. Принесите себя в жертву, если вы считаете, что это жертва, ведь вы любите жертвовать собой. Объединяйтесь! Боритесь за мужчин там, где нельзя по-другому, пробудите в них страстные желания.

Афины должны стать сегодня публичным домом. Положите заблаговременно благовония в огонь. Пусть разносятся запахи из кухни. А если он спросит, по какому случаю сладкие пироги, тогда скажите: «На завтра, когда мы, женщины

Афин, соберемся, чтобы помянуть наших мужчин». Заколите самого лучшего петуха и скажите, что вы завтра собираетесь пожертвовать его богине, а если муж попросит, будьте готовы зажарить петуха для него еще сегодня. Найдите мирного масла, смажьте им волосы и объединитесь, наконец, поделитесь им с подругами! Помогите друг другу стать красивее! Посмотрите друг на друга оценивающим взглядом, но с любовью! Молитесь Афродите, но не забывайте сами сделать все, что можно! Дайте вашим мужчинам перепелиные яйца. Если не сможете их достать, найдите, по крайней мере, сельдерей, разрежьте зеленые стебли на куски, какой длины, должно быть, вы сами лучше знаете! Корнеплоды потрите на терке.

Скажите, что у очага жарко, оголите плечи, подоткните юбку, поддерните рубашку так, чтобы показались груди. Ах, только не говорите мне о благопристойности и добродетели, сейчас не время! Речь идет об Афинах! Война требует жертв, мир тоже! «Иди сюда, мой петушок, мой лев, мой бычок!» Вы знаете, что ему напеть, как его вознести, что ему еще сказать, чтобы он почувствовал, как вы его высоко ставите. Потом потяните время, придержите его. Вспомните о речи Лисистраты. Украсьте волосы цветами лимонного дерева. Приготовьте ему праздничный ужин и вздохните как бы невзначай, что для него он может быть последним, что такого, возможно, никогда больше не будет. Не закрывай свои волосы, Ампелис, у тебя прекрасные локоны, и отстранись от мужа, а он будет тянуть тебя к себе, любясь прекрасными волосами и вздыхая, а потом вздохни ты, мол, потом у меня останется лишь осел. Фула! Говорят, ты знаешь рецепт колдовского напитка. Заколдуй их всех! Пусть они, зачарованные, шатаются по улицам, обуреваемые желанием, похотливые как Пан!² Пусть они ревнуют! Напишите на стене дома измененным почерком: Мелитта любит Кайреаса! Соседи прочтут и Кайреас тоже, и все поверят в то, что там написано. Ревность подогревает любовь! Мелитта! Почему ты отворачиваешься? Неужели я попала в точку? Тем лучше! Создайте атмосферу беспокойства и беспорядка в городе. Ни один мужчина не покинет Афины, когда там воцарится хаос!

Возьмите кувшин для разбавления вина водой и наполните оба кувшина вином. Если ничего не помогает, и он все-таки требует подать щит и копье, добавьте ему валерианы в последний кубок, и он уснет сладким сном. Обещайте ему, что разбудите при первом крике петуха. Если он проспит, потянитесь, сделав вид, что проспали, и скажите, что другие уже, наверное, давно на кораблях, не побежит же он один через весь город, чтобы посмотреть издали на корабли.

² Пан — в греческой мифологии бог пастухов, покровитель стад.

Вы говорите, что в вашем доме живет престарелая мать вашего мужа? Или седой отец? Тогда оставьте ваши дома и идите в Ликабеттос, где бьет источник под тремя эвкалиптами. Вы знаете это место, оно — сама идиллия. Земля здесь мягка от клевера и лотоса, еще благоухают последние гиацинты. Поют славки до поздней ночи, и как только они замолкают, кричит ночная птица. Нарядитесь! Обнажите то, что красиво и без нарядов. Пусть ваши служанки наполнят корзины лучшими кушаньями, не забудьте украсить их цветами гибискуса и поставьте рядом кувшины с охлажденным крепким вином из Самоса, если в вашем подвале еще есть вино. Потом пригласите ваших мужчин, которые с недоверием наблюдали за вашими действиями: «Добро пожаловать, Лахес! Памфилос, пойдем с нами!» Вечерний свет позолотит ваши тела, как колонны Акрополя в шесть часов вечера. Кубки заблестят так, что в них можно будет смотреться. Приготовьте шалаш из веток мирты, но прежде накройте стол! Пейте! Пусть самые молодые и красивые женщины купаются в источнике, как только наступит ночь и взойдет луна. Веет легкий, как зефир, ветер, потом он утихнет, ночь будет теплой, возьмите, тем не менее, с собой пару одеял, чтобы утренняя прохлада не разбудила спящих мужчин. А ты, Лисис, будешь петь! Пой свои песни, которые обычно поешь лишь у колодца.

Вы чувствуете, как желание наполняет ваши бедра? Это хорошо. Этого я хотела. Желание — это горячка, которая заражает. Эпидемия распространится в Афинах. Мы должны ослабить мужчин, а не заниматься подстрекательством! О мире должна заботиться не только богиня Афина! Помогите ей в этом!

Это мой план на сегодня. А что будет завтра? Несмотря на все наши ухищрения, мы не можем помешать, чтобы завтра воинский пыл не возродился в мужчинах. Они отправятся завтра на площадь собраний и будут говорить до тех пор, пока не примут решение и возьмутся за оружие.

И теперь, Лисистрата, послушай! У меня есть план, как следует продолжать. Мы должны бастовать, если они хотят воевать. Не только в постели, как я уже сказала. Что вы делали до сих пор? Вы начинали их шлемы, вы отчищали щиты от ржавчины. А когда воин уходил из дома, вы, помахав ему вслед и поплавав, брались за работу, поддерживали порядок в доме, воспитывали детей, обрабатывали поля, давили виноградный сок, а если сражение заканчивалось, вязали гирлянды для живых и венки для мертвых. Вы восхищаетесь героями и, как только можете, облегчаете им тяготы войны. Теперь все будет по-другому. Пусть зарастают ваши поля. Пусть птицы клюют спелый виноград. Делайте лишь самое необходимое, чтобы ваши дети не умерли с голоду, только не слишком утруждайте себя! Почести, в конце концов, получит он, а не вы. У женщин Спарты то же самое. Мы должны объеди-

ниться с женщинами противника. Получается, что мы должны играть роль мужчин во время войны и роль женщин в мирное время. Как это? Вы можете представить себе мужчин в роли женщин, вскармливающих молоком детей, пряющих и пекущих хлеб? Кроме женской работы вы берете на себя дополнительно мужскую. Вы убираете урожай, пока не начались осенние дожди, вы ведете к кузнецу хромого коня, и жена кузнеца его подковывает. Вы чините крышу, и у вас нет времени, чтобы поиграть со своим ребенком, нет времени, чтобы последить за собой, чтобы принарядиться. Для кого? Если они вернутся с поля битвы (если они вернутся!), они найдут вас изможденными. Вы покажете им с гордостью сосуды с семенным зерном, и они еще будут недовольны, что зерна маловато. Уже на следующее утро они отодвинут вас в сторону, и вы уступите им место.

Если они потом захотят праздновать свою победу, скажите им, что амфоры пусты. Что у вас только несколько луковиц в доме, горсть сухой фасоли осталась с прошлого лета, что вы можете замочить фасоль и с удовольствием приготовить ее для него, если не разбился вчера последний горшок, и, если у горшечника есть новые. Вы, якобы, ничего не понимаете в рыбной ловле и вы, к сожалению, не можете приготовить ему отварную рыбу с шалфеем. Сосуд для масла, скажете вы, давно пустой, давящая для винограда вышла из строя и заржавела, оба осла убежали, так как веревка истлела. Ослов вы можете пока куда-нибудь спрятать. И в будущем не будьте слишком щепетильны, если ваш сосед, слишком старый для войны, положил на вас глаз! Если его руки уже не годятся, чтобы держать меч, сила идет в другой орган. Не пренебрегайте мальчиками! Мягко введите их во взрослую жизнь, больше я вам ничего не скажу. Развлекайтесь друг с другом! Почему мы должны вести жизнь, полную воздержания? Верность имеет смысл, пока вы вместе. Мы подпортим им удовольствие воевать, мы, женщины Афин, Боснии и Спарты. Посмотрите на храм Ерехтейон. Вам ничего не бросается в глаза? Здесь тяжесть сводов несут не колонны, как в других храмах, а женщины! Вы разве не видите! Они рассчитывают на нашу силу!

Послушай меня, Коринна, не вставай! Я еще не закончила! Не только мужчины думают об Афинах, мы тоже, это наш город, в котором мы хотим жить — вместе с мужчинами! Кто любит жизнь, у того нет желания поставить ее на карту, он вместо этого вырезает лошадку своему маленькому сыну, привязывает качели к фикусу. Я знаю ваших мужчин. Если не всех, то многих. Они как дети, их нужно занимать. Кто сам засекает поля, тот не превратит их в поля сражений, хоть в Аттике, хоть в Спарте. Кто ведет праздную жизнь, тот затевает ссору. Это вы знаете уже по вашим детям. Хвалите дом соседа, скажите, что он просторнее и прохладнее, чем ваш, наверное, сосед умнее или прилежнее. И

вот он уже взялся за лопату. Или у его брата, якобы, лучше с водой, очевидно потому, что его колодец глубже. И вы должны были летом, когда иссякла вода в колодце, проделывать с кувшинами долгий путь к вашему зятю за водой, чего вы делать не любите. Побуждайте их к действию, напомните про Афины, ведь вы всегда думаете о процветании города, подчеркните важность того, что он делает, это ему необходимо. Наконец, сделайте вечер для него и для вас приятным. Зажгите факелы, пусть ваш сынок резвится голым во дворе, и не забудьте отметить, как он, невинный младенец, похож на отца.

Ампелис! Музарион! Оставайтесь! Или вы собираетесь штопать дома вдовий чепец? Конечно, он вам скоро понадобится. Уже сегодня можете сделать скорбное лицо и репетировать скорбные песни!

Мужчины не должны тратить золото на вооружение. Мы заявляем протест! Мы хотим участвовать в распределении собранных налогов. Почему оружие? Почему не кувшины, заколки для волос и сандалии? Они хотят защищать каждый камень мостовых Афин и каждый клочок земли Аттики. Они будут продолжать эту войну, пока мы от голода не съедим свою любимую кошку, из страха, что она достанется соседу. Подумайте об одном: этих мужчин воспитали матери! Мужчины боялись бы точно так же, как мы, если бы им не сказали: «Ты — мужчина, будь мужественным! Не плачь!» Вы должны позволять вашим сыновьям играть острыми предметами и утешать их: «Ну, поплачь! И мужчины имеют право на слезы!» Кто плачет, тот и смеется! Мужество мужчин ослабляет мой дух! Почему мы не идем с ними вместе на Агору?³ Если они голосуют за продолжение войны, давайте проголосуем против! Наши голоса звонче и оглушительнее! Давайте противопоставим их крикам за войну наш крик в пользу мира! Учитесь наслаждаться жизнью! Война не самое большое удовольствие! Смерть на поле брани не самое прекрасное, что есть на свете! Золото, которым платят за военные походы, можно было бы с пользой употребить для нашего города. Мы-то знаем, что

военная добыча чаще всего невелика. Они думают, что мы не знаем, мы не можем рассчитать, какие доходы приносит мирный день и во что обходится день военных действий. Почему вы оказываетесь в дураках? Почему бы вам не выставить им счет? Поднимись на стену, Лисис, и высмей их своей песней, да не перегни палку, их так легко обидеть. Мы созданы для любви, а не для ненависти! Боги отмерили нам короткую жизнь. Как быстро проходит наша молодость! Как быстро уходит красота! Нам нужно *использовать наши годы*.

Почему вы все убегаете? Оставайтесь, пока я закончу, Тула, Миррене! Мы бросимся на их щиты, когда они попытаются их взять! И, если это не поможет, тогда скажите: «Я иду с тобой! Я не оставлю тебя и буду поддерживать тебя в любой опасной переделке. Я предпочитаю умереть, чем жить без тебя!» И здесь не останется никто, ни старики, ни седой отец, ни слепая мать, ни дети! Дайте им понять, что вы не хотите остаться в живых, что вы хотите жить в мире или умереть.

Скажите: «Дай мне копье, я буду метать его как богиня Афина! Я упражнялась на заброшенных полях!» Ты, Лисистрата, меташь его лучше, чем твой муж! Война тебя не манит? Война — это авантюра! Развлекайтесь! Обнажите грудь, если одежда тесна, намажьте тело маслом, как мужчины, кричите, что вы броситесь на спартанцев!

А теперь я подхожу к последней части моего плана, Лисистрата! Чем отличаются мужчины Спарты? Говорят, что их уши, торчат, как ручки. Хорошо, хватайте их за уши! Спартанцы должны быть сильные, разве это плохо? Красота женщин Аттики их поразит. В самый нужный, последний момент мы поменяем мужское оружие на женское.

Мы ослабим силы спартанцев. Это должно произойти ночью: мы, босые, без оружия, прокрадемся незаметно в их лагерь. А потом, когда наши мужчины заметят, где мы, они завершат дело.

Миррене, голубка! Теперь и ты убегаешь! Ну, вот теперь мы остались с глазу на глаз, Лисистрата. Они не последуют твоему плану. Моему тоже нет. Все останется по-прежнему.

³ *Агора* — площадь для собраний, рынок в Греции.

(Из книги «ЕСЛИ БЫ ТЫ ЗАГОВОРИЛА, ДЕЗДЕМОНА»
Невоздержанные речи невоздержанных женщин)

Ирина САВИНОВА

КРАСНЫЙ КРЕСТ В БЕЛОМ БЕЗМОЛВИИ

В далеком моем детстве над кроватью висела большая политическая карта мира. На уровне глаз находился белый материк, а нос упирался в Землю Королевы Мод. Это была Антарктида. Внимания моего она особо не привлекала — в те годы сообщения о далеких плаваниях, космических полетах поступали со всех сторон. Экспедиции на Северный полюс следовали одна за другой, открывались научные станции и в Антарктиде. Наиболее памятным событием в освоении этого ледового материка была обыкновенная операция аппендицита, но сделал ее хирург — сам себе, разумеется без наркоза. Школьный учебник географии представил все необходимые сведения об этом загадочном материке, учебник истории — о кругосветном плавании отважных русских моряков — Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, которые и открыли страну ледового безмолвия...

Но совсем недавно случай свел меня с человеком, который побывал на обоих полюсах Земли. Это врач Александр Иванович Петроченков из Новгорода. Больше всего он рассказывал об Антарктиде...

ПОРЯДОК В ТЕЛЕ И ДУШЕ

15 декабря 1985 года к острову Кинг Джорж подошел океанский теплоход «Байкал». Он совершил долгое плавание из Владивостока, заходил в Сингапур, Порт-Луи, Мапуту. Из Буэнос-Айреса курс лежал на Антарктиду, к ее восточному побережью. Там, на острове Кинг Джорж находилась советская исследовательская станция «Беллинсгаузен». Место ее было выбрано со знанием антарктических условий: лишь в течение нескольких зимних месяцев у этих берегов держится полоса льда, остальное время воды свободны от дрейфующих льдов, поэтому к берегам могут подходить суда. Климат в этой стороне Антарктиды довольно-таки мягкий по сравнению с центральной частью материка, почти «субтропический»: в летние месяцы температура может подняться до ... +1° +2°, а в зимнее время упасть до -40°C. В таких условиях зимовки проходят значительно легче, чем в других частях континента.

Но какие бы ни были здесь полярные блага, под ногами лежала все та же вечная мерзлота, прикрытая береговой галькой.

Состав экспедиции увеличен, по сравнению с предыдущим. Прибыло почти сорок человек. Возглавлял ее известный полярный исследователь Арнольд Богданович Будрецкий.

У каждого полярника свои конкретные дела и задачи в экспедиции. Но есть в коллективе такой специалист, который держит в своем поле зрения каждого человека, и это, представьте себе, не начальник станции, а... врач.

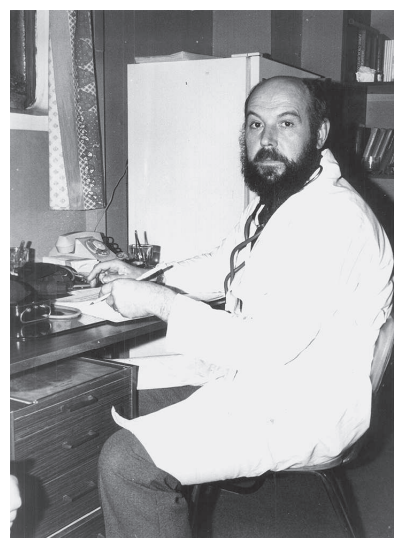
В 31-й САЭ врачей было двое: старший — Александр Иванович Петроченков и его помощник — Валентин Григорьевич Кучеренко.

Разгрузка шла не один день. Сотни тонн грузов, различная техника извлекались из трюмов и перемещались на берег.

Приходилось привлекать не только подъемные краны, но и обыкновенные руки и плечи полярников — из-за поломки техники.

Полярная медсанчасть разместилась в отдаленном одноэтажном здании. Все постройки на станции выполнены из панельно-щитовых конструкций, установленных на сваях — холод вечной мерзлоты пронизывает глубже, чем наружные морозы.

Размеры медсанчасти захватили дух у врачей: операционная, стоматологический кабинет, палата для больных, комната врача, фотолaborатории. Не

Александр Петроченков

во всякой сельской больнице увидишь такое.

Что же ожидает людей на неведомом континенте? Поскольку все полярники перед отправкой на станцию прошли тщательный медицинский контроль, устранили все стоматологические недостатки, постольку на первых порах медики все свои знания и способности сосредоточили на... быте своих подопечных, на порядке в камбузе, на территории и в отдельных комнатах.

Контроль за меню, за наличием всех витаминов и состоянием продуктов установился как-то сразу и выдерживался постоянно. Сложнее было с порядком на территории станции. Приняли ее с оценкой «удовлетворительно», но руки приложить было необходимо. Во многих помещениях, среди них и в камбузе, следовало бы провести ремонт. Территорию очистить от различного хлама, скопившегося за несколько лет.

Если вы посмотрите на фотографии двух полярных станций, то по внешнему виду уже сумеете определить их государственную принадлежность: на одних четкие ряды домиков, аккуратно сложенные бочки с горючим, ничего лишнего на условных улицах. Догадались? Конечно же, это станции Чили и Аргентины, а вот на советской станции приходилось порядок внедрять упорно и неотступно.

— С Севером шутить нельзя, — считает Александр Иванович. — Мне доводилось зимовать на Новой Земле, на Северном полюсе. Поэтому и на Южном распорядился: все, что катится, качается, сдвигается с места — закрепить, привязать, зачехлить... В зимние бураны эти старания оправдались.

Календарь в Антарктиде хотя тот же самый, но висит «вверх ногами». На листках — январь-февраль, а на станции — летний сезон, самое теплое время года. В апреле возле берега уже зашуршала шуга, а в середине мая в бухте Ардли устанавливается припай. Лед растет быстро. 11 сентября ученые станции зафиксировали наибольшую толщину прибрежного льда — 1 метр 33 см.

— Наверное, очень трудно постоянно находиться в холоде?

— Трудно, не отрицаю, — говорит Петроченков, — но человеческий организм, как ни странно, до сих пор всесторонне не изучен, особенно его внутренние резервы. Вы, наверное, читали, что в годы войны солдаты почти не простужались, не схватывали воспаление легких... А ведь они подолгу находились под снегами и дождями, мерзли в землянках, голодали... Видимо, организм получает какой-то тревожный импульс на выживание. Так и у нас, на антарктической станции: в морозы, бураны все выполняли свои обязанности. Не помню, чтобы кто-то лежал в

палате... За неизменением больных там проживал мой помощник.

Людей хворых в экспедиции не оказалось, да и быть не могло: все прошло тщательный отбор, у многих за плечами опыт различных зимовок, семь человек ранее уже работали на станции «Беллинсгаузен», пятеро — на полюсе холода планеты — станции «Восток».

Но даже для очень здоровых людей Антарктида остается полигоном испытания их сил. Природа усеяла ее льдинами и расположила их скрытыми трещинами, куда может провалиться и человек, и трактор. Ветры гуляют с такой скоростью, что для европейского человека они кажутся стихийным бедствием. А снег? Полагаете как у нас — пушистый и легкий? Каждая антарктическая снежинка колкая, как игла, и проникает во все прорехи. Об этот снег можно до крови ободрать ладони.

В пургу ходят держась за фалы, протянутые между зданиями. Идут шаг в шаг, вплотную друг к другу, чтобы чувствовать присутствие каждого. В определенных местах пересчитывают — все ли здесь, если вышли группой. Уходить от помещений разрешается только вдвоем.

Существует неписаная истина, установленная самими полярниками: «С первого дня пребывания на шестом континенте нужно намертво усвоить, что даже при ходьбе шагом, просто прогуливаясь, нельзя быть расхлябанным».

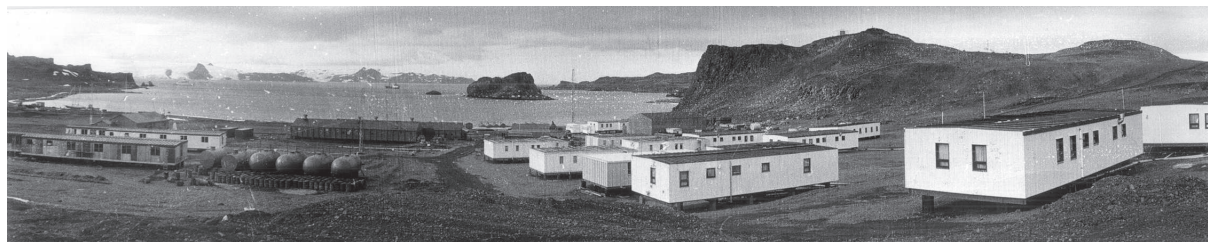
— С Антарктидой нужно только на Вы, — убежденно замечает Александр Иванович. — И всем ребятам повторял это постоянно.

Несмотря на предупреждения неприятности случались. В основном, это были травмы. Один упал возле дома, остальные «повредились» во время исполнения своих обязанностей.

— В Антарктиде человека подстерегает хрупкость костей, — рассказывает доктор. — Мы потребляем воду из растаявшего льда, а он там чист до невозможного. Полученная вода приближается к дистиллированной, она вымывает из организма все соли, и кости, конечно, становятся очень хрупкими... Поэтому мне пришлось присматривать за всеми, особенно за молодыми, которые любят размяться, повозиться. Совершенно случайно можно упасть, удариться — и перелом гарантирован.

У каждого полярника свои профессиональные заботы, но на всех была одна — устройство своего быта. В жилых домиках назначался комендант, на камбузе и в кают-компании дежурили по графику.

Ежемесячно бригада из четырех человек (по графику) вывозила мусор: все горящее сжигалось, остальное складывалось в баки из-под ГСМ — для

Чилийская антарктическая станция

дальнейшего вывоза с материка. На этом континенте международные комиссии появляются регулярно и строго спрашивают за поддержание чистоты и порядка...

— Все выгребли, убрали, а сами как же?

— У самих каждая суббота — банный день.

— И с настоящей баней?

— Баня настоящая, но парилка в ней, конечно, модернизированная — «каменка» составлена из трех тенов, включенных на различную температуру: от меньшей — до большей. Три оборота и вполне достаточно. Веники везли с собой: часть — экспедиционный запас, другая — своя. А я кроме веников еще мешок трав сухих вез. Чай заваривал душистый и для себя, и для товарищей... В банный день выдавалось пиво, соки. Компоты у нас были ежедневно. Вообще, могу отметить, что питались отменно, каждое блюдо в трех наименованиях, порции без ограничений. За всю зимовку ни один не потерял вес! Некоторые даже «нагуляли» до 10 килограммов...

Но не хлебом единым жив человек. Сколько бы ни было исследований, дежурств, все равно появляется личное время — что хочешь, то и делай. А что делать? Круг общения ограничен, рамки передвижения — так же. После ужина — обязательный кинофильм. Но даже самые любимые-перелюбимые, даже «Белое солнце пустыни» могут поднадоесть, надоедают и любимые книги — и те, что взяты с собой, и те, что в местной библиотеке.

— В такие моменты в человеке проявляются самые неожиданные способности: один начинает рисовать, другой — перешивать свои куртки, третий... плести мочалки из подручных материалов.

Ни морозы, ни бураны, ни ледяные трещины так не страшны для полярника, как подкрадывающаяся депрессия, душевная усталость. И здесь на выручку приходит доктор.

— Замечаю, что А. стал неразговорчивым, — вспоминает Александр Иванович. — За обедом вижу, что рубашку давно не менял. Значит, захандрил. Захожу в жилой домик — смотрю, валяется на неубранной постели... Если замечания начнет делать сосед по комнате — это взрыв страстей. Доктор — другое дело. Но и я стараюсь не обрушивать на человека упреки. Послушай, говорю, в прачечной воду горячую дали. Я уже отнес свое белье, но там еще много места. Можешь принести свое. Вполне управимся... Доктора положено слушать — понес, включился в работу, отвлекся...

Или другой приходит в медсанчасть сердитый, расстроенный.

— Дай, — говорит, — таблетку от головы!

— Сейчас дам таблетку, ты только присядь. Чайку вот выпей — на травах... Слово за слово, уговорю присесть, пока чай пьет, измерю температуру, потом давление... Между делом о чем-то спрошу... Человеку иногда очень надо высказаться, облегчить душу, услышать совет... Священника

на станции ведь нет, а в те времена и подавно не могло быть*. Так незаметно и тянулись к врачу — взять таблетку и отвести душу.

Зато был на станции человек, вспоминать о котором не очень-то и хочется. И не столько о нем, сколько о его службе. Догадываетесь? Ну конечно же, представитель КГБ, офицер высокого ранга. Казалось бы, какие шпионы, какие антигосударственные противники на краю света, в кругу проверенных бывалых людей, увлеченных своим делом, так увлеченных, что оставляют на год и на два дом и близких, чтобы выбраться на Полюс? Но существовала тогда практика недоверия и сомнения. И слушал тот человек все разговоры, дискуссии, вылавливал в них неугодные замечания, предположения... Но все давно в прошлом. И не стоит вспоминать о плохом.

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!

И вот в этом холодном безмолвном краю наши соотечественники постоянно слышали (надеюсь, и слышат) разноплеменную речь: английскую, испанскую, немецкую, польскую, португальскую. Неподалеку от станции «Беллинсгаузен» расположились научные поселки многих государств. Здесь нет границ, таможни, паспортного режима. Здесь все — дети родной Земли.

— Своего рода это образец, как могут жить люди на планете, — и Александр Иванович начинает вспоминать о встречах с зарубежными коллегами.

Ближе всех, на том же острове, располагалась чилийская станция «Артуро-Прат» — до нее было каких-то метров 200.

И соседи часто ходили в гости друг к другу. Чай, музыка, разговоры о работе, воспоминания о доме. Первые встречи проходили настороженно — мнение о русских сложилось в мире предвзятое — хмурые, недоверчивые, во всех видят врагов и шпионов. Но вскоре вся настороженность растаяла, как летний лед. Оказывается, люди как люди: с ними можно и дела вершить, и песню спеть. И более того, русские оказались классными специалистами.

У двенадцатилетнего обитателя аргентинской станции «Эсперанса» Гидерио Марселио, сына одного из сотрудников, случился приступ аппендицита. Почему сразу чилийские врачи не сделали операцию, сейчас уже трудно сказать. Но хорошо запомнилось, что на третий день они попросили о помощи. «Кэгэбэшник» воспротивился: «Мало ли что может случиться? Что тогда делать?»

— Я не могу отказать, — возразил Александр. — Я — доктор, у нас у всех в мире одна клятва — помогать нуждающемуся больному...

Операция, конечно, оказалась сложной — аппендицит перешел в перитонит, который даже в

* С экспедицией 2003 года на станцию «Беллинсгаузен» доставлена небольшая часовня, в составе экспедиции прибыл священник.

столичной клинике может быть опасен.

Мальчик пролежал в русской палате 7 дней, быстро поправился и потом частенько виделся с Сашей, авторитет которого, как хирурга, упрочился в исследовательском мире. Такую же операцию пришлось делать и сотруднику аргентинской станции «Марамбио» Хуану Ледесену.

Как-то русские забрались в гости к американцам на станцию Палмер. Все как всегда: улыбки, вопросы, чай, фотографии. И надо же такому случиться: кому-то из американских исследователей на ногу свалился ящик с грузом (что они там разгружали или передвигали, сейчас трудно вспомнить). Американский доктор растерялся.

— Да в чем дело?
— удивился советский хирург. — Скорее на рентген...

Но оказалось, что рентгенолога нет... «Знаю я их специализацию!», — подумал

в сердцах Петроченков и велел включить рентгеноаппарат. Сделав снимок, проявил его и все «прочитал» (по латыни) американскому коллеге.

«Широкий профиль» наших врачей постоянно удивлял иностранных полярников. А профиль действительно широкий. Старший врач 31-й САЭ Александр Петроченков по основной профессии значился хирургом (хирургом-онкологом), кроме того он прошел специализацию по стоматологии, глазным болезням и болезням уха, горла, носа, знал рентгенологию.

Его помощник Валентин Кучеренко — по специальности терапевт, был еще и анестезиологом высшей категории.

И все эти знания пригодились в полярной жизни, облегчая страдания одним и доставляя удовлетворение другим. Во время зимовки они оказали «на стороне» врачебную помощь 43 человекам.

УЧЕНЫМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ,

но вести массу наблюдений и исследований обязан. А по завершении зимовки должен представить обстоятельный отчет о медицинской работе.

Несмотря на строгость изложения, читать отчет врачей 31-й САЭ увлекательно. Значительную его часть я уже использовала в рассказе об арктических буднях, но кое-что еще осталось.

Грустно было читать строки об арктическом обмундировании наших полярников. Даже в таком серьезном деле, как защита жизни и здоровья, видишь расхлябанность и недобросовестность, прочно обосновавшиеся в стиле нашей работы особенно тех лет. Вместо чистошерстяных двойных свитеров выдали тонкие. Нательное х/б белье оказалось низкого качества. Штормовой костюм не соответствовал услови-

ям. Почти все полярники сами перешли эту модель и приспособили для повседневной носки в помещении. Не получила экспедиция и водоотталкивающую одежду...

Одним можно утешиться: люди в экспедиции собрались бывалые, с опытом зимовок, поэтому сами позаботились о своей одежде, поскольку были знакомы со стилем работы организаторов.

Мы здесь живем в дальней дали от Антарктиды и понятия не имеем, что там существуют... «туристические сезоны».

В самое теплое время года, декабрь-февраль, к самому теплему полуострову материка — Арктическому — пристают теплоходы с сотнями туристов. Посмотрите по карте — от него рукой подать до Чили и Аргентины — 600 миль пролива Дрейка. Турфирмы этих государств и организуют регулярные рейсы. Люди едут со всего света, больше всего пенсио-

Юный аргентинец после операции

неры. Постоянно щелкают фотоаппараты, жужжат кино- и телекамеры. И приходится доктору делать печальный вывод, который он давно уже сформулировал для себя — в эстетическом плане одежда наших полярников значительно уступала экипировке их коллег из разных стран. Сказывалась «рассейская» привычка к немарким, темным расцветкам, и вообще равнодушие к рабочей одежде.

Помимо своих ежедневных забот была у медиков экспедиции программа научных медицинских исследований по теме и планам НИР и ОГК Госкомгидромета. Программа обширна, некоторые ее разделы непосвященному человеку понять сложно: «значение микросоциальных факторов в детерминации функциональных состояний». Другие пояснений не требуют: «Изучение состояния здоровья полярников в период экспедиции» или «Гигиеническая оценка микроклимата зданий и помещений антарктической станции». Вы помните историю с шерстяными свитерами? Нечто подобное произошло и с научными исследованиями: кабинет для осмотров был отдан под жилье, так как состав экспедиции был увеличен, поэтому измерения всех показателей — частоты пульса, артериального давления и т. д. и т. п. вести ежедневно стало невозможно. Не завезли и бланков для показателей. Решили сделать проще: отобрать пять-шесть человек и делать все измерения по шесть раз в течение пяти дней в конкретные месяцы — март-июнь-октябрь. В общем, выкрутились благодаря природной находчивости.

Но и в таких стесненных условиях Александр Иванович вместе со своим помощником вели наблюдения, не упуская из виду ни плохого настроения товарищей, ни увлечения кого-либо таблетками (значит, что-то болит и о том не говорит), ни других мно-

гочисленных эмоциональных «признаков». Наверное, все эти исследования, замеры, анализы потом поступят в пользование шустрых будущих кандидатов наук...

Помимо различных опросников и карт, которые заполняют зимовщики, есть еще одна, весьма содержательная — социометрическая анкета. Вопросы ее и ответы на них могут изобразить неофициальный облик многих сотрудников антарктической экспедиции. Ответов у меня, конечно, нет, но даже вопросы интересны своей постановкой:

— С кем ближе всего вы сошлись, кто более всего вам симпатичен?

— Кого бы выбрали себе в начальники?

— С кем бы отказались зимовать вдвоем?

— Кто из ближайшего окружения со станции является заметной фигурой, спланирует вокруг себя людей, хотя и не является формальным лидером?

— С кем после отъезда со станции вам не захотелось бы встретиться?

Как видите, такая анкета позволяет получить всестороннюю характеристику человека. И есть еще один способ узнать его — расспросить негласно товарищей по прежним экспедициям.

Когда Александр Петроченков стал оформлять документы для зачисления в 31-ю САЭ, товарищ его по работе в Арктике между делом обронил:

— Спрашивали тут о тебе...

— Ну и что?

— Нормально, — ответил. — Рабочая лошадка. Что еще скажешь?

Четыре года спустя после этой зимовки Александру пришлось вновь встретиться с начальником 31 САЭ Арнольдом Будреким. На дарственном снимке он оставил пожелание: «Пусть не меркнет добрая слава лучшего исцелителя всех болезней». Нужны ли еще какие слова к этой характеристике?

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Все кончается на нашей Земле — дорога, жизнь, зимовка. Пришло время собираться в обратный путь — домой, в родные края, и участникам 31-й антарктической экспедиции.

9 декабря 1987 года полярники погрузились на дизель-электроход «Профессор Визе», который доставил новый состав экспедиции и забрал на борт «отслуживших свое». Если в предыдущем рассказе были использованы воспоминания доктора, материалы периодической печати, то сейчас основным источником информации, станет путевой дневник, который вел Александр Иванович Петроченков. Память человека несовершенна, документы скучны и однообразны. И только дневники, как и письма, сохраняют всю «свежесть пережитого момента».

До конца декабря «Профессор Визе» шел на встречу с «Капитаном Кондратьевым», который спешил на выручку экспедиции станции «Дружная»: «беллинсгаузенцы» должны были найти и обустроить новое место для

научной станции.

Суть этого «спасательного рейса» заключалась вот в чем.

На побережье моря Уэддела несколько лет находилась наша антарктическая база

«Дружная-1». Почему-то разместили ее на шельфовом леднике Фильхнера, хотя многие ученые и опытные полярники предупреждали о возможном риске. И они оказались правы — в октябре 1986 года произошли гигантские обломы ледника. И станция оказалась... на айсберге. Весьма крупный полярный поселок пустился в дрейф по воле течений...

И вот «Профессор Визе» должен передать полярников «Капитану Кондратьеву», которые отправятся подыскивать подходящее место для расположения «Дружной» уже под №3...

Из дневника Петроченкова:

«1.01.1987 г. Пишу после новогодней программы. Вечер под гитару. Пели ребята из авиаотряда и наш Дима с «Беллинсгаузена». Широков прочитал стихи и были танцы. Одни мужики — «полярный танец» до полного изнеможения. Легли спать в 5.00, а в 7.00 объявили посадку на ледокольного типа корабль «Капитан Кондратьев». С вещами в сетке спустили на лед и на волокушах потащили вещи. Пингвины недоумевающе смотрели и кричали. На лебедке нас подняли и указали, где кому стоять. Меня с Димой — в амбулаторию.

01.01. Начали выгрузку вертолета. Будет разведка — где выбрать место для «Дружной-3». Вечером было собрание участников САЭ. Задачи огромные. Надо открыть ст. «Дружная-3», а с «Дружной» 1 и 2 все оборудование переместить на «Дружную-3», еще подготовить базу для новой станции «Прогресс», т.е. будет 8-я зимовочная станция...

Вчера выдали соки по 4 бутылки и по 6 банок фирменного голландского пива с воблой. Устроили маленький праздник.

5.01. ...По палубе не побегаешь — все заставлено грузами. Вчера вертолет после двухсуточного полета поставили на летную площадку корабля. Нашли бухточку, и вот 2-е сутки утюжили лед. За сутки пробили почти на 1 корпус корабля. Кругом и за кормой сплошь шуга, лед. Если схватит морозцем и подгонит еще ветром — обеспечен второй героический дрейф. Сейчас главная задача — выгрузиться.

...Выгрузить на айсберг невозможно — большая высота. Ни один кран не поднимает на такую высоту. Между двумя айсбергами образовалась бухта с 2-годовалым льдом. Надо максимально разбить эту перемычку. Вчера четыре пингвина беспристрастно наблюдали за кораблем. Это 4 императора. Как встали на одном месте, так и стоят. Адели (вид пингинов) очень любопытные. Подходят близко к кораблю.

6.01. С утра идет разгрузка. С палубы сняли второй вертолет и открыли трюм. Выгрузили вездеход и три трактора. Начали разведку с вертолета трассы на «Дружную-3». Мокрый снег. Нелетная погода. Начал прием больных.

16.01. ...Возникла срочная необходимость из-за погодных условий идти «Капитану Кондратьеву» на встречу с «Профессором Визе» по той причине, что надо эвакуировать больную М. (из экипажа

ков просто невозможно. Итак, построение. Основной состав «Дружной-3» в сборе. Выступает зам. начальника 32-й САЭ Мосолов Валерий Николаевич...

Праздник — встреча солнца после полярной ночи

судна), и надо делать срочный рентгеновский снимок первому помощнику капитана: он получил травму — стопа правой ноги попала под бульдозерный нож, раздроблена здорово... Думали при хорошей погоде доставить их с «Капитана Кондратьева» на вертолете. Но поднялся ветер с мокрым снегом, и полет стал невозможным. Решили 200 миль идти на сближение с теплоходом «Профессор Визе», который доставит их в Монтевидео. А это значит — остановить все разгрузочные операции. Открыть временную промежуточную базу, высадить команду в 31 человек.

Перевезли 10 домиков. В самый мокрый снег с ограниченной видимостью отправились 3 группы. К трактору прицепили домик ПДКО и 12 человек.

Вторая группа моя. Прибыли и по домам. Все мокрые до нитки. Ничто не удерживает от мокрого снега. Промокла штормовка, а под ней и кожаный костюм. Из домиков выбросили печки, приспособленные для топки каменным углем. Пока демонтировали с Лешей Тарасовым, я сломал газовый ключ. Через 12 часов затопили печь керосином: притащили на волокуше бочку с топливом, и пошло тепло. Первый раз за 15 часов поели. Выдали сухим пайком тушенку, хлеб, сгущенку...

Два дня занимались жизнеобеспечением станции, построили туалеты, камбуз. У всех тепло. На третьи сутки появилась горячая пища...

19.01. Закончили выгрузку с д/э «Капитан Кондратьев»...

К поднятию флага с коллегой Бриковым Валерой из наволочки и красного материала сделали флаг Красного Креста.

Ясная солнечная погода, глаза слепит, без оч-

ков отряда Е.Д. Кравченко — температура, слабость, ОРЗ, гастрит и целый букет. На станции вспышка ОРЗ. Многие болеют и лечатся сами. Начальник ДЭС Б.А. Мусатов тоже болен, но работает. По-прежнему штормовая погода. Хожу к больным сам. На базу «Дружная-3» прибыли больные. Возникло много проблем. Решили больных не трогать. Оставить в их же домике. Провели свет, отремонтировали соляровую печь. У больного Н. ухудшилось состояние. Поставили капельницу...

Всех больных удалось вывезти самолетом ИЛ-14. На станции по-прежнему штормовые ветры и ежедневная привычная работа полярников, создающих новое поселение. К началу марта намеченные работы удалось выполнить. Теперь предстояло все «законсервировать», чтобы члены следующей экспедиции получили в пользование нормально обустроенный поселок.

«28.03. Ура! Вчера наконец-то мы сели на долгожданный теплоход «Байкал». Этому предшествовали огромные трудности, которые народ стоически переносил. В день прихода дизель-электрохода «Капитан Кондратьев» на наш Ледовый причал, стал усиливаться ветер. На базе «Дружная-3» с 24 марта штормовое предупреждение. Д/э почти сутки «утюжил» ледовый причал, чтобы вплотную бортом пристать к ледовому барьеру, который оказался выше носа корабля. И сразу возникла проблема поднятия вертолета МИ-8 на борт судна — судовому крану с этой операцией было не справиться. Конец этой истории таков: вертолет сам сел на площадку по аварийной ситуации.

На «Дружной» мы были готовы к отправке на 25.03. Привезли с судна двух больных — с плохи-

ми зубами и переломом стопы. Сделали Р-снимки... В этот день и судового доктора, и больных из-за штормового ветра вывезти из базы не смогли... Доктор заночевал у меня.

Домик буквально содрогался от ветра, и судовой доктор сказал, что этого ему достаточно на всю жизнь. Зимовать он никому не станет советовать. Я принес с камбуза продукты, и он больше не выходил из домика, так как одной «прогулки» до камбуза ему было достаточно. Сказал, что теперь имеет полное представление о зимовке.

А «Байкал» я заметил задолго до подхода к нашему «К. К.». В судовом лазарете, где нас разместили, вернее — в амбулатории всегда жарко — она находится над машинным отделением. И вот в 5 утра по местному времени оделся и пошел гулять по палубе. Сначала посмотрел на звезды — созвездие Южного Креста. Поднималась заря, и я с кормы смотрел на восход, вернее — закат: до восхода было еще 3 часа. Забрался на верхнюю палубу под капитанским мостиком и стал рассматривать летающих ночных птиц. Чернобрюхие штормовки, голуби, еще какие-то разновидности носились в лучах прожектора и скрывались под носом корабля. Очевидно в пене волн что-то ловили... И вот вдали заметил огни!

Судна встретились еще до завтрака. Думали сначала швартоваться и переходить на «Байкал» через борт. Потом выбрали шлюпочный вариант. Позавтракали. Потом по радио объявили: «Отъезжающим на «Байкале» собраться в столовой судовой команды.

...Пришел мотобот с «Байкала», мы погрузились со своими вещами».

29 марта «Байкал» с многочисленными пассажирами отправился в дальний рейс. Ему предсто-

яло пройти вдоль всего Атлантического побережья Антарктиды, зайти на станции Новолазаревская, Молодежная, Мирный и взять на борт «отдежуривших полярников», заменив их новым составом.

«2.04. Вчерашний день закончился вечером художественной самодеятельностью по случаю 1 апреля. Вечер вели три врача из отряда, идущего на ст. «Молодежная». Поговорили после вечера о зимовке. Проблема — куда обращаться заболевшим полярникам? Налажен ли их учет после зимовки? Все, что мы делаем, это мизер. Отсутствует обследование в послезимовочном (реадаптационном) периоде. Качество отбора людей, впервые идущих в экспедицию. Нужен тщательный отбор новичков...

...У врачей в «Молодежной» много новой аппаратуры с ЭВМ, электроникой, видеозаписывающей и т. п. Комплексный подход. Так и надо.

Встретил Володю П. Он идет на «Мирный». Четыре года не работал в экспедиции и затосковал. Пошел опять. Зовут высокие широты!

10.04. С утра пришел «Василий Федосеев». Пришвартовались. Уже идет интенсивное ледообразование, кругом айсберги. Дует холодный ветер. Сели на «Байкал» «миряне» и «восточники». Встретил своих приятелей Федю Л., Игоря Ч. Обменялись новостями. Радостно, что Федя здоров, отзимовал хорошо, давление всю зимовку было 120/80 мм рт. ст. Сказал спасибо, что я в свое время все взял на себя. Короче, что отстоял его.

Испытываем острый дефицит пресной воды. Даже утром не подают. Видимость (чистота) воды за бортом идеальная. Винт «Василия Федосеева» виден, словно через стекло, и виден весь киль. Так и хочется в такой чистой воде искупаться.

Полнолуние. Отражение Луны в океане. Ярκο

Станция «Беллинсгаузен»

светят звезды. А Южный Крест прямо над головой.

13.04. Сутки стояли, так как в районе «Молодежной» сильный шторм 50 м/сек. Теплоход «Михаил Сомов» был практически предоставлен шторму. И его отнесло ветром на 150 миль.

Волна — 12 метров.

Переждали непогоду, и вот после обеда пошли. Объявили закрепиться по-штормовому. Качает прилично. Новеньких с «Востока» укачивает. На открытую палубу выход строго запрещен.

15.04. ...виден берег ст. «Молодежная». Пора вечерняя. Большинство полярников вышло на палубу посмотреть на него. Солнце едва освещает побережье. Много великолепных айсбергов. Идет ледообразование — блинчатый лед. «Байкал» свободно идет и оставляет после себя чистый лед и очень интенсивные волны. В 17.30 достигли почти берега, где уже стоит «Капитан Кондратьев». Пока он виден издалека.

Видна «Молодежная» со всеми постройками и множеством антенн. Пейзаж напоминает ст. «Беллинсгаузен», но больших размеров.

16.04. Правым бортом пришвартовались к д/э «Капитан Кондратьев». Высыпало много народу с одного и второго корабля на палубы. Полярники приветствуют друг друга, ведь год не виделись... Пошла пересадка с судна на судно. На зимовку и с зимовки. Вся палуба заставлена вещами с одного и другого корабля. Но это еще не все люди. Еще остаются на «Молодежной» полярники, которые пойдут «Байкалом» на Родину.

19.04. Вчера думали, что покинули берега Антарктиды, но не тут-то было. Около «Молодежной» легли в дрейф. Будем ждать «Капитана Кондратьева», так как у него с «Байкала» канаты. Свои он оставил на берегу на ст. «Молодежная»: была сильная пурга, и он в спешке оставил все концы. Пришлось срочно уходить.

Вот и думали, что попрощались с Антарктидой. «Михаил Сомов» ушел на ст. «Беллинсгаузен» за металлоломом. Так что сегодня из «Молодежной» ушел последний караван.

25.04. На широте Кейптауна, т. е. Южной Африки. Тепло. Вода +20°C. Можно купаться, но воду в бассейн не подают — будут его красить. А пока над ним сетка, чтобы никто не нырнул в пустой бассейн.

Просыпаться стал с зарей в 6 утра. Поднимаюсь и иду смотреть на восход. Сначала окрашиваются багрянцем облака, а затем появляется огненный диск. Он растет, поднимается прямо на глазах...

26.04. Воскресенье. Утром проснулся в 4.00. Не стал себя томить сном и вышел погулять на палубу. Федя Л. и еще несколько полярников страдают той же болезнью. Посмотрел звездное небо. Южный Крест сместился по левому борту приблизительно на 40 градусов по горизонту. Появилась Большая Медведица в обратном изображе-

нии, т. е. ковш перевернут вниз...

Около 12.00 по местному радио сообщили, что прошли тропики. Позади грохочущие 60°-е, неистовые 50°-е и ревущие сороковые. Мы прошли их благополучно. Первые дни трепало. Потом в благоприятный момент, что называется, проскочили...

После ужина стали видны огни острова Маврикия. И к 22.30 — стали у Порт-Луи».

Последние записи в этом дневнике рассказывают о жизни островной страны, республики Маврикий, где гуляли полярники, об окончании долгого пути и томительном ожидании встречи с близкими.

Конечно, есть в этой тетради и слова о любимом человеке, о разлуке с ним, о радостях, доставленных краткими телеграммами. Но я решила не касаться этих тонких душевных струн — слишком дорогой ценой приходится нам иногда платить за свои устремления.

«Я уже боюсь смотреть на календарь, так как минуло уже больше 18 месяцев, как я ушел из дома...» — такая запись встретила меня на странице дневника. Но попала и другая, сделанная товарищами по экспедиции при расставании:

«Здесь, в Антарктической глуши

Нас часто согревало

Тепло твоей души.

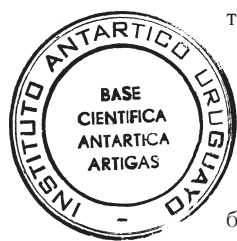
А это ведь немало!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Встретиться с Антарктидой довелось Александру Ивановичу еще раз. Нежданно-негаданно, через четыре года — в августе 1991-го. В те дни должна была возвращаться домой 35-я антарктическая экспедиция. Ледообразование у берегов Антарктиды началось несколько раньше привычных сроков, а выход судов из-за нераспорядительности ответственных чиновников задержался. Подошедший в июне к берегам Антарктиды дизель-электроход ледокольного типа «Михаил Сомов» попал в ледовый плен и «лег в дрейф» на несколько месяцев. Решено было вывезти полярников с ледового материка самолетом до Кейптауна, а там посадить на д/э «Профессор Визе». На станции «Молодежная» приступили к сооружению посадочной полосы, а «Профессор Визе» вышел в море. Вот в это плавание и потребовался (срочно!) врач. Как выяснилось, никто из ленинградских «полярных докторов» собраться за одни сутки не смог, и только новгородец Петровичев в течение десяти минут решил вопрос, а вечером уже выехал в Ленинград, к месту сбора команды. Дрогнуло сердце при виде знакомого судна с за-
помнившимся названием.

«Профессор Визе» шел через Монтевидео, чему Александр Иванович был искренне рад — появилась возможность повидаться со своим антарктическим другом — уругвайским доктором Сан-

тьяго Грун. Время и расстояние не смогли свести на нет сотрудничество в полярной экспедиции. Сколько было разговоров, воспоминаний за дружеским столом!

«Знай, что я вспоминаю с большой ностальгией о тех прекрасных моментах, когда я был со всеми вами (особенно — русскую сауну). По мере того, как идет время, мне все больше и больше хочется вернуться в Антарктиду...» — писал Сантьяго Александру в одном из писем.

В середине августа «Профессор Визе» вошел в кейптаунский порт. Вскоре в DF Malan'ском аэропорту приземлился гигант Аэрофлота Ил-76. 22 августа он взял курс на станцию «Молодежная» в Антарктиде. Ему предстояло преодолеть около 1600 км до станции, сесть на приготовленную на материковом льду взлетно-посадочную полосу, высадить новую смену полярников и взять на борт отработавших свою смену.

В то время, когда тяжелый «Ил» преодолевал в сумраке и пурге холодное пространство, вертолет эвакуировал с дрейфующего «Михаила Сомова» экипаж судна и доставлял его на «Молодежную». На корабле осталась «дежурная команда», которой предстояло плыть во льдах до октября месяца.

Спасение советской экспедиции странно освещала местная пресса. Ведущая кейптаунская газета «Саре Тимес» свой номер за 23 августа открыла крупными снимками застрявшего во льдах «Михаила Сомова» и портретами прибывших из Антарктиды исследователей. «...Вчера, когда гигантский Ил-76 тяжело приземлился в DF Malan'ском аэропорту со 169 полярниками на борту, благополучно завершилась советская антарктическая экспедиция. Пятью часами ранее «Ильюшин» приземлился на материковый лед замерзшего континента, чтобы потом с трудом подняться, имея на борту 65 тонн горючего и около 190 человек. Взлет затрудняла ухудшающаяся погода, ветер со скоростью 70 узлов (130 км/час) заметал снегом ледовую взлетную полосу», — писал корреспондент «Саре Тимес», летавший на «Иле» за полярниками.

Кейптаунские газеты писали о мужестве советских летчиков, которые впервые в истории освоения Антарктики совершили подобный перелет: среди полярной зимы, в плохую погоду, с повышенным грузом.

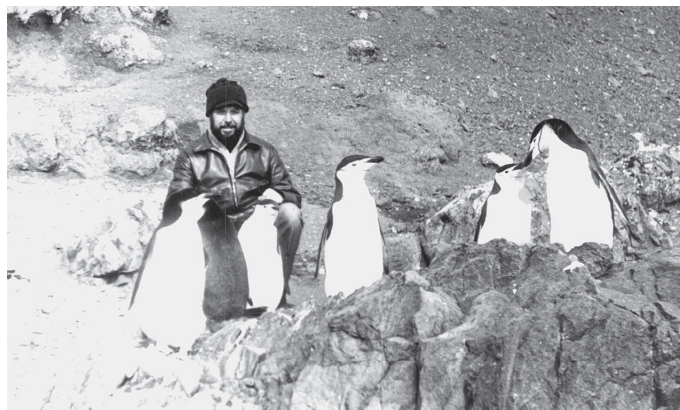
— Русские любят создавать себе трудности, — иронизирует Александр Иванович. — Потом их преодолевают и говорят о героизме. Но если бы

вовремя началась смена составов станций, если бы корабли отправились в Антарктиду еще в апреле-мае, то никаких бы дрейфов не случилось, и все бы спокойно покинули континент в начале антарктической осени.

Нечто похожее происходило у ледовых берегов шестого континента летом 2002 года. Снова смена составов экспедиций затянулась до последних сроков и началась уже с приходом зимы и бурным ледообразованием. К большому сожалению, в эвакуации наших полярников участвовали иностранные корабли, ледоколы. Своего же антарктического научного флота, как это было когда-то, в России почти не осталось, и это огорчает больше всего.

— В широкой прессе принято говорить об Арктике и Антарктике как о научных полюсах Земли, — говорит Петроченков. — Но эти точки планеты имеют огромное стратегическое значение для любой страны, располагающей в тех местах своими научными базами. В мое время советские станции основательно заселили далекий континент, чего не скажешь о нынешнем положении. И спасение наших полярников «чужими руками» навевает весьма грустные выводы.

А в том далеком августе 1991 года Кейптаун распахнул для советских исследователей сердца

А. Петроченков с обитателями Антарктиды

своих граждан, их дома, бары и рестораны. Устраивались приемы с угощением, плакаты с приветствиями на русском языке.

А мы, россияне, в эти самые дни были заняты совсем другими делами и почти ничего не слышали о событиях в дальнем краю Земли. Мы в это время решали судьбу своего государства. Вспомнили? Ведь это же август 1991 года, закат карьеры Михаила Горбачева, выход на большую политическую сцену Бориса Ельцина. Сообщение о московских событиях стоит в кейптаунской газете на той же первой полосе, вместе с репортажем из Антарктики. Как все перепелось в нашем мире!

Галия НАСУРДИНОВА

СВИНЦОВЫЕ СУМЕРКИ В УРОЧИЩЕ ПАНДРИНО

В течение многих лет, вплоть до шестидесятых годов, это трагическое событие было окутано тайной. По всей округе шли разговоры — шепотом передавалось друг другу о том, что, дескать, это не немцы расстреливали невинных, а наши же, русские. Мол, сейчас не с руки властям ворошить дела прошедших лет, да и не клепать же обвинение против своих...

26 ноября 1943 года в Батецких лесах произошла жуткая трагедия. Случилась она в лесной чащобе, в окружении топких и непролазных болот, в самой что ни на есть глуши — урочище Пандрино. Здесь, на маленьком островке, жители близлежащих деревень, скрываясь от угона в Германию, разбили жилой лагерь. Вырыли глубокие землянки, очень тщательно и умно их замаскировали, хотя работали старики, женщины и малые дети. Вот уже два года они обустроивали свою лесную жизнь. Копали, строили, складывали печи-каменки, добывали незамысловатую еду и молились, чтобы война закончилась скорее. Одним словом, мирно и тихо притаились. Печи топили только ночью, так как очень боялись: не дай бог, чтобы проклятый немец приметил дымок, в ветрѣ стелящийся над болотами, а в сильный мороз поднимающийся к вершинам тонкоствольных осин.

Но однажды в сумерках на уснувшую поляну вышел отряд солдат. Пугая автоматной очередью, выгнали всех обитателей землянок на промозглый холод и расстреляли. Расстреляли сто тридцать безоружных, безвинных людей.

После войны на пепелища деревень Доскино, Танина Гора, Торчино никто не вернулся.

Люди припоминали открытый судебный процесс над фашистскими военными преступниками. Тогда военнопленным бывшего Вермахта было предъявлено обвинение в расправе в урочище Пандрино.

Итак, считалось, что расстрел мирного населения в батецких лесах — дело рук одной из частей 18-й немецкой армии, дислоцировавшейся на оккупированной территории, и он стал звеном так называемой военной операции «Русская зима», проводившейся против партизан.¹

Пленные немецкие офицеры признали своѣ

участие в содеянных преступлениях. Так в обвинительное заключение была вписана расправа в урочище Пандрино вместе с массовыми расстрелами в Жестяной Горке, Починке и Бычкове, Поповом болоте... 18 декабря 1947 года военным трибуналом Ленинградского военного округа был вынесен приговор, по которому все 19 немецких офицеров* признавались виновными в совершении преступлений, и каждый из них приговаривался к заключению в исправительно-трудовой колонии сроком на 25 лет.²

Но молва людская не оборвалась. В народе нет-нет, да и возникал какой-нибудь шумок, что, дескать, не немцы бесновались в присумеречном лесу, а свои же, русские...

В управлении КГБ по Новгородской области очень внимательно прислушивались к любым возникающим разговорам в народе, если это касалось оккупационной темы. В них порою таилась очень ценная информация: кто-то припоминал предателя, а кто-то — его нераскрытые злодеяния. Оперативно-следственная группа, созданная специально для розыска бывших преступников, внимательно просеивала любую поступающую информацию. Итак, проверить достоверность слухов, идущих из Батецкого края, было поручено опытному опера-

* Герцог Курт, генерал-майор; Руппребт Иозеф, генерал-майор; Геринг Иозеф, полковник; Зассе Карл, полковник; Финдайзен Вернер, полковник; Хаунспергер Ганс, майор; Фишер Генрих, майор; Винтер Карл, майор; Вильродт Пауль, майор; Бройер Макс, майор; Мюнх Фридрих, капитан; Франкенштайн Альберт, старший лейтенант; Доблер Петер, лейтенант; Мейер Бенно, лейтенант; Лантревиз Александр, зондерфюрер; Хаббе Фриц, штабсфельдфебель; Кайрат Иоган, штабсфельдфебель; Преслер Ганс, фельдфебель; Мольт Вилли, фельдфебель.

тивнику Николаю Васильевичу Мистрову**.

Это был красивый мужчина в зрелом возрасте. При первой же встрече располагал собеседника, вызывал к себе доверие доброжелательным, любезным обращением. Будучи в командировке, оказался в селе Гастухово. Выполняя очередное оперативное задание, он должен был проверить заодно и дошедшие до Новгорода сведения, которые компрометировали бывших красноармейцев.

На постой он попросился к Марии Гавриловой. Председатель сельсовета одобрил решение чекиста: «А что, вполне реально — старушка гостеприимная, да и в опрятности ей нет равных во всей округе. Дом просторный, живет одна. Гостю будет только рада».

Мистров скрыл факт, что КГБ известны суждения Марии Семеновны о непричастности немецких солдат к расправе над сельчанами.

Аккуратненькая, словоохотливая старушка не отказала в ночлеге гостю. Провела в чистую горницу. За вечерней чашкой чая завязался разговор об урочище Пандрино.

— На немцев нечего валить, — твердо заявила собеседница, — расстреляли свои же, русские, перешедшие на сторону врага. Они и по деревне-то ходили, кто в красноармейской форме, кто в матросском бушлате, а кто и в голубом кителе летчика³.

Постоялец показал ей пачку фотографий:

— Не припоминаете, Мария Семеновна?

— Ой, милоч, да неужто ты весь карательный батальон собрал? Многих знаю, в нашей деревне жили. Вот этот супостат меня до полусмерти так побил, что целые сутки в беспамят-

стве пролежала. А племянницу мою, Зину, увел в дом Караваевых, где был их штаб. И они там над ней поглумились, а потом, еле живую, бросили за околицу. Тронулась девица с ума, а вскоре и умерла.

— Не назовете фамилию, имя, отчество карателя?

— Помню, Петькой звали. А вот фамилию за-
памятовала. А еще, сынок, имей в виду, в той лесной трагедии уцелел один человек — это мальчонка, Лексашка. Фамилию его помню — Белов, но где он сейчас, не знаю.

Мистров записал ее рассказы и уехал. Планировал вернуться, чтобы оформить протоколы свидетельских показаний. Но когда оперативники прибыли в Гастухово, то их постигла неудача — Марии Гавриловой уже не было в живых. Она умерла от сердечного приступа. Не стало свидетеля, который

признал бы карателей поименно, пофамильно. Ушел из жизни тот единственный человек, который мог бы вывести чекистов на других очевидцев.

На оперативном совещании у руководства Николай Васильевич Мистров доложил о печальной поездке.

— Дело надо прекращать, — подытожил заместитель начальника управления КГБ.

Но слово взял начальник следственного отдела Василий Петрович Михеев***:

— Я думаю, что рано ставить точку в этом розыске. Преступление громкое. Тень падает на наших солдат. Надо еще работать, тем более есть живой свидетель — Белов. Разрешите продолжать поиск.

Отдел получил добро от руководства. Михеев и Мистров решили выяснить обстоятельства давно

Почетные чекисты СССР В.М. Богов, Н.В. Мистров и бывший начальник УФСБ по Новгородской области В.А. Осин. Стоит В.М. Михеев

** Мистров Николай Васильевич, полковник в отставке. Родился 28 ноября 1925 года в городе Осташкове Тверской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Был машинистом, водил воинские эшелоны, обеспечивал Волховский, Калининский, Западный фронты боевой силой, военной техникой, продовольствием. За подвиги награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Вернувшись с фронта, служил оперуполномоченным транспортного отдела НКГБ СССР на станциях Выборг, Псков, Чудово, Ленинград, раскрыл диверсионную группу на станции Чудово. Этот эпизод стал хрестоматийным примером для подготовки молодых чекистов. Почетный чекист СССР.

*** Михеев Василий Петрович, полковник в отставке. Родился 5 января 1924 года в деревне Русский Чедрояр Марийской АССР. Войну прошел от начала до конца мотоциклистом-разведчиком и командиром отделения в составе 4-й танковой армии, участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении Украины и Польши, во взятии Берлина и освобождении Праги. После войны служил оперуполномоченным, старшим следователем, начальником следственного отдела управления КГБ СССР по Новгородской области. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Почетный чекист СССР.

минувшего события. Василий Петрович, вспоминая о розыскной работе, отмечает профессиональные качества оперативника Мистрова:

«Николай Васильевич прославился тем, что умел организовать свою агентурную сеть среди простых людей. Он создал группу содействия. По его предложению среди населения были взяты на контроль семьи, у которых родственники или друзья проживали в различных городах Советского Союза. Но свидетельская база была очень скудной. Тогда чекист скрупулезно разрабатывает тактику, поднимает всю картотеку жителей оккупированной территории Батецкого района.

Началась кропотливая переписка. В КГБ стали приходить письма из различных концов страны. Писали те, кто видел и испытал на себе ужасы оккупации. В итоге детальной сортировки свидетельских писем были установлены фамилии многих карателей. Также стало известно, что человек, который глумился над семьей Марии Гавриловой, был никто иной, как бывший солдат Красной Армии Петр Тестов.

Теперь возникла еще более трудная задача — отыскать самого Тестова, да и других карателей, которые расправлялись с мирными жителями».

Когда стали известны фамилии участников тех кровавых событий, операцию по расследованию подхватил из рук Мистрова начальник следственного отдела Василий Петрович Михеев. Он сделал верную ставку — стал искать мальчика, который, по словам и письмам очевидцев, был единственным, кто спасся в тот вечер. Тогда он горемычно скитался по близлежащим деревням, просил хлеба, ночлега. Люди припомнили, что некоторое время он жил у Марии Семеновны Гавриловой. Это продолжалось с полгода, пока сельсовет не определил его в детский дом.

Но тут возникли сложности: единственный очевидец был несовершеннолетним, у него не было паспорта, значит, и прописки. Попробуй, разыщи его в такой огромной стране, как Советский Союз. Да мало ли Беловых скиталось в послевоенные годы? Тысячи сирот бродили по городам и весям, рассказывая о себе жуткие, порою придуманные военные истории. Необходимо было найти еще свидетелей. А это не только трудоемкое дело, но и вообще трудноразрешимое. Тем более, что фамилии карателей не уточнены, обстоятельства расстрела неясны, поэтому доказательства весьма расплывчаты.

«Василий Петрович, дело это затяжное, тупиковое, — говорили главному следователю КГБ Новгородской области сослуживцы, — время только потеряешь». Кто-то даже название дал делу — «батецкий глухарь».

Так-то оно так, но вот чутье подсказывало Михееву, что начатое надо довести до победного конца. Он знал, что где-то живет спасшийся Белов, и только он один может назвать истинных убийц. Громко, во всеуслышание. А вот примет ли суд это к сведению или нет — это уже не его, Михеева, дело. Его дело — найти того пацана и того карателя. И свести их вместе. И

чтобы Белов сказал: «Именно он расстрелял сто тридцать человек на моих глазах». Как профессионал, Василий Петрович знал, что в ходе расследования любого дела появляются новые факты, новые версии. Тем более такая кровавая трагедия надолго оставила черный след в душах сотен людей. А еще в нем пробудился, как он про себя шутил, истый нюх хорошей овчарки-ищейки. «Взял след, так держи его», — подбадривал себя. И чувствовал, что сердце его колотится уже в усиленном рабочем ритме. Руководство всячески помогало Михееву и Мистрову. Не было отказа ни в дополнительных командировках, ни в укреплении отдела розыскными помощниками.

Ставку решил сделать одну, верную: все силы бросить на установление личности мальчика по фамилии Белов и его поиски. Тщательно просеяв поступившие к ним сведения, выявили, что послевоенный беспризорник — это не вымышленное лицо, а маленький житель деревни Доскино. На месте же деревни — пепелище. Немцы сожгли ее дотла.

ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК, К ВАМ РВЕТСЯ КАКОЙ-ТО БЕЛОВ...

Последний июньский день приготовил для чекиста Михеева сюрприз. Он уже получил отпускные, взял билет, чтобы съездить на родину, на Волгу, повидаться с родными. Настроение было уже отнюдь не рабочее. Ходил по кабинетам, шутил, прощался... Тут его позвали к телефону. На проводе дежурный офицер с вахты:

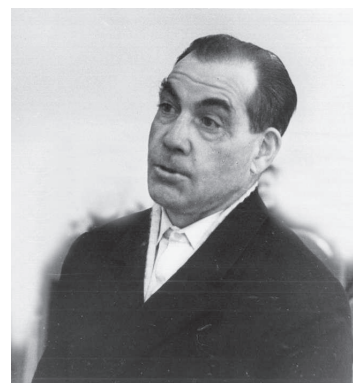
— Товарищ полковник, тут к Вам какой-то Белов с утра прорывается. Вызова у него нет. Я ему: «Товарищ Михеев в отпуске, приходите через месяц». А он одно твердит: «Я к Михееву, к Михееву...»

Всегда вежливый, тактичный Василий Петрович резко оборвал его:

— Немедленно пропустить! — приказал он, сдерживая в себе нарастающую волну эмоций.

Ну что ж, последний предотпускной день Михеев запомнит надолго. Он станет поворотным в следственном деле. Судьба приготовила хороший подарок для чекиста — найден свидетель! Тот единственный, которого уже полтора года разыскивали.

Саша Белов, оставшийся в живых после трагедии, исчез и словно растворился в необъятной стране. Вышли на детдом, а там сказали — забрали родственники. Какие родственники? И сколько там проживает Сашек Беловых? Ищи иголку в стоге сена. Снова пришлось отправлять оперативника в

Вот он, единственный свидетель, Александр Дмитриевич Белов

Батецкий район, чтобы прошерстил близлежащие деревеньки. И вот кто-то из далекой родни Беловых вспомнил, что дело до войны было. Сашин дядя уехал с группой деревенской молодежи по комсомольской путевке в город Свердловск.

В дело моментально включились свердловские чекисты. Выяснили — был молодой тракторист Николай Белов, уехал из деревни Доскино в Челябинск. Розыск продолжили челябинские коллеги. Время шло, а ответа с Урала не поступало... И вот вместо шифрограммы — живой человек!

Михеев приготовился к завершающему этапу длительной работы. Именно от этого неожиданного посетителя зависел успех следственного дела, которое Василий Петрович вел целенаправленно, скрупулезно, просчитывая все тактические ходы. Он рассуждал логично: раз совершенно преступление, значит, должен быть виновный.

В кабинет вошел молодой мужчина в дорожном плаще с тяжелым чемоданом. Ведь прошли уже годы, и мальчик Саша Белов остался там, в сороковых...

— Прямо с поезда, товарищ Белов? — Михеев пожал руку гостю. — Долго же мы искали Вас.

— Василий Петрович, где Тестов? Покажите его! Я хочу взглянуть в его глаза. Он уже в заключении?

— Успокойтесь, Александр Дмитриевич. Сегодня Вы отдохнете, а завтра спокойно обо всем расскажете.

Но гость упорно не соглашался, хотя гостиница уже была заказана и машина ждала.

— Хорошо, — сказал Михеев, — пойдемте пообедаем, а потом приступим к работе. Только один звонок сделаю.

Он набрал номер и тихо сказал: «Катя, нашелся Белов, жди нас».

Василий Петрович звонил жене. Она работала в управлении МВД и поняла с полуслова: долгожданную поездку на Волгу придется отложить.

После обеда Михеев выложил перед Беловым сотню фотографий. Тот долго всматривался, а затем ткнул пальцем в лопухого мужчину:

— Я эти лопасти, торчащие из-под фуражки, и перед смертью буду вспоминать...

— Правильно, товарищ Белов, вы его узнали. А вот сумеете обвинить его на суде, рассказать правдиво, ведь Вы были еще мальчишкой и многое могли забыть?

— Неправда. Я ничего не забыл. Какая разница — сколько человеку было лет. Мне было четырнадцать, и я всё помню до мельчайших подробностей. Признаюсь, я никогда ни для себя, ни для родных не ворошил в памяти далекие события, но они сами тревожили меня во сне. Сейчас я вспомню всё, записывайте. Я расскажу суду, кто такой Петр Тестов, чтобы он получил наказание. Когда начнется суд? Завтра? Я очень на это надеюсь.

— Видите ли, — начал дипломатично Михеев, — пока преступник на свободе. Человек с фотографии действительно Петр Тестов. Но он свободный человек. Работает честно. У него семья. Инвалид

Большой Отечественной войны. И мы не можем без всяких доказательств обвинять человека, вторгаться в его личную жизнь. А вдруг мы ошиблись, и сейчас ошибаемся? Всякое может быть в жизни. Может быть, и вы ошибаетесь, может, этот мужчина просто похожий, а Петр Тестов — однофамилец? Человек живет в маленьком поселке. Мы арестуем его по ошибке, потом отпустим. Нарушим его покой. Создастся определенное мнение и о нем, и о нас. Нет, мы сначала должны всё просчитать и проверить.

— Ну, знаете ли, не предполагал, чтобы такое солидное учреждение, как ваше, просто так гоняло меня из Челябинска в Новгород, чтобы обозреть пачку фотографий. Я уверяю Вас и клянусь: это и есть тот каратель Тестов. Он еще избил бабу Машу, у которой я жил. Ну, Марию Семеновну, ту единственную, что захотела меня приютить после случившегося в урочище Пандрино. Этот Тестов уволок от нее тетю Зину. Хотите, поедem к ней, и всё у нее спросим...

Это откровение Белова и стало кульминационной точкой в следствии Михеева. И только сейчас, в этот миг, он осознал, что Белов сумеет выдержать судебные разбирательства и дать точные свидетельские показания. Память, хоть и детская, всё запечатлела, потому что мальчик находился в экстремальной ситуации. События врезались с вихрем переживаний, с болью душевной и физической. На суде будут говорить память и боль.

Михеев молча докурил сигарету, ни одним мускулом лица не выдав свои горячие переживания. Просто и буднично сказал:

— Договорились с Вами, товарищ Белов. Вы будете свидетелем на суде. А теперь вот Вам чистый лист протокола. Напишите подробно, что Вы знаете об этом человеке, которого упорно называете Тестовым, только еще раз подумайте, посмотрите. Перед Вами одиннадцать фотографий, у всех одно и то же имя, одна и та же фамилия, все они Тестовы. А что вот именно Вас связывает с этим Тестовым?

— Василий Петрович, как Вы можете такое говорить?! Меня ничего не может связывать с предателем и преступником.

— Это суд разберется. А Вы только припомните, пожалуйста, вот эта Ваша знакомая, как Вы ее назвали — «баба Маша»? Правильно, Мария Семеновна, ну, которую еще Тестов избил на Ваших глазах, из какой она деревни была?.. Может быть, Вы и фамилию припомните?

— Как Вы можете передразнивать? Баба Маша спасла мне жизнь, она приютила и спрятала меня от карателей, когда те лютовали в деревне. Фамилия ее — Гаврилова, а живет она в селе Гастухово.

Полковник Михеев отвернулся к окну. Не хотел, чтобы Белов прочитал по его лицу, что знает о нем всё или почти всё. Не хотел, чтобы в эту горькую минуту к былым воспоминаниям добавилась еще одна печальная новость: баба Маша, та самая Мария Гаврилова, которая дала ниточку для разматывания столь сложного и невероятно хитрос-

плетенного дела, подсказала верный ход оперативно-розыскной работы, умерла.

— Вы спокойно работайте, — сказал он, — а я пока пройду в соседний кабинет.

Вернулся он уже с оперативником Мистровым.

— Знакомся, Николай, это Александр Дмитриевич Белов, родом из бывшей деревни Доскино, прибыл сейчас из Челябинска. Вы с ним поедете в командировку, в Кировскую область. Александру Дмитриевичу предстоит опознание Тестова. Если это тот Тестов — состоится суд. Командировки вам уже выписаны, билеты сейчас доставят. Выезжаете завтра. Утром пройдет небольшой инструктаж, а вечером — на московский поезд.

КОМАНДИРОВКА НА СТАНЦИЮ ПИНЮГ

Дорога из Новгорода до Кирова — неблизкая. Ночь на поезде до Москвы, оттуда еще сутки поездом. В купе ехали вдвоем, пили чай и мирно беседовали. Мистров, внешне непохожий на решительных и твердых оперативников из многочисленных кинофильмов, оказался на редкость душевным человеком. Очень тактично направлял своего собеседника на воспоминания, выслушивая его рассказы о тех событиях, по несколько раз задавая, как казалось Белову, простые вопросы. Он не перечил, не переспрашивал, не уточнял, внимал и сочувствовал, тем самым давая Белову возможность высказаться обо всем наболевшем, за все годы молчания. А тот и не догадывался, что его собеседник — не обычный попутчик, а оперативник высокого класса. И что мягкое заботливое внимание располагает собеседника выговориться больше, чем прямые вопросы.

Мистров понимал, что Василий Михеев при встрече с Беловым использовал в собеседовании не сочувствующее понимание, не жалостливое участие, а суровое блиц-интервью с нотками допроса, чтобы свидетель не расслаблялся духом. Этим атакующим методом он подтолкнул его к воспоминаниям; ведь Белов все эти годы, по его признанию, боялся даже думать о тех трагических событиях. Уральским чекистам он так ничего толком и не рассказал, придерживаясь позиции «Бог виновных накажет». Но уже в Новгороде пришел к решению освободиться от тяготивших его воспоминаний и помочь следствию восстановить давнюю историю, чтобы свершилось возмездие. Теперь он ехал разоблачать очень опасного преступника.

Мистров же, как говорится, держал руку на пульсе, ни на секунду не теряя нить общения с Беловым. Нужно было подготовить человека к встрече с палачом, которого так остро запечатлела детская память. Как он поведет себя при встрече, сумеет ли проявить выдержку? А ведь может сработать малая деталь, это чекист знал из практики, и человек сорвется. Подведут нервы или эмоции, может прийти в голову какая-нибудь шальная мысль о немедленном возмездии. Бывало и такое, когда внезапно состоявшаяся очная ставка побуждала жертву к нападению с помощью топора или другого предмета, попавшего под руку. Человеческий организм — это сложный инструмент, самый музыкальный и самый капризный. Чтобы его

настроить, сначала нужно понять.

— Неужели вечером каратели стреляли? — спрашивал Мистров тихо и монотонно. — Ведь одни силуэты, как попадали-то?..

— Вот именно, под вечер. Еще вечер не наступил, а ползли сумерки, такое бывает, когда снег хорошо землю прикроет. Еще как будто не зима, но и не осень уже.

Перед глазами Мистрова выстраивалась четкая картина того вечера в Пандрино. Тестову в ней была отведена своя роль.

— Подумайте только, Николай Васильевич, полковник Михеев заявил мне, что он честный человек с мирной профессией...

— Вы о ком сейчас? — спокойно спрашивал Мистров, разрезая батон и намазывая вареньем. — Давай пить чай, а то остынет.

— Да я всё о Тестове, будь он проклят. Смотрите, какой ловкий, устроился честно работать. Да у него руки в крови. Это он лично расстрелял маму, сестренку, тетю Катю. Найдем его, я с ним расправлюсь. Я не выдержу...

— А вот этого как раз делать нельзя. У нас с вами какая задача? Одна — только издали посмотреть на него: действительно ли это тот самый каратель Тестов или же это честный бухгалтер.

— И всё?!

— Пока да. А то нарушим следствие. Нам чего нужно добиться? Правильно мыслите — суда. Чтобы очевидцы его преступлений собрались в зале и смогли высказать ему свои обвинения в лицо. И чтобы не вы, частное лицо, а суд вынес приговор. Так что одна надежда на вашу память.

— Я не ошибся. На фотографии точно он.

— Посмотрим, — ответил вежливо и очень уклончиво Мистров. — Саша, пейте чай.

В Кирове пересели на местный дизельный поезд. Вышли на затерявшейся среди вековых могучих сосен маленькой станции Пинюг. Там вдоль железнодорожного полотна выстроилось с десяток невзрачных и одинаково срубленных домов. Спросили у ребятни, игравшей в мяч, где живет дядя Петя Тестов.

— Дядя Петя? Это к нам! — радостно воскликнул розовощекий пацан и стремглав побежал вперед.

Попутчики переглянулись. В глазах Мистрова читалось: видишь, какой славный пацан, он же ни в чем не виноват... Белов понимающе утвердительно кивнул головой. За поворотом притулилось неказистое жильё в три окна. По деревянным мосткам через топь пробрались к крыльцу. На стук в дверь вышла немолодая женщина с усталым, но добрым лицом.

— Проходите.

— Нет, спасибо. Мы проездом. Нам бы Петра Алексеевича увидеть.

— А он на рыбалке. Вот эти мостки приведут вас к реке.

На берегу у развесистой ивы был сооружен шалаш, рядом пылал костер с котелком. Терпкий запах хорошей густой ухи стелился с вечерним туманом вдоль реки. Рыбаков было пятеро. Кто-то проверял удочки, кто-то чинил сеть, а один ворошил огонь.

— Вот они и есть те самые рыбаки, — шепнул Мистров. — Подходим спокойно, не торопясь. Соберитесь, не выдавайте волнения. Не смотрите на них, а считайте удочки, что воткнуты на берегу. Если это Тестов, то помните, что он очень опасный преступник. А вы — единственный свидетель его деяний. От него можно ожидать всего. Итак, соберитесь и взгляните, да не пристальным взглядом, а так, будто бы завидуете улову. Ну, считайте и завидуйте!

— Эй, рыбаки, нам в район сейчас, рыбки не продадите? Нам сказали — только у дяди Пети можно купить хорошую рыбу.

— Это я, — улыбнулся один из них.

— Очень приятно. А нам ваша хозяйка сказала: «На рыбалке он». Мы боялись, что Вы на острова уедете...

— Не-е-е, в будний день не езжу. А рыбку можно выбирать. Извольте, судари, не стесняйтесь, будьте так любезны.

— Петр, ну ты удивляешь, где это ты так господски научился говорить-то? — спросил его один из рыбаков.

— На фронте. Я же писарем у генерала служил...

Пока Мистров дотошно выбирал рыбу, Белов старался разглядеть Тестова. Тот же, словно почуяв что-то неладное, забеспокоился:

— А товарищ-то молодой, что так застеснялся? Просим и вас к нашему улову. Не обессудьте за мелкоту. Рады тому, что бог послал. Крупный улов будет к ночи, с сумерками...

— ...Опять это слово «сумерки». Как бы оно не сыграло свою компрометирующую роль, — с досадой размышлял про себя Мистров. Тут он громко и нудно закашлялся и пробормотал: — Вот, проклятый комар залетел.

— Да, комарами богаты. А ухи горячее не желаете? Мы тут уже похлебать собрались.

Белов же, услышав условный знак — кашель, вспомнил об уговоре: если на него обратят внимание, то надо как бы споткнуться и наклониться к шнуркам своих ботинок. «Это психологический прием, — объяснил ему Мистров, — чтобы внимание отвести».

Александр нагнулся к земле и вдруг услышал, как его попутчик сказал: «Ну, друг, грузи рыбу». И протянул деньги именно Тестову. Тот взял, пошутил: «Как раз к столу, мужики. Ждите, я сейчас сгоняю в лавку».

Белов облегченно вздохнул, приподнял голову. Он уже не боялся, что Тестов признает в нем того мальчишку, что укусил до крови его руку, когда тот волок его за шиворот после расстрела. Белов увидел его походку. Постарел Тестов. Но шаг остался прежний: крупный, вперевалку, медвежий.

К нему подошел Мистров:

— Быстро уходим. Пока ни слова.

Только на станции Белов разговорился:

— Это тот самый Тестов.

— Я понял, — сказал Мистров. — А ты молодец, в разведку можно брать, проявил соответствующую выдержку. Не шучу. Но он мог вспомнить тебя по выражению глаз. Ты же смотрел на него с ненавистью, а глаза не старятся, я знаю. Поймай он твой

взгляд — пиши пропало.

— А что бы произошло? — спросил нетерпеливо Белов.

— Обстоятельства могли бы возникнуть разные, — уклончиво ответил Мистров. — Но я доволен операцией. Начальству можно доложить, чтобы арестовывали бухгалтера. Это и есть тот самый Тестов, что был у нас в розыске более двух лет.

Обратная дорога располагала к длительному монотонному разбирательству всех моментов неординарной встречи.

— Николай Васильевич, а зачем вы им рассказали, ну рыбакам, что мы ищем дядю Петю и что встречались с его женой и сыном?..

— Я предусмотрел наше алиби, — пояснил ничуть не смутившийся этим вопросом оперативник. — Представляешь, какое это событие для поселка — два совсем незнакомых мужика спрашивают дядю Петю, потом видят этого дядю Петю и, не говоря ему лично ни слова, исчезают... Что может об этом подумать рядовой гражданин? Правильно мыслишь, растеряется, будет недоумевать. А если это опытный преступник, как Тестов? Поймите, у него вся жизнь на стреме. Бойтся любого шороха. Естественно, если вычислит, что приезжали по его душу — опознавать — ударится в бега. А по дороге и ряд преступлений может сотворить. У нас же все гладко — рыбу посоветовали купить у дяди Пети. Мы пошли и купили. А приезжали, может быть, в леспромхоз. Туда проверяльщики, я знаю, много навещается. Так что он сейчас спокоен.

Вы же, Саша, вспоминайте все детали того вечернего происшествия до мелочей. Кто во что был одет, где кого застигла пуля смертельная, имена, фамилии, из какой деревни были, как в деревнях дома стояли, их порядок, кто жил в этих домах, были ли у них родственники... Я напоминаю вам все те вопросы, которыми озадачил вас полковник Михеев. Помните? Очень хорошо. Вот бумага, ручка. Как бы ни тяжело было, как бы ни щемила сердце боль, перевозмогите себя. Настройтесь и работайте. Впереди забот у Вас будет много: раз решились на разоблачение преступника, то надо идти до победного конца. И еще помните: преступник Тестов — бывший каратель, перевертыш, оборотень. Видите, какой приткий и хитрый. Сумел избежать наказания как предатель Родины, найти безопасное место жительства, обзавестись семьей. Получил не только чистый паспорт, но и удостоверение инвалида Отечественной войны. Воевал на фронте, получил ранение, лечился в госпитале, опять фронт, демобилизация. Надо сказать, человек он не только осторожный, но и умный. На станции знает свое место. Службу бухгалтера исполняет рьяно, не высовывается где не надо, не претендует на более высокие должности, хотя ему, как выяснилось, предлагали. Живет ровно, спокойно, чтобы не заметили и не разоблачили...

Я ОДИН ОСТАЛСЯ ЖИВОЙ

Уголовное дело по обвинению Петра Алексеевича Тестова, уроженца Подосиновского района Кировской области, в преступлениях, предусмотренных пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР, было начато сразу

же, как только Мистров и Белов вернулись в Новгород. Прокурор утвердил обвинение и санкционировал арест бухгалтера Тестова со станции Пинюг. Белов несколько дней в ожидании очной ставки с преступником жил в гостинице и был очень удивлен, как быстро развиваются события. И вот Александр Белов дождался того часа, когда взглянул на бывшего карателя⁴.

Очная ставка на предварительном следствии. В просторной комнате расставили стулья и рассадили пятерых мужчин. Потом вошли свидетель Александр Белов, следователи полковник Василий Михеев, подполковник Алексей Кузниченков и капитан Иван Зуев. Он составлял протокол.

— Рассказывайте всё по порядку, Александр Дмитриевич, — сказал следователь.

— В тот вечер, 26 ноября 1943 года, я собирал хворост в лесочке, недалеко от своей землянки, — начал он тихо и оглянулся на сидящих, посмотрел на Тестова, чтобы увидеть его реакцию. Но тот сидел, углубившись в свои мысли, как будто это его и не касалось.

— Продолжайте, товарищ Белов, — услышал он ободряющий голос следователя. — Ваш рассказ нам уже известен. Повторите его.

— Я услышал скрип снега от множества приближающихся лыжников, приподнял голову и увидел людей в военной форме. Все они были с автоматами. Эти страшные минуты отчетливо врезались в мою память. Я бросился обратно в землянку с криками: «Мама, немцы идут с автоматами!».

Мама прижала меня к себе, словно прощаясь со мной навсегда, и тихо запричитала: «Саша, сыночек, беги скорее, может быть, ты сумеешь спастись. Ты у меня маленький, юркий. Мчись, что есть духу без оглядки. А нам уже, наверное, суждено...» И она заплакала. Я закричал, что не брошу ее. Стал просить: «Мамочка, пойдем, пойдем скорее». «Нет, Саша, меня заметят, я выйду позже, может, нашу землянку обойдут, они же партизан ищут. Беги, сыночек».

Она меня поцеловала и вытолкнула из землянки. Я вынырнул и, пригнувшись, побежал меж кустарников в лес. Но раздалась пулеметная очередь, меня ранило в ногу, я упал. От нестерпимой боли потерял сознание. На морозе скоро очнулся, боль стала утихать. На шум и крики приоткрыл глаза, поднялся и увидел страшную картину: на моих глазах солдаты выгоняли женщин, детей, стариков раздетыми на мороз и отводили к шалашу, а там трое расстреливали их в упор из автоматов. Было очень жутко смотреть: белый снежный покров быстро окрашивался в темный цвет крови.

И тут я услышал разговор: «Петр, я не могу больше стрелять — бабы-то наши, русские». А этот Петр, упитанный такой, рослый, с толстой шеей и торчащими ушами из-под фуражки, повернулся в сторону и, жутко выругавшись, гаркнул: «Стреляй, сволочь, а то я тебя сам угроблю».

Его лицо, злое, с выпученными от гнева глазами, я запомнил на всю жизнь. А вот дальнейшие события помню смутно. Всё запечатлелось как на ускоренной крутящейся киноплёнке. Я замер в страхе. Стрелявшие разговаривали не на немецком языке, а

на русском. Злобно матерились, приказывали, укоряли друг друга, поторапливали. Я притаился в канавке, куда сполз, сжался, голова болела. Тут увидел, как из землянки волокут мою маму в одном платье, а за подол уцепилась сестренка... За ней тащили мою тётю Катю с двумя дочками, бабушку с двоюродной сестрой Олей. Я, позабыв про боль, вскочил что есть силы и, прихрамывая, бросился к ним. Но кто-то из солдат с силой заломил мне руку и отшвырнул за шалаш. Там я пролежал в каком-то оцепенении. Видел всё. Меня бил озноб от страха, внутри всё содрогалось, но плакать я не мог, лишь сухо и надрывно всхлипывал.

Стрельба внезапно прекратилась. Оказалось, что на поляне не осталось никого в живых.

— Пацана надо забрать, встрясти его как следует придется, — сказал кто-то.

Ко мне подошел каратель, взял за шиворот, приподнял и поволок. Я смотрел на поляну. Она была вся завалена трупами. Помню нашу соседку по лагерю тетю Лёну Сергееву. Мертвая, она лежала, прижав обгорелые тельца своих детей: шестилетней Оли и годовалого Васи. Одиннадцать Беловых были расстреляны, старшим из них, Григорию Ивановичу и Анне Марковне, было за семьдесят, а вот младшей Зиночке — всего четыре года. Там на поляне погибла вся моя многочисленная родня. Из Беловых я остался один. Каратели облили землянки керосином и подожгли, предварительно обшарив жилища. Найдёнными вещами набили мешки. Меня забрали с собой, привезли в деревню Гастухово, заперли в подвале. Наутро в полицейском участке стали допрашивать. Начали выпытывать про партизан. Когда они являлись, были ли явочные дни? Кто давал им продукты? Но я ничего не ответил. Правда, я слышал от взрослых, что крайняя землянка была явочной для партизан, но я их сам никогда не видел.

Из допросов и шедших разговоров я понял одно: расстрел мирных жителей был не случаен. Кто-то доложил, что в урочище Пандрино мирный лагерь служит убежищем и для партизан. В подвале продержали с неделю. Но, не добившись от меня ничего, вышвырнули за околицу деревни: «Иди с Богом, дурак». Дело в том, что я действительно выглядел убогим, меня бил озноб, я заикался от страха. Приютила меня добрая женщина, что жила на окраине Гастухова. Звали её Мария Гаврилова. Однажды через щелочку в заборе я видел этого толстомордого карателя с торчащими ушами, моего зимнего знакомого в день расстрела. Я его сразу узнал, от страха съезился и прижался к бабе Маше.

— Это полицейский, Петька. Предатель он. На глаза ему больше никогда не попадается⁵.

Александр Белов закончил рассказ.

— Товарищ Белов, Вы можете узнать сегодня тех, кто стрелял в мирных людей? — спросил следователь.

— Да, могу. Один из них — Петр Тестов, он сидит в этой комнате. Это второй человек слева.

— Не был я там, клевета, — взревел обвиняемый.

И тогда Белов подробно рассказал, что делал в это время Тестов, что говорил, в кого стрелял. Он

напомнил ему о себе, как тот волок к грузовику раненого мальчишку, который укусил ему руку... Белов добавил, что в деревнях живы свидетели, которые видели руку, перевязанную шелковой бирюзовой косынкой, снятой с головы расстрелянной.

— Я впился зубами в запястье его правой руки и укусил очень сильно.

— Следы имеются, — подтвердил конвоир.

— Лучше бы я тебя прикончил тогда, как собачонку... — процедил сквозь зубы обличенный Тестов. — Я-то думал, что ты, щенок, где-то сдох от голода. Эх, кабы знал такой поворот, сразу бы расстрелял.

А потом резко вскочил, как бы встряхнулся, и обратился к следователю:

— Начальник, прошу учесть, вы все сейчас слышали: Белов признался, что именно я спас его, волок раненого в деревню. А в людей я не стрелял. В Пандрино был, охранял, но не стрелял.

Белов:

— Я видел своими глазами — стрелял! И еще факт припоминаю: двух сестер Карасевых подвесили к ветвям деревьев и стреляли по ним, как по мишеням. Потом трупы облили керосином и сожгли. В деревнях и сегодня живы свидетели, которые могут подтвердить, как сами каратели говорили, что в расстрелах больше всех старался Тестов...

Тестов опять обмяк, обхватил голову руками и зарыдал:

— Откуда вы узнали, откуда? Я ведь на станции жил и мучился от своей страшной тайны, никому ни словом не проговорился. Как вычислили? Мало ли Тестовых на белом свете. Я думал, что не осталось ни одного свидетеля...

Но он ошибся. Был еще очевидец тех страшных событий в урочище Пандрино — Друковский****, тоже каратель.

Михеев:

— Его участие в расстреле не было установлено следствием, но Друковский вместе с Петром Тестовым прослужил в Ягд-команде с 1942 по 1944 год. В Новгород был приглашен как свидетель. На следствие прибыл из Омской области. Его показания против Тестова запротоколировали. Заказали ему гостиницу, а он не идет туда, говорит, денег нет. Пришлось мне самому связываться с директором гостиницы и просить устроить человека на ночлег.

Утром я не успел переступить порог собственного кабинета, как раздался телефонный звонок. На проводе из милиции: «Ваш свидетель Друковский

покончил с собой в номере гостиницы». Все забеспокоились. Начались пересуды: «А-а-а, это тот Друковский, бывший полицейский. Что, он покончил с собой?»

Я же думаю, Друковский побоялся, что в ходе следствия могут возникнуть новые факты его преступлений. Ведь он должен был подтвердить, что Тестов служил в полициях и принимал активное участие в карательных операциях против мирного населения и партизан...

Дня два пришлось потратить на оформление различных документов, объясняющих обстоятельства самоубийства. Я же думаю, что сделал он это в последний момент, когда не мог совладать со своими нервами. Видимо, в нем что-то человеческое дрогнуло. Может, это было раскаяние за содеянное.

Хлопот было много. Разных. Например, прибыли жена и сын. Сначала пошли в прокуратуру с жалобой, что в ходе следствия довели честного человека до самоубийства. А потом, когда узнали, что он бывший каратель и вызван для очной ставки с преступником, оцепенели. Обратно забрали свои заявления. Но от этого нам не стало легче — они отказались хоронить бывшего мужа и отца.

Конечно же, мы, чекисты, жалели, что провалилась очная ставка. Уж очень хотелось столкнуть Тестова с Друковским на суде. Может быть, вскрылись другие кровавые факты, в которых они обвиняли бы друг друга. Следствие потеряло очень важного свидетеля. Теперь же преступника мог обличить только один человек — Александр Белов...

ЗАТЯЖНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Это экстренное совещание, на котором бурно обсуждалось дело Петра Тестова, проходило неординарно, оно длилось около шести часов. Решалась судьба следствия — продолжать или закрывать. Наконец руководство вынесло резолюцию: из-за потери единственного свидетеля, Ивана Друковского, который мог бы подтвердить участие Петра Тестова в расстрелах в урочище Пандрино, дело отложить. В данном случае второй свидетель, Александр Белов, — жертва. К тому же он был на момент преступления несовершеннолетним, и его показания суд может не принять во внимание.

Чекисты Василий Михеев и Николай Мистров были растеряны. Столько времени, усилий, нервов было потрачено, и вот результат... Они усиленно стали искать выход из тупиковой ситуации. Но дело Тестова, как было принято говорить у оперативников, «прочно легло на дно». Шло время. И жизнь сама подсказала разгадку.

...Однажды Николай Васильевич Мистров возвращался с охоты из батецких лесов, задремал в машине. Он очнулся, когда к нему обратился водитель, с которым он многократно мотался по служебным командировкам.

— Николай Васильевич, обратите внимание, ведь едем по той самой дороге. Уж поверьте мне, я местный.

— По какой? — встрепенулся Мистров.

— А по той, что два года подряд топал ваш подследственный Петя Тестов. Он как полицейский кон-

****Иван Артемьевич Друковский, 1919 года рождения, уроженец Омской области. Был призван в Красную Армию в апреле 1941 года, попал на Северо-Западный фронт, в пехотные войска. 10 января 1942 года перешел на службу к немцам. Служил в лагерной полиции, выявлял среди военнопленных командный состав и евреев. В июне вступил в Ягд-команду-38. Состоял в разведывательном отряде. Участвовал в облавах партизанских баз. В 1944 году бежал за границу, но советским отделом контрразведки был разоблачен. 13 января 1947 года военным трибуналом Московского гарнизона по статье 58 УК РСФСР был осужден на 10 лет.

воировал военнопленных в лагерь. А вот там, сейчас увидите, пленные укрепляли дзоты и блиндажи.

— Стоп, дай выйти, — резко сказал он шоферу.

— Во, идея опять осенила, — пошутили охотники, они же его коллеги. — Ну пусть побродит, а мы тут покурим.

Мистров вышел на дорогу и вдруг воочию представил коренастого упитанного Тестова с автоматом наперевес. А впереди него — идущих военнопленных, истерзанных, голодных, босых. Тут же у него возникла мысль — провести по этой же самой дороге мимо четырех деревень бывшего полицая. И пусть выйдут жители, а вдруг его кто-то опознает.

...На следующее утро он посоветовался с начальником следственного отдела. Всегда сдержанный и лаконичный Михеев, не скрывая эмоций, одобрил, обнял друга за плечи:

— Коля, ты нашел выход. Полностью поддерживаю. Пошли к руководству.

Начальник Управления КГБ по Новгородской области полковник Д.И. Бороздин внимательно выслушал чекистов и сказал кратко: «Держайте». Наложил на рапорт Мистрова и Михеева положительную резолюцию⁶.

Теперь перед чекистами стояла задача: собрать все доказательства, чтобы убедить предстоящий суд в том, что их подсудимый — тот самый каратель Тестов.

Дело в том, что по некоторым свидетельским показаниям данные о Тестове были весьма пестры. Одним он говорил, что родом из Сибири, из ангарского таежного селения, другим представлялся рабочим с Кемеровской шахты, а третьим заявлял — коренной ленинградец. Людские толки о нем были разноречивы, поэтому главная трудность для чекистов заключалась в установлении его личности. Нашли 11 Тестовых. Все Петры, все были на фронте. В результате тщательных проверок и просеивания фактов, решили собрать данные о трех Тестовых. И, наконец, остановились на одном — уроженце города Кирова. Но этот Тестов был 1916 года рождения, а преступник — 1919⁷. Не был перебежчиком, то есть в плен не сдавался.

О тех напряженных днях Михеев вспоминает:

— Розыск шел очень трудно. Большую кропотливую работу провел Николай Васильевич Мистров. Сложность заключалась в том, что этот Петр Тестов был вначале даже не включен в число подозреваемых. К запросу в Кировское управление КГБ наши коллеги отнеслись недобросовестно. Не стали детально проверять и перепроверять документы и сообщения из местного военкомата, доверились первичной информации и отписались, что Петр Тестов действительный ветеран Великой Отечественной войны и своим поведением никакого подозрения у окружающих не вызывает. Справка поступила в Новгород

такая: «Петр Тестов служил с 1941 по 1945 год в Советской Армии, службу проходил в должности писаря. В 1945 году демобилизовался. В настоящее время имеет награды. Недавно получил в военкомате медаль в честь 25-летия победы над Германией. Был контужен, инвалид Отечественной войны. Служил в 452-м полку 7-й стрелковой дивизии»⁸.

Я почему-то засомневался в этой справке. Дело в том, что к этому времени мы уже вышли на бывшего однополчанина Тестова — рядового Чистова, который утверждал, что Тестов был в армии ездовым. Так ездовой или писарь? И я решил обратиться в Подольский архив Министерства обороны СССР. Ответ пришел незамедлительно: «В 452-й стрелковой дивизии сведений о Тестове не имеется». Там же нашли его военную карточку, из которой стало ясно, что он был рядовым подвозником на лошади и никогда не был ранен.

При наличии очень скудной базы свидетельских

показаний, в связи с потерей очевидца Ивана Друковского и с тем, что преступление было совершено более тридцати лет назад, было невыразимо трудно довести дело до его логического завершения. Чтобы найти очевидцев того, что Тестов действительно служил у немцев, нам пришлось его возить по деревням. И действительно, нашлись те люди, которые видели его в форме полицая с винтовкой или же автоматом в руках. Он неоднократно сопровождал красноармейцев через деревни в лагерь для военнопленных под Сольцами. Первый шаг в следствии был сделан. Мы доказали, что Петр Тестов служил у немцев, участвовал в карательных операциях против партизан, устраивал облавы в деревнях и селах, истязал и расстреливал людей. В архиве было обнаружено трофейное немецкое дело с отчетами и донесениями. По приказу рохмистра Макса Лухнера каратели Ягд-команды-38 в тот памятный вечер расстреляли безвинных людей в урочище Пандрино. В этих списках числился и Петр Тестов⁹.

«Петр Алексеевич Тестов родился в 1916 году в деревне Костинская Подосиновского района Кировской области. В июле 1941 года был призван в армию¹⁰. Оказался на Ленинградском фронте. В сентябре добровольно сдался в плен под Лугой». Так было начато уголовное дело на Тестова в управлении КГБ по Новгородской области.

Пока же из различных свидетельских показаний вырисовывалась дальнейшая биография карателя. «С 1941 по 1942 год служил в лагере для военнопленных полицейским. Зарекомендовал себя службой в немецкой армии, и ему было предложено перевестись в «Ягд-команду-38», принадлежавшую СС»¹¹.

Очень помог следственному делу Николай Чистов, который был сослуживцем Петра Тестова. Он обрисовал его характер: «Скрытный, боязливо-мни-

Николай Васильевич Мистров

тельный, самолюбивый».

Привел ряд эпизодов, подчеркивающих его психологические черты: не любил шуток, болезненно реагировал даже на доброжелательные ухмылки сослуживцев в минуты отдыха. Взрывался, когда на него обращали внимание. Предпочитал находиться в тени. В сентябре 1941 года часть попала в окружение. Было тяжело, не хватало еды, питьевой воды, но бойцы не падали духом. Как-то ночью исчезло несколько солдат, в их числе был Тестов. Вскоре часть сумела прорвать кольцо окружения и вышла к своим за линию фронта. Тестов исчез.

«Мы были уверены — к немцам подался наш боец. В ночь его исчезновения не слышно было даже легкой перестрелки. Ползком переправился, гад, во вражеский стан.

Помню его очень хорошо, забыть трудно. Внешность выразительно-отталкивающая, приземистый, грузный, уши крупные, торчащие из-под фуражки, смотрел исподлобья»¹².

Вести следствие было поручено подполковнику Алексею Васильевичу Кузниченкову¹³, известному среди сотрудников КГБ как талантливый следователь, очень выдержанный, тактичный, обладающий умением вести допросы беспристрастно, без эмоций, монотонно, утомляюще. В итоге подсудимый Тестов беспомощно запутался в своей лжи, как в вязкой паутине, и ему ничего не оставалось, как признать: «Ваша правда взяла. Я лучше сам вс[е] по порядку доложу, но учитывайте мое чистосердечное признание».

Следователь начал допрос атакующим методом, засыпав его непрерывным градом вопросов:

— Где Вы были во время войны? В действующей армии? Какой? Под Лугой? Вы во время следствия заявили, что ваша часть погибла. Каким образом? Кем Вы там служили? Кто командир части? Вы утверждаете, что часть погибла, каким образом Вы остались в живых?

— Я попал в плен.

— Хорошо. Через какой фильтрационный лагерь Вы прошли?

— Не помню.

— А что Вы делали в лагере для военнопленных красноармейцев под Лугой? В списках трофейных военных документов среди русских военнопленных Вы не числитесь...

— Я вспомнил, меня почему-то немцы под угрозой смерти заставили охранять военнопленных.

— Так Вы были полицейским?

— Да.

— Как же Вы попали к немцам? Дело в том, что по документам, поступившим к нам из военного Подольского архива, ясно: ваш полк всё же не погиб, а прорвал кольцо окружения и попал к своим. Где Вы в это время были? Отвечайте четко на вопрос.

— Вспомнил, я прошел в лесочек, и меня немцы схватили.

— Итак, гражданин Тестов, давайте отложим этот разговор до завтра. Вы подумайте, а я Вам приготовил сюрприз. Вам предстоит встреча с людьми, которых Вы знали в военные годы¹⁴.

— А кто это? Скажите, — забеспокоился Тестов.

На следующий день Петру Тестову была устроена очная ставка с его сослуживцем Николаем Чистовым. Тот сразу заявил:

— Петр, ты исчез ночью, я это запомнил, и это могу подтвердить не я один¹⁵.

Итак, было установлено, что Петр Тестов, бывший красноармеец, служил с 1941 по 1942 год в немецком лагере для военнопленных — полицейским. Но следователей волновал вопрос: каким же образом он вновь очутился в рядах Советской Армии? И тут нашлись свидетели. Это его так называемые сослуживцы по карательной службе в Ягд-команде-38. Выяснилось, что Петр Тестов при отступлении немцев сумел спрятаться, отстать от них, переоделся в форму, снятую с убитого красноармейца, и уже сержантом Советской Армии присоединился к нашим частям¹⁶.

Еще будучи карателем, он получил травму руки. В 1944 году обратился в советский военнопольевой госпиталь. Заявил, что лежал в беспамятстве, а документы у него украли. Ему поверили на слово. Был сделан запрос в военный архив, оттуда пришел ответ: «Петр Тестов был призван в 1941 году на войну». С ним побеседовал майор госбезопасности и дал добро, чтобы ему выписали новые документы. Травма была признана связанной с пребыванием на фронте. Оформили инвалидность.

Так Петр Тестов стал ветераном Великой Отечественной войны и получал пенсию по военной инвалидности. Поселился в таежном поселке Пинюг. В местном Совете постоянно требовал для себя льготы как инвалид войны. Правда, в 1946 году он чуть было не попал в тюрьму. В поезде произошла драка между пассажирами, и Тестов ввязался в неё. Ножом ранил двух пассажиров. Его спасло от наказания только то, что он — инвалид войны. Суд учел, что «Тестов был на фронте, и от начала и до конца войны честно воевал, приближая победу». Уголовное дело было прекращено¹⁷.

Следствие затянулось. Когда подсудимый понял, что улики работают против него, начал вс[е] отрицать. А потом резко изменил тактику поведения, стал впадать якобы в транс. Затем, увлекшись своей игрой, очень даже талантливо стал изображать из себя помешанного. Пришлось проводить судебно-психологическую экспертизу. Экспертами были приглашены ученые-психиатры и психологи Ленинградского Государственного университета. Они дали оценку психического состояния подсудимого: «Петр Тестов вменяем. Его неадекватное поведение на следствии представляет собой защитную реакцию. Он находится в здравом уме и может давать показания».

5 января 1976 года начался открытый судебный процесс. Более 300 человек прибыло из батечских деревень, чтобы засвидетельствовать: да, Петр Тестов — никто иной как каратель Ягд-команды-38. Люди запомнили его в немецкой форме полицейая. Они подтвердили, что он участвовал в сожжении деревень Доскино, Танина Гора, Торчиново, Капустно, Крючково, Семеново, Горушка, Давыдово, Хрепле...

Нина Савина, жительница Гастухово, дала свидетельские показания:

«В тот памятный вечер 35 карателей вернулись с

урочища Пандрино. Мы знали уже, что там свершилась кровавая трагедия. В числе палачей был и сидящий в этом зале Петр Тестов. Я его узнала. Рука его была перевязана бирюзовой шелковой косынкой, которую он сорвал с расстрелянной им девушки Маши Киселевой... Он заставил мою свояченицу Лену Иванову промыть рану и перевязать. При этом рассказывал, что его укусил щенок, и показал на мальчика Сашу Белова. Подростка поместили в подвал комендатуры и нещадно избивали, вытряхивая из него информацию о партизанах. Вот этот самый мальчонка и рассказывал жителям деревни подробности о случившейся трагедии. По догадкам и слухам мы понимали, что каратели обязали это делать для того, чтобы устроить мирных людей помогать впрямь партизанам. А если кто будет замечен в малейшей связи с лесными бандитами, их ждет тоже неминуемая смерть. Также я могу добавить, что после расстрела мирных жителей они грабили землянки, а потом их сожгли».

Рассказ Нины Савиной подтвердили Мария Рогачева, Анастасия Федорова, Николай Петров, Виктор Любимов, Сергей Никифоров и многие другие.

Константин Иванов поведал суду, как Тестов проживал одно время в его доме и, напившись, громко хвастался, сколько расстреляли партизан под хутором Хлутно, какую хитрую засаду они, каратели, устроили лыжному партизанскому десанту под Хрепле, а в отместку сожгли живьем эту деревню...

Шесть пухлых томов судебного дела вместили в себя сотни обвинительных материалов. Красноречиво обличали Петра Тестова документы, живые свидетели, очевидцы злодеяний Ягд-команды-38.

Петр Тестов на суде признался:

— Меня в числе других военнопленных насильно, под дулом автомата, заставили служить в Ягд-команде-38. В нашем отряде было 138 человек. Все военнопленные. Командиром был немецкий офицер рохмистр Макс Лухнер, а его заместителем — русский. Команда занималась розыском партизан. Я вместе с другими переодевался в ватник, шапку-ушанку и ходил на лов партизан. Помню, был случай, накрыли партизанскую группу в 15 человек, отвели в деревню Саблино. Их там же сразу и рас-

стреляли¹⁸.

Местом дислокации Ягд-команды были две деревни: в Гастухово мы квартировались, а в Сабле, в двухэтажном доме из красного кирпича, располагался штаб и продовольственные склады. В каменном амбаре находилась тюрьма, где содержались захваченные партизаны. Там же проходили допросы, пытки, а расстрелы велись над обрывом у Косицкого кладбища¹⁹.

Как-то наша команда на грузовиках выехала за деревню Доскино, потом мы долго шли лесом, болотом, затем вошли в густой ельник и оказались на лесной поляне. Там были мирные жители: старики, женщины, дети. Замкомандира, а он был русский, дал приказ открыть огонь. Люди визжали, вопили, разбегались. Я от страха и начал стрелять. Стрелял бесперебойно, словно в каком-то тумане. Потом увлекся до того, что стал при отходе проверять: не осталось ли кого в живых. Заходил в землянки и опять всл стрелял, как в угаре... Чистосердечно признаю свою вину²⁰.

На суде выступил бывший боец четвертой партизанской бригады Василий Петрович Аксенов.

— В тот вечер, я его отчетливо помню, на нашей базе, а она находилась недалеко от урочища Пандрино, мы услышали частые автоматные очереди. Командир партизанского отряда Станчук приказал группе партизан подойти к лагерю и узнать, что произошло. Я был в этой группе. Мы подошли на лыжах к поляне и увидели ужасающую картину: горели землянки, на снегу валялись трупы людей. Две убитые, сестры Александра и Екатерина Карасевы, были повешены за ноги на дереве. Видимо, немцы вычислили, что девушки являлись связными у партизан. Потом мы помогли местным жителям села Косицкое собрать тела и похоронить в одной братской могиле там же, на месте расстрела. В 1947 году состоялось перезахоронение из урочища Пандрино на Косицкое кладбище²¹.

Военный трибунал Ленинградского военного округа признал виновным Петра Алексеевича Тестова в содеянном преступлении и вынес определение — 15 лет исправительно-трудовой колонии строгого режима. Приговор состоялся 20 февраля 1976 года²².

Выражаю благодарность начальнику архива УФСБ Юрию Анатольевичу Антонову и начальнику пресс-службы УФСБ Валентину Владимировичу Юшкевичу

Фото из архива КГБ. Снимок Н.В. Мистрова из личного архива А.И. Овчинникова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАНО. Ф-2025. Д. 1-20.

² Там же.

³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49632. Т. 2.

⁴ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/13361. Т. 1-6.

⁵ Там же. Т. 2.

⁶ Там же. Т. 3.

⁷ Там же. Т. 4.

⁸ Там же. Т. 3.

⁹ Там же. Т. 6.

¹⁰ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 52. Т. 1.

¹¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49632. Т. 2.

¹² Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/13361. Т. 1-6.

¹³ Там же. Т. 2.

¹⁴ Там же. Т. 4.

¹⁵ Там же. Т. 5.

¹⁶ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49632. Т. 2.

¹⁷ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/13361. Т. 1-6.

¹⁸ Там же. Т. 5.

¹⁹ Там же. Т. 5.

²⁰ Там же. Т. 5.

²¹ Там же. Т. 6.

²² Там же. Т. 6.

СУДЕБНЫЕ ИНСТАНЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ 1802—1917

(по документам Государственного исторического архива Новгородской области)

8 сентября 1802 года император Александр I подписал манифест «Об учреждении министерств», согласно которому организовывались первые восемь министерств в России, в том числе Министерство юстиции — центральный орган управления всеми судебными учреждениями страны, за исключением духовных, военных и морских.

На министерство были возложены обязанности по организации, упорядочению и надзору за деятельностью судебных учреждений, а также «заведование их личным составом».

Одновременно с манифестом последовал Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату об утверждении в должности первого министра юстиции. Им был назначен действительный тайный советник Гаврила Романович Дер-жавин.

При учреждении должности министра юстиции не были названы те «функций и компетенции», которые «определяли бы пределы власти министра»¹, поэтому на первое время ему предписывалось руководствоваться инструкцией генерал-прокурора.

Аппарат министерства состоял из министра, его товарища, совета, канцелярии министерства и департамента, организованного в 1803 году.

Реорганизация центральных государственных учреждений — введение новой министерской системы не отразилась на местных учреждениях Министерства юстиции в губерниях. На местах, вплоть до судебной реформы 1864 года, действовали суды, учрежденные еще губернской реформой 1775 года.

В Новгородской губернии это были общесословные суды — палаты уголовного и гражданского суда и уездные суды (для крестьян и дворян),

действовавшие в каждом уезде губернии; сохранились так же суды сословные для городского населения — магистраты и ратуши.

Высшими судебными инстанциями в губернии оставались **палаты уголовного и гражданского судов**. С 1831 года ранее назначаемые председатели каждой из палат стали избираться губернским дворянским собранием, должности советников и ассессоров суда были заменены на выборные должности заседателей от дворян, горожан и государственных крестьян.

Палаты являлись апелляционными инстанциями для пересмотра дел, решенных в нижестоящих судах.

В палате уголовного суда разбирались дела о грабежах и разбоях, убийствах, поджогах, кражах церковной утвари, казнокрадстве и других уголовных преступлениях. При палате гражданского суда появилось в начале XIX века «крепостное отделение» для оформления всевозможных документов и актов: отпускных, купчих и закладных крепостей на имения, на дворовых и крестьян; духовных завещаний, «верующих писем», «данных» на дворовые места и лавки.

Нижней инстанцией для мелких уголовных и гражданских дел всех сословий уезда, кроме городского, был уездный суд. В его состав входили уездный судья и заседатели. Суд окончательно разрешал иски на сумму ниже 30 рублей, а так же некоторые уголовные дела: о бродячих крестьянах. Кроме собственно судебного уездного суда находились и административные дела: совершение крепостных дел, «ввод в имение» владельцев разрешений не провоз вина, провозных торгов описанного имущества,

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИА ВЕРХОВНАГО, изъ Новгородскаго Губернскаго
Правленія *Второй разъ* *Указъ* *сего*
По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Губернское
Правленіе сущиѣмъ указъ привилегіиующаго Сената, изъ
котораго наименовано: по Имъ Имъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшимъ указамъ, даннымъ Правительствен-
ному Сенату 1844 года 16 Февраля въ соображеніи съ прилага-
емому ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніемъ, изъ котораго изображено:

Въ 1846 г. 1014. К. 1.

«Да свидетелю НАШЕГО дождливца, что кривоногие люди за
данными и чужими сновидениями их извлекли, они не
судебными мещанин вразуми и получают за это деньги
обращаются по удовольствию долгов за помещикам со-
стоящих. Такими определени суд бывших дел нехотят
судить несправедливыми, показавши при том Асыну Юсупову
суду дабыти разоружение, чтобы бы за это вину не на-
казывали другой».

(Конкретизировал Министр Юстиции Державин.)

Успешно выходящая из НСВ сдвинутая, что существенно меняет отношение к ней. Вспомогательные глаголы, являющиеся основой глагольного сказуемого, в зависимости от того, какой член предложения они образуют, могут быть в предложении и подлежащим, и объектом, и дополнением, и обстоятельством, и определением, и связкой, и сказуемым. В зависимости от того, какой член предложения они образуют, они могут быть в предложении и подлежащим, и объектом, и дополнением, и обстоятельством, и определением, и связкой, и сказуемым. В зависимости от того, какой член предложения они образуют, они могут быть в предложении и подлежащим, и объектом, и дополнением, и обстоятельством, и определением, и связкой, и сказуемым.

[illegible]

Указ Императора
Александра I о запрещении
использования крепостных
крестьян для работ за долги
помещиков. Указ
контрасигнован первым
министром юстиции
Г.Р. Державиным и его
преемником П.В. Лопухиным.
1804 г. ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 11

содержание и хранение межевых книг и планов.

Фактически судебная система являлась составляющей местной административной власти. Все поступающие в губернию распоряжения вышестоящих учреждений, в том числе и Министерства юстиции, адресовались изначально в канцелярию губернатора, в Новгородское губернское правление. И только с резолюцией губернатора они направлялись для уведомления и исполнения в местные судебные инстанции.

Именно таким образом в январе 1804 года во все присутственные места Новгородской губернии, в том числе судебные, поступил из Новгородского gubernского правления Указ императора, контрасигнованный² Министром юстиции Г.Р. Державиным и сменившим его на этом посту князем П.В. Лопухиным. В указе было записано: «До сведения нашего доходит, что крепостные люди за казенные и частные с помещиков их взыскания, отдаются судебным местам в работу и получаемые с того деньги обращаются во удовлетворение долгов на помещиках состоящих. Таковые определения судебных мест находя крайне несправедливыми, повелеваем Правительствующему Сенату сделать распоряжение, чтобы ни за чью вину не наказывался другой»³.

Новгородская палата уголовного суда контролировала сроки исполнения «следственных действий». Поэтому в соответствии с Указом Сената от 2 января 1804 года предписывала уездным судам «...подтвердить сим указом дабы вступающие в оной [суд] дела уголовной и следственной, и особенно по которым содержатся под стражей колодники, производил и оканчивал как наипоспешные и не далее положенного законом срока»⁴.

Предварительное расследование дел проводилось полицейскими чинами. Затем материалы уголовных дел направлялись в канцелярию суда, где секретарь и его помощники составляли подробную записку с содержанием дела, с доводами сторон, справками и ссылками на законы. Рассматривалось дело в общем присутствии суда. Во время заседания присутствия рассматривалось по нескольку дел.

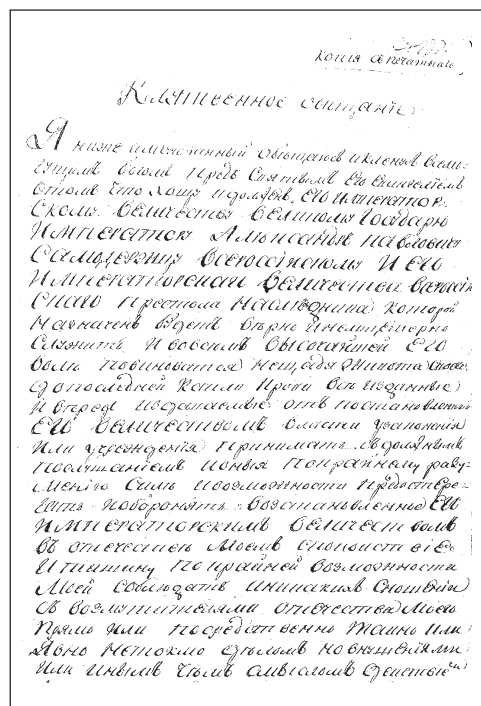
Дела из местных судов направлялись на «ревизование» в палату уголовного суда и затем на утверждение к губернатору. Решения судов подлежали обжалованию или окончательному утверждению в вышестоящих инстанциях, вплоть до Сената.

Так было с уголовным делом Боровичского уездного суда, датированным 1804 годом, о наказании Ивана Григорьева — соцкого помещиков Татариновых — «за упуск» беглой... дворовой девки Катерины Трофимовой. Указом Сената предписывалось наказать его тридцатью ударами батогами, потом отдать в вотчину, «с тем, чтобы никаким впредь должностям не определять». Относительно беглой суд распорядился провести повсеместный сыск и при обнаружении «...к отдаче по принадлежности помещику ее... сообщить...».

Строго преследовались случаи неверного и несвоевременного заполнения отчетных ведомостей в уездных судах. Палата уголовного суда в 1804 году ссылаясь на Указ императора приказывала суду Боровичского уезда присылать ведомости «непрерывно в положенное время с показанием... с какого времени содержится под стражею или отданы на поруки, либо совсем виновных и подозрительных не найдено с ясными на против каждого дела описками зачем оное не решено...», и если будет замечено, что «дела уголовные и следственные не все показаны будут в ведомостях, то сие сочтено уже будет умышленною с намерением и в таком случае члены и секретарь [суда] подвергнутся отчету перед судом»⁵.

Рассмотрение многих дел длилось годами. Такие судебные проволочки объяснялись множеством ревизирующих и апелляционных инстанций, обширным бумажным делопроизводством, запутанностью самого судебного процесса, а

иногда и отсутствием достаточного числа судебных чиновников на местах. Так, в апреле 1804 года в Боровичский уездный суд поступило распоряжение губернатора, в котором «изъяснялось» предписание Министра юстиции князя Петра Васильевича Лопухина о скорейшем рассмотрении дела о недвижимом имении. Объяснялась такая задержка «не вступлением в должность» судейского чиновника. Поэтому губернатор приказал прикомандировать в уездный суд одного из заседателей земского суда и закончить дело «всамоскорейшем времени и на законном основании», о чем рапортовать «не ожидая более о сем напоминания под опасение за медленность неминуемого штрафования»⁶. Спустя непродолжительное время Боровичский суд получил разрешение Новгородского gubernского правления об определении на должность члена уездного суда «исключенного из духовного звания церковника Якова Александрова... за неимением вакансий сверх комплекта». Новый слу-

Клятва поступающего на должность в судебное учреждение. 1804 г.
Ф. 166. Оп. 1. Д. 6. Л. 22

жащий суда приводился к присяге и давал клятву императору и престолонаследнику «...верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться ...не щадя живота своего до последней капли крови. Все изданные и впредь издаваемые от поставленной Его Величеством власти узаконения или учреждения принимать с должным послушанием... предостерегать и оборонять восстановленное Его Императорским Величеством в Отечестве моем спокойствие и тишину...соблюдать ...никаких сношений с возмутителями отечества моего прямо или посредственно тайно или явно не токмо делом, но внушениями или иным чем смыслом, действием и намерением не иметь о вреде Его Величества интересам или общей пользе как скоро уведаю не токмо благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и недопущать буду...»⁷.

В случае длительного рассмотрения дел в судах имели место и личные обращения Министра юстиции к губернатору. Таким было письмо Министра юстиции князя Лопухина к новгородскому губернатору князю Алексею Васильевичу Васильчикову:

«Милостивый государь мой Алексей Васильевич!

Из донесения ко мне Новгородского губернского прокурора... усматриваю я, что боровицкая помещица Путилова засекала до смерти дворовую девушку Пелагею Федорову, и что дело сие поступило в Тихвинский уездный суд, почему долгом поставляю отнести к вашему Превосходительству с тем, дабы Вы, Милостивый Государь мой, благоволили к скорейшему окончанию сего дела на законном основании кого следует понудить.

Пребываю с истинным почтением Милостивый государь мой. Вашего Превосходительства Покорнейший слуга — к[нязь] Лопухин.»⁸

Контроль Министерства юстиции за деятельностью судебных присутствий на местах предусматривал заведование личным составом. В циркулярах Министерства юстиции регулировались вопросы определения, увольнения, перемещения по службе, награждения, предоставления отпусков чиновникам и пр. Таким было, например, отношение Министра юстиции, адресованное в Новгородское губернское правление в 1846 году: отставные военные чиновники, которые занимали гражданские должности, сохраняли военные чины по ведомству Министерства юстиции. Строгие предписания получал губернатор от Министра юстиции относительно отпусков чиновников, которые по при-

бытии в Санкт-Петербург на время отпуска, обязывались «в прошениях, подаваемых ими об увольнении в отпуск, означать и побудительные к тому причины и являться в первые дни пребывания... в столице в департамент Министерства юстиции»⁹. Еще категоричнее был циркуляр от 31 августа 1847 года:

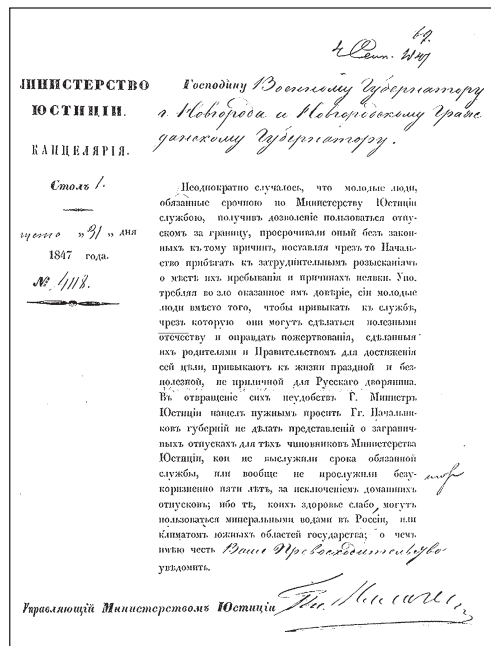
«...молодые люди, обязанные срочною по Министерству юстиции службою, получив дозволение пользоваться отпуском за границу, просрочивали оный без законных к тому причин, поставляя через начальство прибегать к затруднительным розысканиям о месте их пребывания и причинах не-

явки. Употребляя во зло оказанное им доверие, сии молодые люди вместо того, чтобы привыкать к службе, через которую они могут сделаться полезными их родителям и правительству для достижения сей цели, привыкают к жизни праздной и бесполезной, неприличной для русского дворянина. В отвращение сих неудобств Его сиятельство Министр юстиции нашел нужным просить начальников губерний не делать представлений о заграничных отпусках для тех чиновников Министерства юстиции, кои не выслужили срока обязательной службы или вообще не прослужили безукоризненно пяти лет, за исключением домашних отпусков; ибо те здоровье, которых слабо, могут пользоваться минеральными водами России, или климатом южных областей государства».¹⁰

В 1840-е годы Министерство юстиции регулярно проводило ревизии судебных присутствий на местах. В

1848 году Министр юстиции статс-секретарь, тайный советник и кавалер, граф В.Н. Панин докладывал императору итоги проверки. Последовавший вслед за этим Указ императора предписывал всем председателям палат, советным и уездным судьям «в предупреждение замеченной беспечности в наблюдении за исполнением... постановлений при вступлении в должность... удостоверяться в числе нерешенных дел и неисполненных решений, для наблюдения за... движением [дел]». При этом чиновники учреждений Министерства юстиции на местах, прежде всего судьи, несли личную ответственность за приведение в порядок судебного делопроизводства.

Член консультации министерства действительный статский советник Авксентий Павлович Гевлевич был командирован для проведения проверки присутственных мест Московской, Тверской и

Циркуляр министерства юстиции Военному губернатору г. Новгорода и Новгородскому гражданскому губернатору о предоставлении отпусков за границу чиновникам ведомства Министерства юстиции. 31 августа 1847 г. Ф. 138. Оп. 1. Д. 138. Л. 69

Новгородской губерний в августе 1847 года. Заранее уведомляя об этом новгородского губернатора барона фон Ховена, ревизор просил заблаговременно подготовить ряд сведений: именные ведомости о нерешенных делах на 1 января 1847 года, ведомости о решенных за последние три года делах, «с показанием, сколько из сих дел восходило на ревизию высших мест, по скольким из них решения утверждены и по скольким отменены и перечневые ведомости о делах решенных и не сданных в архив».

Статистические отчеты регулярно направлялись в вышестоящие инстанции. В ведомости о числе нерешенных дел в Новгородском уездном суде на октябрь 1848 года значились такие сведения — «к 13 ноября 1848 года состоит в нерешении **уголовных** дел — 158, по ним арестантских — 20, число дел собственно за судом — 90, число дел за справками — 68, по ним арестантов — 20; **гражданских** — 99, за судом — 43, за справками — 56».¹¹

Новгородское губернское правление заслушивало доклады, поступающие в ревизионный стол, о передвижении судебных дел в подведомственных присутственных местах. Например, при рассмотрении такой ведомости за ноябрь 1846 года, оказалось, что «ход дел и бумаг в ноябре месяце был весьма неудовлетворителен, и особенно увеличилось... в Крестецком уездном суде — бумаг 206, в градских полициях: Новгородской дел 85, бумаг — 8, Тихвинской — бумаг 12, в земских судах: магистратах: Новгородском бумаг — 3, Старорусском — 4, Валдайском дел — 1... всем упомянутым местам за незаботливостью и безуспешность их по делопроизводству, сделать строгое предписание употребить самые деятельнейшие и тщательнейшие меры к успешному и быстрому окончанию оных, упредив их при том, что если и за сим Губернское правление не увидит со стороны их должного успеха в окончании дел, а будет продолжаться только накопление оных, то с виновными в таковом бездействии и небрежении к предписаниям Начальства поступлено будет в пример прочим по строгости законов».¹²

Сведения эти ежемесячно печатались в «Новгородских губернских ведомостях».

Министерство юстиции контролировало сроки производства судебных дел. Так, в письме новгородскому губернатору от 22 сентября 1852 года сообщалось: «Из имеющихся в министерстве юстиции сведений видно, что некоторые арестантские дела замедляются производством в судебных местах Новгородской губернии. Долгом считаю препроводить к Вашему Превосходительству выписку означенным делам, покорнейше прося вас, Милостивый Государь, оказать содействие к скорейшему оных окончанию».¹³ В приложении к письму следовала ведомость об арестантских делах, в которой значились 57 дел, большинство из которых — 21 находились в производстве Новгородского уездного суда, 11 — в Крестецком, 7 — в Демянском, 1 — в Боровичском.

Нарушения судебных чиновников по должности сурово наказывались штрафами и арестами.

Например, за «неосмотрительность в отправлении бумаг на трой суток был арестован», по предписанию губернатора, регистратор Крестецкого суда.

В 1804 году в Новгородскую палату уголовного суда поступили на «ревизию» дела о кражах икон, церковной утвари и драгоценностей из церкви Молотковской, Климентовской, Ильинской и Кирилло-Белозерского монастыря, об убийствах, о «членовредительстве, для избежания рекрутской повинности», о кражах денег и вещей, о беглых крестьянах, о бродяжничестве, о мертвых младенцах, о взяточничестве и др.

На протяжении нескольких лет оставалось практически без изменений содержание «ревизуемых» дел: и в 1849 году председатель Новгородской палаты уголовного суда Пузино направлял для утверждения новгородскому губернатору Федору Ивановичу Васькову дела об обнаружении беглых крестьян с фальшивыми видами (документами, удостоверяющими личность) или вообще без документов, о подкинутых детях, о фальшивых деньгах — рублевиках, о порубке деревьев, о «покражах», об убийствах, «о найденных мертвых телах с признаками насильственной смерти», об утонувших, о жестоком обращении помещиков, старост, десятских с крестьянами.

Как правило, губернатор, «ревизуя» судебные дела, соглашался с решениями судов, иногда корректировал их, направляя на дополнительную проверку в различные административные учреждения или на утверждение в Правительствующий Сенат. Но имели место случаи, когда при проверке дела и решения суда, он предлагал присудить наименьшее наказание, выступая в роли своеобразного защитника. Так было при разбирательстве в 1852 году дела о поджоге дома помещицы Теглевой дворовой девкой Лукерьей Ефимовой. Поджог был доказан, подсудимая созналась в преступлении. Но губернатор, принимая во внимание, что преступница «проявила легкомыслие, чистосердечие и в некоторой мере даже ... слабоумие, в высшей степени неразвитие ума и неспособности к здравому мышлению», докладывал в Правительствующий Сенат: «...Обязанностью считаю доложить..., что не смея ослаблять силы строгости закона, чтобы тем не поощрить к воспрещенным деяниям... я полагал бы достаточным: подвергнуть ее наказанию через полицейских служителей розгами в мере определенной законом, т.е. пятьюдесятью ударами и сослать в работы на два года, а по окончании срока оставить на поселении. Мера сего наказания хоть и выходит из пределов назначенных законов, но этим будет согласовано моральное состояние преступницы и учиненным ею преступлением...».¹⁴

Помимо административного контроля со стороны губернатора за деятельностью судебных учреждений надзор осуществлял губернский прокурор, который так же подчинялся Министерству юстиции. «Действия чинов прокуратуры ограничивались весьма немногосложными задачами: ...формальным надзором за «законностью» деятельности правительственных учреждений на местах и

за чтением текстов вновь полученных законов чиновникам «присутственных мест» с соответственным разъяснением их».¹⁵

В случае несогласия с решением суда протест на решение губернских судебных палат прокурор направлял в министерство юстиции. Так было с делом «О совращении из православия в раскол крестьян» 1849 года. Палата уголовного суда, рассмотрев дело о раскольниках, присудила, согласно ст. 207 Уложения о наказаниях, лишить их всех прав состояния и сослать в Закавказский край, а «прижитых ими детей обоого пола отдать на воспитание родственникам, исповедующим православие». Ошибка суда, по мнению прокурора, состояла в том, что эта статья распространялась на последователь таких сект, которые известны «сверепым изуверством и фанатичным посягательством на жизнь свою или других, как духоборцы, иконоборцы, скопцы». Здесь, как это было видно из уведомления местного священника, «раскольники принадлежали к федосеевской секте и о совращении в нее других они не изобличались». Таким образом, находя очевидно ошибочными действия палаты уголовного суда, прокурор направил протест, а также копии документов по этому делу Министру юстиции В.Н. Панину. Дальнейшее рассмотрение дела проходило в секретной части МВД. Причем, Новгородской палате уголовного суда «было поставлено на вид неправильное представление дела в Правительствующий Сенат».

В опубликованных ведомостях «О числе и роде преступлений по Новгородской губернии в 1859 году» значились такие как святотатство (1), «зажигательство» (поджоги — 8), ссоры и драки (149), подкидыши (139), самоубийства (13), убийства умышленные (14) и неумышленные (4), грабежи в домах (5), и в нежилых местах (5), кражи (175), конокрадство (28), «упуск» арестантов (5), подлоги (9), скотоложество (1), неповиновение владельцам и властям (6).¹⁶

Об исключительно безукоризненном исполнении обязанностей членов палаты гражданского суда и ее канцелярии сообщал в рапорте от 18 марта 1852 года председатель палаты граф Головин новгородскому губернатору Федору Анисимовичу Бурачкову: «...с 1844 года не остается за палатой ни единого нерешенного дела; все дела и бумаги, поступающие в течение месяца,кладываются немедленно в том же месяце и все книги, настольные регистры и дела в отличном порядке». Те недостатки, на которые указывали при провер-

ках ревизоры в 1845 и 1848 годах «в порядке канцелярского производства, удовлетворительно исправлены и приведены в возможно лучший порядок». Головин ссылаясь на предписания Министра юстиции, в которых тот неоднократно отмечал отличные действия палаты, а в одном из них от 16 ноября 1845 года «дано знать, что в случае продолжения на будущее время подобного успеха в решении дела служащие в сей палате не останутся без соответственного вознаграждения». Но с тех пор служащие в палате не получали никаких наград, кроме производства в чин. Поэтому председатель палаты «осмеливался обратить внимание» губернатора на успехи своих подчиненных: «члены палаты и канцелярии постоянными трудами своими, невзирая на значительный приток дел и при довольно слабых денежных средствах канцелярии, содержат по всем частям производство дел в отличном порядке... и при том разрешение дел при быстром движении бывает всегда правильное, что доказывается утверждением всех распоряжений палаты Правительствующим Сенатом». Все эти успехи председатель палаты «приписывал ревностному усердию и постоянным трудам» членам палаты гражданского суда товарища председателя суда надв. сов. Аксенова, секретаря палаты колл. секр. Луцка, надсмотрщика, колл. секр. Гана, протоколиста, колл. рег. Быстрицкого, регистраторов коллежских секретарей Урозерова и столоничальников Доможирова и Миролюбова.

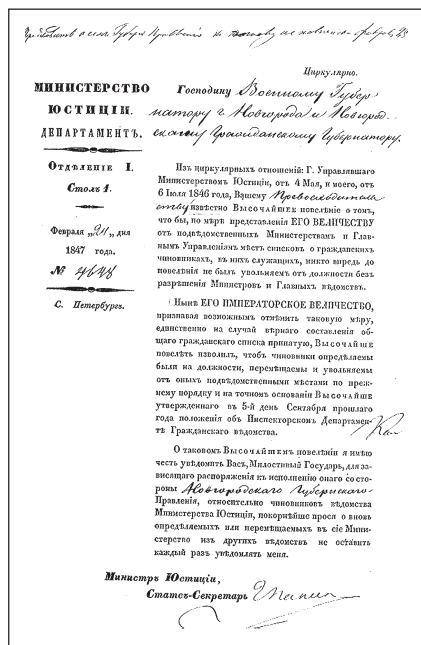
Коренные изменения в деятельности местных учреждений

Министерства юстиции произошли в связи с судебной реформой второй половины XIX века.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года изменили систему и принципы судостроительства и судопроизводства. Они вводили формальную несменяемость судей и независимость судей от администрации, гласность и публичность заседаний суда, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд, нотариат.

В указе о распубликовании судебных уставов говорилось, что задачей судебной реформы является «водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе... уважение к закону».¹⁷

В связи с реформой существенно возросли обязанности Министерства юстиции в области судеб-

Циркуляр Министерства юстиции Военному губернатору г. Новгорода и Новгородскому гражданскому губернатору о порядке служебных перемещений чиновников учреждений министерства юстиции. Автограф Министра юстиции графа В.Н. Панина. 1847 г. Ф. 138. Оп. 1. Д. 138. Л. 10

ного управления и надзора за их деятельностью. Именно на министерство были возложены проведение судебной реформы, организация новой судебной системы, введение в империи судебных уставов. Существенно расширены права министерства в сфере управления личным составом судебного ведомства, права по надзору за реформированной прокуратурой, в связи с возложением на нее функции обвинения в суде и надзором за деятельностью мировых судей.¹⁸

По судебной реформе в России вводились две системы судебных учреждений: суды с избираемыми судьями — **мировые суды и съезды мировых судей** и суды с назначаемыми судьями — **окружные суды**.

Судебно-мировых округов в Новгородской губернии насчитывалось на 1887 год 11 (каждый уезд составлял особый округ). Каждый уезд делился на судебно-мировые участки. Всего их было 37. В Новгородском и Старорусском — по 5, в Боровичском и Тихвинском — по 4, в Крестецком, Валдайском — по 3 и в Демянском — 2.¹⁹ В каждом участке находились один участковый мировой судья и один почетный. Избирались они на три года местными органами городского или земского самоуправления из лиц, имевших определенный возрастной, образовательный и имущественный ценз. Мировые судьи округа составляли уездный съезд мировых судей (или мировой съезд), который являлся апелляционной инстанцией.

Ведению мировых судей подлежали мелкие уголовные и гражданские дела. Размеры наказаний за уголовные преступления ограничивались денежным штрафом не более 300 рублей, арестом до трех месяцев и тюремным заключением до 1,5 лет. Из гражданских дел мировые судьи разрешали иски, не превышающие стоимости 500 рублей. Среди уголовных дел мировых судов Новгородской губернии значились такие: о самовольной порубке леса, о неосторожном обращении с огнем, о нанесении побоев, о краже шубы, о краже льна и т.п.. В числе рассмотренных гражданских дел — об утверждении в правах наследства детей умершего крестьянина, о сносе дома, о разделе усадебной земли, о выселении из дома, о вызове наследников, о вводе во владение недвижимым имуществом.

Председатели мировых судей обязаны были составлять по установленной форме отчеты о деятельности мировых судов и представлять ежегодно вместе с ведомостями о делопроизводстве в Министерство юстиции.

В ведомость о числе и роде преступлений заносились сведения:

«- по оскорблениям полицейских и других стражей, а также служителей судебных и Правительственных мест;

...

- по проступкам против благочиния, порядка и спокойствия; против общественного благоустройства, народного здоровья и личной безопасности;

- по нарушению Устава о паспортах...

- по нарушению Уставов казенных управлений;

- по оскорблении чести, угрозами и насилиями;

- против прав семейных;

- по самовольным пользованиям чужим имуществом и повреждениям оногo;

- по похищениям...;

- по кражам, мошенничествам и обманам»²⁰.

Помимо такой ведомости заполнялись ведомости-отчеты о движении уголовных и гражданских дел и о подсудимых.

В сопроводительном письме к отчетам за 1886 год председатель Валдайского съезда мировых судей А.Н. фон Кениг, указывал, что «по сравнению с отчетом за 1885 год число дел, поступивших к гг. мировым судьям в 1886 году увеличилось — уголовных на 175, гражданских на 166, а всего на 341, ...в применении к практике Устава о наказаниях и гражданских законов мировыми судьями не встречено никаких затруднений и неудобств, ... в 1886 году не было случаев пререканий между мировыми судьями и судебными следователями, ...по незначительному числу возникающих в округе дел, не представляется надобности в привлечении почетных мировых судей к участию в деятельности по следственной части».²¹ На всякое промедление с отправкой отчетов министерство направляло телеграмму с напоминанием о сроках подачи отчетов. Телеграммами за подписью министра юстиции Н.А. Манасеина председатели мировых съездов и мировые судьи уведомлялись о необходимых дополнениях к отчетам.

Циркулярным распоряжением первого департамента Министерства юстиции от 16 августа 1890 года на основании законоположений 12 июля 1889 года о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений, «мировые установления» в Новгородской губернии прекратили свою деятельность. В городах мировые судьи были заменены городскими судьями, в уездах — земскими участковыми начальниками.

На территории Новгородской губернии действовали два окружных суда — Новгородский и Череповецкий. Территориально к Новгородскому относились уезды Новгородский, Старорусский, Демянский, Крестецкий, Валдайский, Боровичский и Тихвинский; к Череповецкому — Устюженский, Череповецкий, Кирилловский, Белозерский. Учрежден Новгородский окружной суд был по указу Сената от 20 ноября 1864 года как гласный суд с участием присяжных заседателей для разбора уголовных и гражданских дел.

Штат Новгородского окружного суда на 1898 год состоял из председателя и товарищей председателя — всего 6 человек,

уездных членов суда по 7 участкам,

городских судей — 6,

судебных следователей — 16,

кандидатов на судебные должности — 7,

канцелярии суда — 7,

судебных приставов — 8,

судебных рассыльных — 7,

прокурора и товарищей прокурора — 6,

нотариусов — 12, среди них один — старший

нотариус,

присяжных поверенных — 3,

частного поверенного — 1.

С 1866 года в аппарат окружного суда входили окружной прокурор, товарищи (заместители) прокурора и канцелярия. В новых судах прокуратура приобретала большое значение. Прокурорский надзор руководил следствием, выступал обвинителем на суде, следил за выполнением приговора. По распоряжениям первого департамента уголовного отделения Министерства юстиции прокурор осуществлял проверку по жалобам-прошениям граждан. Из Министерства юстиции поступали предписания прокурору о необходимости «принять все зависящие меры к скорейшему окончанию и правильному направлению в установленном законом порядке предварительных следствий, ... о безотлагательной доставке сведений, о количестве и положении неоконченных дел ... и о причинах, которыми они обуславливают замедление или в их производстве или в доведении сих дел до судебного разбирательства»²².

В состав Новгородской окружной прокуратуры входили шесть прокурорских участков: Новгородский городской, Новгородский уездный, Валдайско-Демянский, Тихвинско-Крестецкий, Боровичско-Крестецкий и Старорусский.

В уголовном судопроизводстве окружного суда большое значение имели присяжные заседатели, определявшие виновность или невиновность подсудимого, мера наказания выносилась судьями. В каждом уезде временной комиссией из состава городской или земской управы составлялись списки жителей «... для избрания из числа их очередных и запасных присяжных заседателей в Новгородский окружной суд...». В списке присяжных, утверждаемом губернатором, указывались место жительства, подданство, возраст, должность, звание, владение недвижимым имуществом или количество десятин, занятие или ремесло, от которых имелись доход или жалование. Если в список вносилось «лицо по имуществу родителей», то указывалось «в чем оно (имущество) состоит и сколько еще детей в семье...»; внесенный в список «не должен был состоять в услужении у частных лиц». Так, в список для избрания присяжных поверенных Боровичского уезда на 1875 год были внесены 679 человек. Среди них большинство составляли крестьяне (более 90 процентов), значительно меньше — мещане, как грамотные, так и неграмотные, в возрасте от 30 до 60 лет, владельцы земли, лица, занимающиеся торговлей, или получающие жалование, сельские старосты и волостные судьи. Присяжного, избранного по жребию, приглашали на судебное заседание повесткой, в которой оговаривались наказания за неявку без законных на то оснований. Дважды такой заседатель подвергался штрафу от 10 до 200 рублей. Перед каждым заседанием судья оглашал список очередных и запасных присяжных, после чего их приводили к присяге.

Судебным уставом вводились должности судебных приставов, которые назначались председателями соответствующих судебных учреждений. Должность судебного пристава могли замещать толь-

ко лица, удостоверенные в «благонадежной нравственности».

В обязанности судебного пристава входило вручение «тяжущимся сторонам» повесток и бумаг, исполнение поручений председателя суда, исполнение судебных решений (для судебных приставов окружных судов), охрана наследства, передача и отсылка ценностей (по решению мирового судьи).

В числе дел судебных приставов Новгородского окружного суда значились дела «О продаже недвижимого имущества и движимого имущества несостоятельного должника, бывшего Валдайского купца Василия Васильевича Карпова...» (1893), «Об охране движимого имущества, оставшегося после умершего подполковника Михаила Васильевича Прилежаева, квартировавшего в г. Валдае, в доме Никитиной, по предложению г. уездного члена Новгородского окружного суда ...» (1895), «О публичной продаже недвижимого имущества крестьянина Ивана Семенова Рулева, согласно предписания председателя Новгородского окружного суда», (1897), «О взыскании Валдайской мещанкой Василисой Ларионовой Микиной с имущества умершего Валдайского мещанина Ивана Евсеева Микина 430 рублей с % % по исполнительному листу уездного члена суда по Валдайскому уезду» (1913).

На 1875 год при Новгородском окружном суде служили восемь судебных приставов, из них трое в Новгороде — надворный советник Петр Васильевич Никитинский, коллежский ассессор Алексей Иванович Дю-Вернуа, губернский секретарь Григорий Павлович Гофштетер; в Валдае — надворный советник Ксенофонт Захарович Гладков; в Старой Руссе — титулярный советник Николай Константинович Заваруев; в Демянске — титулярный советник Николай Ильич Смирнов; в Крестцах — и.д. коллежского секретаря — Алексей Афанасьевич Семиков. На 1908 год число судебных приставов увеличилось до 10 человек.

Кроме предусмотренного денежного содержания по должности, судебные приставы получали денежное вознаграждение по особой таксе, утверждавшейся в законодательном порядке.

Судебная система в дальнейшем претерпела ряд изменений, связанных с ограничением судебной реформы: из суда присяжных были изъяты дела о печати (1866), в ведение жандармских органов переданы дознания по делам о государственных преступлениях (1871), из суда присяжных к военно-окружным перешли дела по политическим преступлениям (1878), мировая юстиция была упразднена законом о земских начальниках (1889)²³ и т.д. В 1885 году было создано Высшее дисциплинарное присутствие Сената, которое имело право «увольнять судей без прошений не только за служебные упущения, но и за противные нравственности и предосудительные внеслужебные проступки». Таким образом, была ликвидирована несменяемость судей, «усилена ... служебная подчиненность» судей «старшему председателю судебной палаты и министру юстиции»²⁴. Все проводимые меры означали проведение судебной контрреформы.

События Первой мировой войны наложили определенный отпечаток на деятельность учреждений, подведомственных Министерству юстиции. Это нашло отражение в целом ряде циркуляров, датированных 1913–1916 гг., которые направлялись председателям судебных палат, председателям окружных судов, прокурорам, мировым судьям.

В соответствии с распоряжением юрисконсультского отдела Министерства юстиции, подданные воюющих с Россией держав — австрийские, венгерские, немецкие и турецкие граждане, лишались права на судебную защиту и права выступать через посредников в суде.

Циркуляр из уголовного отделения министерства предписывал «всех заключенных коим оказана означенная милость по освобождении из-под стражи, немедленно передавать в ведение местных уездных воинских начальников для зачисления в войска».²⁵

По распоряжению счетного отделения Министерства юстиции из местных судов поступали сведения о призванных на действительную службу в армию чиновниках судов, «для обеспечения вопроса о праве семей».

Поскольку допрос военнослужащих действующей армии находился исключительно в ведении военных следователей, министр юстиции предписывал председателям и следователям окружных судов направлять «требования по допросу военнослужащих в... Министерство юстиции для сопровождения их в Главное Военно-судебное управление». Рекомендовалось обращаться в Главное управление Генштаба за справками о месте нахождения воинских чинов в тех случаях, «когда точно будет установлено, что названные чины состоят в определенной части, не вошедшей в состав действующей армии».²⁶

Согласно циркуляру Министерства юстиции в декабре 1914 года состоялось общее собрание отделений Новгородского окружного суда в составе председателя суда В.Ф. Лебедева, товарища председателя суда Н.А. Витте, членов суда М.Д. Кольцова, В.К. Вишницкого, И.В. Аничкова, барона О.Ю. Остен-Сакен, П.И. Краснопевцева, Д.А. Левашова, В.Д. Норова в присутствии прокурора К.П. Драницына. В соответствии с докладом председателя суда «о сокращении расходов ввиду военных действий с Германией, Австро-Венгрией и Турцией», собрание приняло постановление:

1. сократить число предложенных ранее сессий суда;
2. уголовному отделению суда предложить назначать более умеренное вознаграждение экспертам;
3. гражданскому отделению предложено «наблюдать, чтобы по делам, производящимся по праву бедности, члены суда выезжали для допроса свидетелей, когда число свидетелей не менее трех»;
4. уездным членам суда рекомендовалось сократить расходы на разъезды, для чего производить круговой периодический объезд całego района уезда, в зависимости от числа дел...».²⁷

При Новгородском окружном суде был организован комитет по распределению денег, «собираемых и отчисляемых из содержания чинов ... судебного ведомства на нужды войны», возглавлял который председатель Новгородского окружного суда Василий Федорович Лебедев. Действовал комитет исключительно на добровольных началах. В.Ф. Лебедев, прослуживший в этой должности четыре года, в феврале 1916 года был назначен председателем департамента Петроградской судебной палаты. Желая сохранить память о совместной работе, сослуживцы преподнесли ему на память золотой жетон с изображением на нем срока службы в Новгороде.

Некоторые руководящие документы поступали из общего собрания департаментов Правительствующего Сената. Это касалось вопросов о праве судебных следователей поручать жандармам полицейских управлений железных дорог производить дознания и собирать справки, о контроле со стороны председателей окружных судов такой меры пресечения как «брать обвиняемого на поруки с принятием поручителем на себя денежной ответственности» и др.

В ведении Министерства юстиции было Главное тюремное отделение, которое направляло распоряжения, как в судебные инстанции, так и губернаторам. Это были циркуляры «Об однообразном порядке наблюдения за исполнением судебных приговоров», «Об утверждении проекта общей тюремной инструкции». Юрисконсультская часть Министерства юстиции в ноябре 1913 года предписывала чинам окружных судов «...требовать от начальников мест заключения письменные справки о том 1) не занимался ли обвиняемый ... установленными в месте заключения работами, 2) какие при этом отношении проявил успехи и какую сумму денег приобрел...», 3) почему не занимался такими работами, «из-за отсутствия таковых... или... вследствие уклонения последнего от труда».

В циркулярах министерства от 12 марта 1914 год, 14 июля 1916 год «о незаконной продаже питей и тайном винокурении» Министерство юстиции сообщало, что этот незаконный промысел «весьма сообразительный по прибыльности, значительно превышающей ту, которою довольствовались корчемники при казенной продаже вина», наносит значительный урон экономике страны. В то же время расследования по делам о тайном самогонварении затягивались, годами находились в судебном производстве. Поэтому министр юстиции А.А. Хвостов «просит председателей и прокуроров принять со своей стороны самые энергичные и действенные меры к скорейшему расследованию и незамедлительному рассмотрению»²⁸ таких дел.

В кризисном 1917 году на общих собраниях отделений Новгородского окружного суда обсуждались самые разнообразные вопросы.

Рассматривались и принимались к сведению указы и распоряжения вышестоящих учреждений: «о допущении лиц женского пола к занятию и вре-

менному исправлению некоторых должностей по ведомству Министерств юстиции», об отмене смертной казни, об отмене вероисповедных и национальных ограничений, «об отмене для ссыльно-поселенцев и арестантов наказания розгами, наложения оков и надевания смиренной рубашки».

Принимались решения относительно личного состава Новгородского окружного суда: о назначении на должность и производстве в чин, служебных командировках, отпусках и перемещениях по службе.

Особое место в журналах-протоколах заседаний общих собраний отделений занимали статьи из Собраний узаконений и распоряжения правительства, знаменующие собой крах не только судебного устройства страны, но и всей государственной системы :

- об отречении государя императора Николая II от престола;

- об амнистии и «сокращении срока заключения лицам, содержавшимся под стражей по приговорам судебных мест за общеуголовные, преступные деяния и находящимся ныне в бегах или освобожденных из мест заключения не по распоряжению подлежащих властей, в случае добровольного возвращения в места заключения».

В документе Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 года, направленном в Новгородский окружной суд, указывалось: «Со времени возникшего в конце текущего года мятежа против законной власти Временного правительства, Правительствующий Сенат продолжал, не прерывая работы, неуклонно исполнять веления закона об осуществлении высшего надзора в порядке управ-

ления и соблюдения беспристрастного и нелицемерного правосудия... Ныне Сенат осведомился о намерении лиц, захвативших власть незадолго до созыва Учредительного собрания, которое должно являться истинным выразителем державной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего Сената, в течение слишком 200 лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица решаются упразднить Правительствующий Сенат, подрывая тем самым основы государственного строя и лишая население последней его опоры — законной охраны его личных и имущественных прав...» Из определения общего собрания Сената следовало: «Не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного собрания об образовании власти в стране, возложенные на Сенат законом обязанности, доколе этому представляется какая-либо возможность. О чем дать знать подчиненным местам и лицам»²⁹.

Одним из последних документов Новгородского окружного суда было определение от 5 декабря 1917 года на поступившую «для сведения и руководства» копию решения вышестоящей организации: «Петроградская судебная палата, в общем собрании департаментов верная воспринятым вечным заветам Уставов 20 ноября 1864 года непрерывно стоять на страже права и справедливости,... постановила: ... деятельность судебной палаты не прекращать»³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. Т. 6. С. 50.

² Контрасигнация — скрепление акта главы государства подписью министра.

³ Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁴ ГИАНО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 16–16об.

⁶ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1об.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 12. Л. 1а.

⁹ Там же. Д. 22. Л. 129.

¹⁰ Там же. Ф. 367. Оп. 1. Д. 22. Л. 142.

¹¹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 384. Л. 5.

¹² Там же. Ф. 367. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

¹³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1059. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1057.

¹⁵ Н.П. Ерошкин, Ю.В. Куликов, А.В. Чернов. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1965. С. 187.

¹⁶ Памятная книжка Новгородской губернии. Новгород, 1860. С. 56–57.

¹⁷ Н.П. Ерошкин. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 247.

¹⁸ Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Т. 3. С. 111–112.

¹⁹ Памятная книжка Новгородской губернии. Новгород, 1887. С. 51–52.

²⁰ ГИАНО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²¹ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

²² Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 21. Л. 42–46.

²³ Институт мировых судов был восстановлен законом от 15 июня 1912 года.

²⁴ Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 62. (Т. XXXIa). С. 912.

²⁵ ГИАНО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 27. Л. 63.

²⁶ Там же. Л. 20.

²⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 303. Л. 2–4.

²⁸ Там же. Ф. 158. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–38об.

²⁹ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.

³⁰ Там же. Л. 101.

РАСПРОДАЖИ ИЗ ЭРМИТАЖА

Одним из крупнейших музеев мира является Эрмитаж. Его коллекции собирались с середины XVIII века. В 1764 году Екатерина II купила большую коллекцию купца Гоцковского, включавшую 225 картин, и этот год стал годом основания музея. В более позднее время в музей поступали и отдельные произведения, и целые коллекции, как, например, собрание резных камней герцога Орлеанского. При той же Екатерине II специально для приобретенных произведений было построено здание рядом с Зимним дворцом (ныне — Малый Эрмитаж). Сейчас в Эрмитаже хранится почти три миллиона различных экспонатов, и его коллекции пополняются до сих пор. Так, сравнительно недавно в музей поступил «Черный квадрат» К. Малевича, а в честь 300-летия Санкт-Петербурга президент Индонезии подарила большую статую священной птицы Гаруды. Однако в истории Эрмитажа есть печальные страницы, когда многие произведения, в нем хранившиеся, распродавались.

Сейчас со справедливым осуждением говорят о распродаже эрмитажных сокровищ в годы советской власти. Но она, к сожалению, была не первой. Эрмитаж лишился многих замечательных памятников еще в середине XIX века при императоре Николае I.

Во время правления Николая I был построен Новый Эрмитаж по проекту архитектора Л. фон Кленце. После завершения его строительства в 1849 году началось преобразование частных императорских коллекций в особый музей, разместившийся, кроме Нового Эрмитажа, также в зданиях Малого и Старого Эрмитажа и в Лоджиях Рафаэля, построенных еще во второй половине XVIII века. Музей был открыт в 1852 году. Это потребовало изменений в размещении уже имеющихся произведений искусства. Николай I принял личное участие в сортировке памятников. Считая себя, подобно многим самодержцам, знатоком во всех сферах жизни и деятельности, он сам распоряжался, какие произведения оставить и как их выставить, а от каких вовсе избавиться. При этом он сам определял также их ценность. В результате, к сожалению, 1219 картин были пушены в продажу. Среди этих картин были такие шедевры, как две створки триптиха Луки Лейденского, которые позже вновь были куплены Эрмитажем. Ушли за бесценок картины А. Моро, Я. Бассано, Г. Робера, Г. Рени, А. Карраччи и другие замечательные произведения, которым император отказал в праве украшать музей. В статье «Искусство и Государь Николай Павлович» в журнале «Старые годы» за июнь 1913 года известный искусствовед Н.Н. Врангель писал, что император был недостаточно подготовлен и сведущ для решения тех вопросов, в которых сам он считал себя компетентным. Он не терпел ничего, что напоминало бы ему неприятные эпизоды его жизни или жизни кого-либо из его царственных предков, трагические события вре-

мени его восшествия на престол. По его распоряжению были убраны все портреты лиц, участвовавших в восстании декабристов. Эти портреты в Галерее 1812 года снова появились только в 1903 году. Безжалостен был император и к драгоценностям, унаследованным им от нелюбимой бабки Екатерины II. В 1847 году он приказал переплавить в слитки некоторые части ее сервизов общей массой в 90 пудов. Так, был частично переплавлен знаменитый «Орловский сервиз» весом в 14 пудов, только потому что его первый обладатель был фаворитом Екатерины и участвовал в свержении деда Николая I — Петра III. Все, что не подходило к его устоявшимся убеждениям, по мнению государя, не имело права на существование. Известна его нелюбовь к Вольтеру, в котором он справедливо видел не только корреспондента бабки, но и одного из духовных предтеч Великой французской революции. Однажды, проходя по залам Эрмитажа, император увидел статую Вольтера работы Гудона и потребовал «Истребить эту обезьяну». Благодаря графу А. П. Шувалову, статуя была спрятана в подвалах Таврического дворца и только через много лет вернулась в коллекцию Эрмитажа. Не любил Николай I также вспоминать свои военные промахи, и поэтому он распорядился уничтожить и сжечь польские художественные ценности, привезенные в 1832–1834 гг. в 37 ящиках из Варшавы после подавления восстания. Император не прислушивался к мнению специалистов и знатоков искусства, поступал так, как казалось ему правильным. Все же, несмотря на все это, был основан Императорский Эрмитаж, который стал первым в России публичным музеем.

Следующая и гораздо более масштабная распродажа произошла в 20-30 гг. XX века. Она проходила в два этапа и нанесла тяжелый удар музейным коллекциям. Сначала по требованиям властей сами музейщики принимали участие в отборе вещей, предназначенных к продаже. Они были вынуждены это делать, ибо все прекрасно понимали, чем может обернуться отказ. Не было у них и юридических оснований для отказа, ибо собственником музейных коллекций являлось государство, и правительство обладало полным правом распоряжаться ими. К тому же, многим казалось, что можно пожертвовать частью экспонатов, чтобы поправить музейные дела и этими «подачками» защитить базовые коллекции. Однако покупатели тоже вели свою политику: они отказывались покупать средние вещи и требовали шедевры. С большими деньгами пришла и большая политика. Позже работников музея вовсе не спрашивали, а требовали выдать заранее отобранные вещи. Все это вызывало тревогу многих видных деятелей культуры. Архивы хранят их письма в защиту эрмитажных коллекций. Так, после присылки в Эрмитаж «Особого списка» картин, предназначенных к продаже, исполняющий

обязанности заведующего картинной галереей Д.А. Шмидт писал, что уход этих полотен тяжело отразится на всей несравненной картине эволюции мировой живописи, которая представлена в Эрмитаже. И что, исходя из чисто эстетических оценок эрмитажных сокровищ, после продажи по представленному списку, картинная галерея Эрмитажа как таковая не будет существовать. В 1934 году директор Эрмитажа Б.В. Легран писал: «НКВД по-прежнему рассматривает Эрмитаж как свой валютный резерв, заблаговременно подыскивает покупателя по своему прейскуранту — Эрмитажному каталогу Вайнера, чтобы в определенный момент поставить перед фактом и добиться санкции на продажу. Такое положение вещей вызывает тревогу». Однако на такие письма власти даже не отвечали. Вопросы решались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), и никакие возражения в расчет не принимались. В результате было продано большое количество замечательных произведений: Д.Б. Тьеполо «Пир Клеопатры», П. Веронезе «Нахождение Моисея», Н. Пуссен «Рождение Венеры», несколько картин Рембрандта: «Мужчина в восточном костюме», «Иосиф, обличающий жену Потифара», «Портрет старика», «Портрет польского аристократа» и другие. Были проданы также картины А. Ван Дейка, Я. Ван Эйка, Перуджино, Л. Кранаха, В. Ван Гога, П. Сезанна и много других. С большим трудом сотрудникам Эрмитажа удалось остановить этот вал распродаж. Сначала тогдашний заведующий отделом Востока (будущий директор Эрмитажа) И. А. Орбели сумел добиться остановки продаж восточных памятников, а вслед за этим распродажи были полностью прекращены. Но урон нанесен огромный.

В результате в Эрмитаже появились невосполнимые лакуны. На выставке нидерландского искусства нет теперь «Благовещения» Ван Эйка. В музее недостаточно представлена ранняя итальянская живопись, хотя прежде здесь находилась одна из лучших ее коллекций; в числе исчезнувших — «Распятие» С. Боттичелли. Из 41 полотна Рембрандта осталось лишь 25. Рафаэль представлен сейчас ранними работами, хотя до этих катастрофических продаж в Эрмитаже находились произведения его зрелого периода — «Мадонна Альба» и «Святой Георгий». В последнее время некоторые из проданных картин возвращались на временные выставки из

различных зарубежных музеев. Так, на некоторое время в Эрмитаже вновь оказались «Благовещение» Ван Эйка и «Венера перед зеркалом» Тициана. Было радостно, и в то же время очень грустно смотреть на эти шедевры, которых Эрмитаж столь неразумно лишился, а теперь ему разрешили на недолгое время их выставить. Я сознательно не стала приводить список проданных шедевров, во-первых, потому, что он слишком длинен, а во-вторых, чтобы читатель не пережил тот эмоциональный шок, кото-

Тициан. Венера перед зеркалом. 1550-е гг.
Картина продана из Эрмитажа

рый испытывают работники Эрмитажа, когда за границей они сталкиваются с произведениями, ранее находившимися в эрмитажных коллекциях. Директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский в музее Вашингтона наотрез отказался фотографироваться на фоне проданных картин, как ни просили его об этом журналисты.

Наступило новое время, наша страна вступила в новую фазу своего развития, нет ни самодержцев, ни членов Политбюро, думавших, что они лучше знают, какие произведения искусства нужны музею и стране, а какие нет, да и нужны ли они вообще. Но вот в газете «Час пик» № 37, в сентябре 2003 года опубликована статья профессора Санкт-Петербургского университета Г. Сунягина

«Гигиенический императив как факт культуры». Завершается она таким предложением автора: «За одни запасы Эрмитажа, если их пустить в разумный хозяйственный оборот, можно было бы запросто решить все наши жилищно-коммунальные проблемы. Да и на фондохранилище сэкономить». Вот тебе и новое время и новые нравы. Раньше продавали, потому что мне, государю, не нравится, потом, потому что надо купить паровозы и танки (правда, полученные деньги растворились, и паровозы так и не были куплены), а теперь будем продавать, чтобы решить проблемы ЖКХ! И такое предложение исходит от университетского профессора. *Поистине, разруха царит не в клозетах, а в головах.*

Печальные истории распродаж сокровищ Эрмитажа должны стать уроком для нашего и будущего времени, чтобы никогда не повторялось подобное. Музеи неприкосновенны. Речь идет о «завещании» человечества. Культурное наследие дано нам в пользование с обязательством сохранения и умножения его для будущих поколений, а не для решения сиюминутных задач.

ЛИТЕРАТУРА

Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа. М., 2000; Пиотровский М. Б. Проданные сокровища России. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920-1930 гг. СПб, 2001.

Владимир ЯРЫШ

«ЧИН БЕРЕСТОВЫХ СТРОК»

Множество полезных изделий из бересты делали новгородские крестьяне. Мы возьмем некоторые и покажем подробно, как их сделать. Наш подбор основывается на относительной легкости в изготовлении изделий, полезности применения их в современном быту и использовании крестьянами похожих изделий в прошлые времена. В процессе работы над изделиями мы познакомим вас с двумя способами плетения — прямым и косым. Это два основных способа плетения в работах по бересте. Но часто встречаются изделия, в которых они комбинируются. Исследователи отмечают, что прямое плетение было освоено людьми первым¹. Но впоследствии, например в Новгородском крае, косое плетение все же получило гораздо большее распространение. Это видно по количеству экспонатов того и другого вида плетеных изделий в новгородских музеях.

Надо отметить, что в городской педагогической практике мы не в состоянии точно следовать народному способу изготовления берестяных изделий, где сам способ заготовки материала уже предполагает и размер будущего изделия, и его последующее использование. Это, как правило, средние и крупные по величине предметы. В деревенской среде, где уклад жизни отличался от городского, всевозможная домашняя берестяная утварь являлась жизненной необходимостью. Для современных городских жителей плетение из бересты может быть инструментом для познания народной культуры, или выражением своего художественного видения, а может быть, так же, как и у крестьян, изготовлением добротных изделий для домашнего использования. Поэтому в нашей случае мы можем только опираться на элементы крестьянского ремесла. Повторить крестьянские способы плетения с полной точностью в городских условиях можно только в экспериментальных целях. На занятиях в школе или студии это трудоемко и непродуктивно. Поэтому предлагаем изделия небольшие, но с соблюдением всех норм традиционного подхода к их изготовлению.

Раньше перед плетением мастер, прежде всего, начинал «чинить лыки». Этот специальный термин «чинить» означает готовить лыки к работе. Лыко — это «луб от молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемый на слои и узкие полосы»². Берестяные лыки подбирались по ширине, ровнялись с обеих сторон ножом, скоблились с белой стороны, где также срезались все неровности и затем заострялись. Интересно, что лаптежный термин «чинить» проник также и в письменность. В старину чинили гусиные перья для

письма, сейчас чинят карандаши и используют иногда для этого «перочинный нож». Русские слова, произведенные от корня «чин», имеют двоякое значение: одни понимаются как начало действия — «начин», «зачин», «почин», «начало», другие, как порядок, строгая последовательность действий — «чинный», «чин правил», то есть соблюдение церемониала, обряда³.

После первичной обработки готовое к плетению лаптей лыко называли строкой. Позднее этот термин переключался в шитье, например, в Новгородской области издавна существует народный промысел Крестецкая строчка, и в книжную письменность этот термин также проник. Отсюда глагол — «настрочить» статью и т. д. «Общий признак всех трех строк — лапотной, швейной и письменной — тот, что они представляют собою непрерывную, чаще прямую линию одной и той же ширины, состоящую из мелких частей и составляющую одни из многих параллельных рядов одного целого»⁴.

В дальнейшем мы будем использовать как термин «лыко», так и термин, «строка», «полоска», «ленточка», «конец» и т. д. для определения плетельного материала.

Основа закладки всех пяти плетеных изделий одинакова, поэтому нет необходимости каждый раз объяснять этот способ заново. Главный принцип закладки основы — вертикально-горизонтальное переплетение, по типу полотняного в тканях, должно быть в центре, а концы лент — на равноудаленном расстоянии от основы. Лицевая сторона лычек — темная, желтая или желто-коричневая, то есть прилегающая к дереву внутренняя сторона коры.

Ширина берестяных лент, которые мы будем использовать для плетения первых четырех изделий, равна 11 миллиметрам. Из многолетнего опыта обучения детей и взрослых мы сделали вывод, что данная ширина позволяет достаточно экономно использовать материал при изготовлении не слишком маленьких изделий. При желании ширину лент (лычек) можно увеличить, чтобы изделие получилось крупнее. Во время плетения будем использовать инструмент *костык* и самодельные прищепки — *щемялки*⁵.

ЛУКОШКО

Лукошком или луком обычно называли небольшое плетеное изделие круглой формы, напоминающее корзинку, но без ручки. Берестяное лукошко с крышкой — это уже кузовок⁶. Иногда лукошки называли лубянками⁷. Лукошко, как правило, слу-

ЛУКОШКО

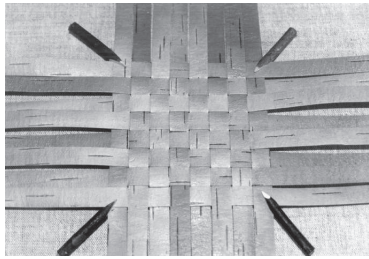

Рис. 1

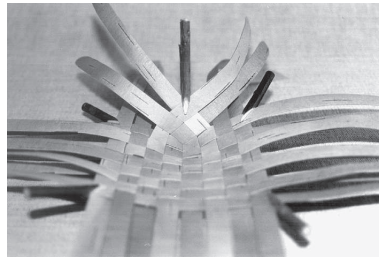

Рис. 2

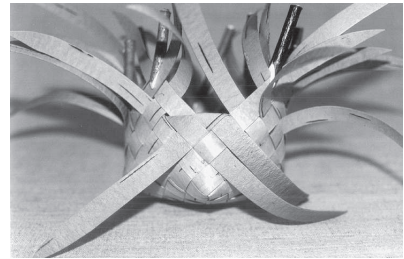

Рис. 3

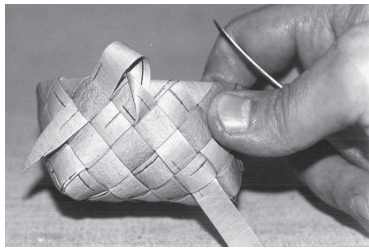

Рис. 4

Рис. 5

жило в домашнем хозяйстве для хранения сыпучих продуктов, сушеных ягод, фруктов, яиц, муки и др. Большие лукошки применялись для сеяния злаковых вручную: «Берешь, бывало, луко, где зерно было, ходишь с луком по полю и роешь пясткой»⁸. Луком также называли решето для просеивания муки и большое плоское блюдо, в которое ставили ручной жернов. Лукошко с ушками (петлями для лямок) могло служить и как термос: в него ставили горшок с горячей кашей, накрывали платком и носили в поле⁹. В новгородских деревнях лукошки делали из корня хвойных пород деревьев, сосновой дранки, ивового прута и, конечно, из бересты. Но были и такие, которые делались из выдолбленного в середине куска дерева¹⁰.

Для плетения лукошка нам потребуется 23 ленты 38 сантиметров длиной и 11 миллиметров шириной. (Можно использовать ленты длиннее или короче, но от этого будет зависеть их количество). Начинаям следует планировать на две-три ленты больше.

Рис. 1. Первая лента основы кладется на стол вертикально, лицевой (темной, прилегающей к дереву) стороной вверх. Все остальные кладутся этой же стороной вверх. Вторая лента — горизонтально на первую. Причем, нижний конец вертикальной ленты и левый горизонтальной от точки их пересечения должны быть короче, так как дальше мы будем заплетать основу по направлению вправо и вверх. В итоге, основа будущего изделия — «полотняное переплетение» лент — должна оказаться в центре, а их окончания со всех четырех сторон должны получиться приблизительно одинаковыми. (Именно такой способ закладки основы плетеных берестяных изделий используют крестьянские мастера в Новгородском крае).

Продолжаем заплетать основу. Третья лента подкладывается справа к первой (вертикальной) и идет поверх горизонтальной. Четвертая лента —

горизонтально сверху. Каждая следующая лента поочередно идет то справа, то сверху.

Переплетите все 16 лент 8х8, образуя основу в центре, и измерьте линейкой ее длину и ширину. Должен получиться квадрат. Если эта фигура больше похожа на прямоугольник, изделие не получится пропорциональным. Окончания лент за пределами основы слева,

справа, сверху, снизу, как было сказано, по длине должны быть приблизительно одинаковыми. Закрепите основу щемялками с четырех сторон. Заострите концы лент.

Рис. 2. По центру продольной ленты основы с противоположной от себя стороны заплетаем первый угол. При этом основа по-прежнему находится лицевой стороной вверх. Вначале переплетаем между собой две ленты и тут же подплетаем еще по одной справа и слева. Между углом и продольными лентами основы не должно быть промежутка.

Подтягиваем, подравниваем ленточки, заплетенные в угол, и закрепляем их щемялкой сверху.

Следующий (второй) угол заплетаем с противоположной стороны, третий — справа и последний — слева от основы. Все углы заплетаются одинаково. В дальнейшем стенки лукошка лучше плести равномерно и не торопиться заплетать с одной стороны по сравнению с другой выше, чем на один квадратик (одно переплетение лент).

Все углы удобнее заплетать «изнутри» основы, а корпус изделия лучше плести с внешней стороны. Снимаем щемялку, которая располагается между углами лукошка, и приплетаем по одной ленте слева и справа. Подтягиваем слегка предыдущие, а так же вновь заплетенные ленточки. Выравниваем эту часть плетения, если необходимо, и вновь зажимаем щемялкой. Затем та же операция с противоположной стороны, потом справа и слева. Этим же способом продолжаем плетение корпуса на ступеньку выше, начиная от углов.

Следующий шаг плетения вновь между углами на один квадратик вверх. Таким способом можно продолжать плести изделие вверх, пока не кончатся лыки. Но для нашего лукошка три квадратика от угла — высота достаточная.

Рис. 3. Начинаем плетение кромки лукошка. Перегибаем внешнюю ленточку на уровне треть-

го квадратика от угла по диагонали вправо вниз. (Если вы заложили основу с первой ленты, которая была у вас вертикальной, как было об этом сказано вначале, то в этом случае согнутая внешняя лента пойдет вправо вниз. Но если у вас как-то оказалось, что первая лента основы была горизонтальной, то в данном месте эта лента пойдет влево вниз, и все дальнейшее плетение будет в зеркальном отражении, и нужно будет все плести в противоположную сторону). Лента, которая находится за только что согнутой, внутренняя лента на этом квадратике, перегибается поверх предыдущей по диагонали и идет влево вниз. На этой стадии мы начинаем использовать **костык** — главный инструмент плетельщика.

Ленточка, подготовленная к плетению, с давних времен у мастеров называлась строчкой, но *«лапотная строка все время перекрещивается и как бы прерывается поперечными лентами лыка»*¹¹. Как говорится в народе, *«не всякое лыко в строку»*. Костык как раз и помогает проплести ленточку-лыко по строчке, преодолевая поперечные чередующиеся через одну лыки.

Дальше внешнюю ленточку в квадратике слева перегибаем по диагонали вправо вниз и вплетаем в отверстие, «проделанное» костыком. Внутренняя лента, которая идет за только что заплетенной (это будет четвертая), перегибается влево вниз. Ее не нужно пока никуда заплетать. Пятая лента (это следующая внешняя слева лента) перегибается по диагонали вправо вниз и при помощи костыка заплетается под ближайшую основную ленту по данной строчке. Заплетая под основу ленты, которые перегибаются по диагонали вправо вниз, мы формируем край лукошка. Первая лента, с которой мы начинали плетение края лукошка, по аналогии с предыдущими заплетается последней и тоже идет под основу. Далее следует поочередно подтянуть каждую ленточку, чтобы подравнять край лукошка. После этого проплетаем каждую ленту по ходу ее движения до конца. Необходимо следить на протяжении всего дальнейшего плетения, чтобы ленты внешнего слоя шли (вплетались) непосредственно под ленты основы на всех промежутках плетения. Это очень важное замечание, так как начинающие мастера, обычно не задумываются, как у них «заплетаются» ленты с наружной стороны корпуса. В месте, где проплетаемая лента начинает сужаться или заканчиваться, кончик можно отрезать ножом-косяком. А лента, идущая с противоположной стороны, проплетается в этом месте (месте встречи) под основу и над окончившейся предыдущей, после чего с противоположной стороны ячейки плетения она также отрезается ножом. В том месте, где длина ленты, если она были не достаточно длинной, не позволяет нам проплести (закончить) строчку вторым слоем, мы используем добавочную ленту. Вплетаем ее в месте окончания ленты, проплетаем по траектории строчки до окончания противоположной ленты, проплетаем над ее окончанием, но, опять же, под ленту основы и обрезаем остаток с противоположной стороны. Таким об-

разом, оплетаем вторым слоем все лукошко.

Рис. 4. Плетем косицу. Для косицы нужна пластичная гибкая дополнительная лента. Каждый сегмент косицы заплетается из отдельной ленты. До момента загиба лента вплетается лицевой стороной наружу от дна по направлению к краю за два поперечных переплетения до края лукошка. Заплетенную ленту сворачиваем по диагонали вправо вверх. Потом перегибаем ее по направлению влево вниз и вплетаем в начало строчки, идущей от верха корпуса, по траектории ее движения. Аккуратно подтягиваем ленту. Чтобы получился правильный рисунок косицы, во время подтягивания ленты направляем ее рукой. Дальше для устойчивости конструкции, вплетаем ленту еще и под следующее поперечное переплетение, после чего оставшиеся концы лент можно обрезать ножом. Также вплетаем остальные сегменты косички.

Рис. 5. Изделие готово.

КОРЗИНКА

Корзины чаще всего применяли для сбора ягод или грибов. В Новгородской области корзинку иногда называли зобенкой¹², а корзину с крышкой или небольшую корзинку из бересты, а так же берестяную или дранковую корзиночку для ложек, — кузовом¹³. Большие корзины для переноски сена — гуменными кузовами¹⁴. Большая корзина из бересты с двумя ручками часто еще называлась лубкой¹⁵. В Новгородской области корзины делали из бересты, ивового прута и сосновой дранки. Маленькая корзинка без ручек, которая привязывается к поясу при сборе ягод — набирушка. *«В набирушку ягоды берут, а в большую (корзину) пересыпают»*¹⁶. А бывали еще и кожаные корзины. Это очень маленькие корзинки, куда входил всего один стакан ягод¹⁷. Корзина из бересты также называлась у нас коробашечкой или коробушей¹⁸.

Для плетения корзинки нам потребуется 26 лент 47 сантиметров длиной и 11 миллиметров шириной.

Этот экспонат, как и все остальные, делается на основе образца, хранящегося в Новгородском музее.

Закладываем основу точно так же, как и для лукошка (предыдущего изделия) 8x8 лент. Чтобы сплести прямоугольный корпус корзинки, необходимо заложить (заплести) углы не по центру сторон основы, а попарно сместить их на одну ленту к противоположным углам основы (не путать углы основы с углами будущего изделия). Во всем остальном, кроме мест заплетения углов, корпус корзинки плетется аналогично корпусу лукошка. То есть способ плетения тот же, что и у лукошка.

Рис. 1. По верхнему бортику корзинки начинаем заплетать косичку. Вплетаем ленту в окончание строчки у верхнего края корзинки изнаночной стороной наружу. Оставляем небольшой кончик. Начинать плетение можно с любого места корзинки. Сгибаем ленту по диагонали на одном уровне с краем корзинки по направлению вправо вниз и заплетаем ее в ближайшую ячейку поперечной строчки. Следим, чтобы в этой ячейке лента шла

КОРЗИНКА

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

не только под верхнюю, но и под вторую, основную, ленту. Перегибаем ленту по диагонали по направлению вправо вверх и вплетаем, аналогично первому шагу, в верхнюю ячейку строчки. Оплетаем таким образом ленту по кругу. В том месте, где лента закончилась, надставляем ее следующей и далее продолжаем плести косичку по кругу. Надставляем вторую закончившуюся ленту третьей и продолжаем плетение косички. Доплетаем ленту до места, где мы начинали плести косичку. Вплетаем конец ленты под ее начало. Кончики обрезаем.

Рис. 2. Изготавливаем ручку корзинки. Прорезаем ножом сквозные отверстия на корпусе для ее крепления.

Рис. 3. В прорезанные пазы вставляем первую ленту для ручки и зажимаем ее щемялкой. Оптимальный размер ручки, когда она повторяет полуовал верхней части корзинки. Поверх первой ленты вставляем вторую, чтобы ручка получилась прочнее, и закрепляем тремя щемялками. Затем в одно из отверстий ниже предыдущих лент вставляем конец третьей ленты и пропускаем ее во внутрь сантиметров на пять. Эта лента будет оплетать ручку вокруг.

Рис. 4. Оплетаем ручку длинным концом ленты. В верхней части будущей ручки эту ленту плетем через раз между лент. Доходим до противоположного конца ручки и вставляем конец во внутрь корзинки в прорезанный паз с противоположной стороны. Изнутри этот конец просунем под ближайшую ячейку оплетки и потом обрезаем. Может так получиться, что окончание ленточки, которая оплетает ручку, придется на внешнюю сторону, тогда ее конец просовываем изнутри под лентами ручки наружу, там заплетается под первую

ячейку оплетки ручки и обрезаем. Если лента окажется не достаточно длинной, то ее можно надставить в момент оплетки ручки.

Рис. 5. Готовое изделие.

ГОРЛАТКА

Горлатками на северо-западе России называли бутылеобразные берестяные сосуды для хранения сыпучих продуктов. Таких берестяных «бутылок» новгородские крестьяне выплетали множество:

от небольших, для хранения соли, до пузатых, почти до метра в высоту, для хранения льняного семени. Однако в Новгородской области горлатками или горланками также называли заплечные короба в виде корзины с крышкой «четыре петелечки и ляжка на два плеча»¹⁹ для сбора ягод или грибов.

В Новгородском музее хранится несколько небольших горлаток, которые служили в прошлом солонками. Одну из них мы повторим в уменьшенном варианте.

Для плетения горлатки нам потребуется 9 лент 44 сантиметра длиной и 11 миллиметров шириной.

Закладка основы 4х4 ленты и дальнейший ход плетения корпуса почти тот же, что и в предыдущих изделиях. Заплетаем первый угол. Так как основа горлатки состоит всего из 8 лент, то при ее плетении выгоднее использовать не 8, а 4 щемялки. Заплетаем первый угол горлатки по центру одной из сторон основы. Заплетаем второй угол с правой стороны от первого. При основе изделия 4х4 ленты, удобнее заплетать углы по кругу. Следующий, третий, пойдет вправо от второго, и затем — последний угол.

Плетем корпус горлатки на высоту четырех квадратиков вверх, если считать от угла.

Рис. 1. Изготавливаем плечики горлатки. Отрезаем ножницами ленточку, находящуюся справа сверху от четвертого квадратика, если считать от угла. Верхний угол четвертого квадратика от основания является углом плечика горлатки.

Рис. 2. Ленточка, идущая слева от этой точки по направлению вправо вверх, разворачивается и так же, изнаночной стороной наружу, вплетается в строчку поверх только что обрезанной ленты, то есть по направлению вправо вниз. Ее следует

ГОРЛАТКА

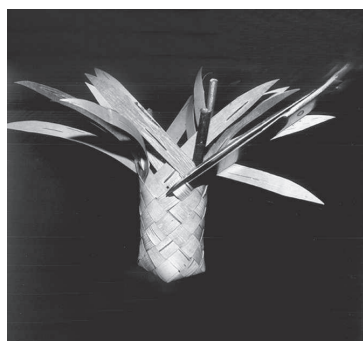

Рис. 1

Рис. 2

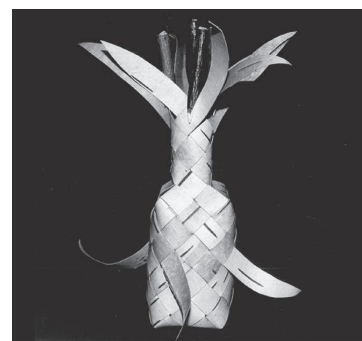

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

проплести еще на одну клетку, чтобы плечико плотно держалось. После этого оставшийся кончик ленточки можно обрезать (можно обрезать эти кончики после заплетения горлышка, еще раз их подтянув). Этим же способом заплетаем все четыре плечика, подтягиваем ленточки.

Рис. 3. Оставшиеся ленты переплетаем между собой, чтобы заплести горлышко. Проплетаем их на два квадратика от плечиков горлатки. Плести стараемся плотно, чтобы не было больших отверстий между переплетенными лентами.

Рис. 4. Формируем край горлышка. На расстоянии полутора квадратиков от плеча внешнюю ленточку перегибаем по диагонали по направлению влево вниз. Эта часть горлатки заплетается так же, как у лукошка или корзинки. Внутреннюю ленту на этом квадратике, которая находится за внешней, только что согнутой лентой, перегибаем по диагонали, и она пойдет по направлению вправо вниз. Внешняя ленточка в следующем квадратике справа, это третья, перегибается по направлению влево вниз и вплетается в ближайшую ячейку строчки. Остальные ленты по окружности горлышка заплетаются таким же образом. Заканчиваем плетение горлышка. Подтягиваем ленточки, идущие от горлышка. Подтягиваем и обрезаем ленточки, идущие от плечиков. Проплетаем каждую ленточку от горлышка по направлению ее хода и обрезаем ножом кончик. Оплетаем вторым слоем все изделие. Для оплетения вторым слоем строчек, идущих через плечики, необходимо взять дополнительные ленты и, вплетая их в любом месте по траектории плечиков, так же оплести эти места вторым слоем. (Надставка лент объясняется в

разделе о плетении лукошка.) Вырезаем деревянную пробку.

Рис. 5. Изделие готово.

СОЛОНКА

Солонка или в старину солоничка была необходимым и наиболее почитаемым предметом в крестьянском быту. По тому изобилию и разнообразию во внешнем оформлении корешковых, деревянных и берестяных солонков, которые хранятся в музеях, можно предположить, что соль в прежние време-

на была окружена особым уважением. Деревянные резные солонки разнообразной формы с замысловатыми крышками в виде уток или коробочек являлись неподдельным украшением крестьянской избы. Солонки из бересты встречаются у всех народностей, которые занимались изготовлением плетеной берестяной утвари. На северо-западе России — в виде утицы, закрытые деревянной пробкой — головой или открытые, с «багажником». Это и солонки в виде маленького лукошка или сделанные из цельного листа наподобие туюска, коромысла. Были и бутылкообразные с горлом посередине или смещенным к одной из сторон плоской коробочки с деревянной пробкой, так называемые «походные», от маленьких, со спичечный коробок, до больших — на целую артель. Подавляющее большинство плетеных берестяных солонков выполнены в технике «косого плетения». Встречались также маленькие корзинки, плетеные из соломы, для хранения соли²⁰. Какого-то особенного названия у новгородских солонков, вероятно, не существовало.

Для нашей работы мы выбрали «походную» крестьянскую солонку, типичную для новгородского крестьянина.

Чтобы сплести походную солонку нам потребуется 8 лент длиной 36 сантиметров и шириной 11 миллиметров.

Основа солонки 3х3 ленты. (Закладка основы была подробно описана при изготовлении лукошка.)

Рис. 1. Заплетаем сразу два угла солонки между четырьмя лентами с одного из «углов» основы. Точно такие же два угла заплетаем с противоположной стороны. Для заплетения углов солонки очень важ-

СОЛОНКА

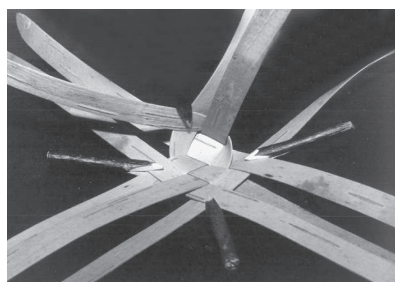

Рис. 1

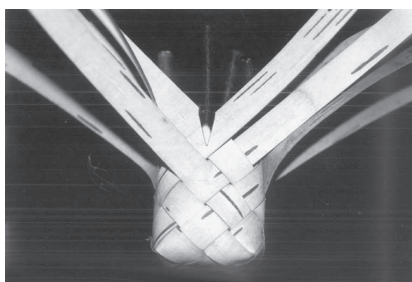

Рис. 2

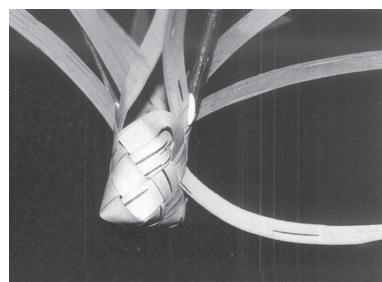

Рис. 3

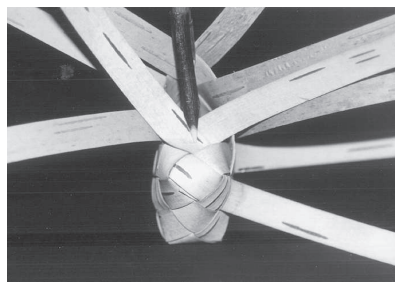

Рис. 4

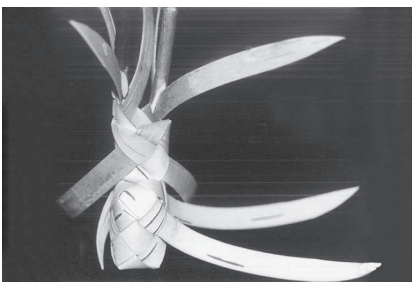

Рис. 5

Рис. 6

но выбрать пары углов основы, какие взяты на нашем рисунке, иначе плетение пойдет в зеркальном отражении. Ведь, когда основа заплетена три на три ленты, то пары углов у нее имеют разную направленность лент, что влияет на общее направление плетения после заплетения углов.

Рис. 2. Проплетаем на один квадратик вверх с одной и другой продольных сторон изделия. Проплетаем еще по одному квадратiku с торцовых сторон. Далее плетение вверх следующих «квадратиков» с продольных сторон. Проплетаем еще на одну ступеньку вверх последний раз с торцевых сторон и приступаем к изготовлению плечика солонки.

Рис. 3. Отрезаем первую ленточку справа от второго квадратика, если считать снизу от правого угла вверх. Отрезаем вторую ленточку в квадратике слева от надреза первой. Ленточка, идущая вправо вверх под второй отрезанной, поворачивается и заплетается по строчке первого обреза по направлению вправо вниз. Она идет так же изнаночной стороной наружу. Ленточка, находящаяся параллельно предыдущей, поворачивается и вплетается в строчку поверх второй отрезанной ленты. Так же изнаночной стороной вверх.

Рис. 4. Готовим средние две ленты, огибающие плечико солонки к заплетению горла. Освобождаем их от лент корпуса.

Рис. 5. Приплетаем к этим двум лентам справа и слева по одной ленте, идущей от задней части корпуса, и выходим на горлышко. Плетем горлышко вверх на два квадратика от плеча (от нижнего угла задней части солонки это будет четыре квадратика), подтягивая каждую ленточку, чтобы было как можно меньше отверстий между ними, особенно в местах изгибов, формирующих плечо солонки. Завершаем плетение горлышка на уровне двух квадратиков от поворота корпуса на горлышко (четыре квад-

ратиков от нижнего угла солонки). Внешнюю ленту на уровне полутора квадратиков от поворота изгибаем по диагонали по направлению вправо вниз. (Техника плетения горлышка аналогична завершению верха горлатки, корзинки и лукошка.) Внутренняя лента на этом месте изгибается по диагонали влево вниз. Следующая внешняя лента слева загибается вправо вниз и заплетается в ближайшую ячейку основы. Заканчиваем плетение горлышка. Подтягиваем ленточки, идущие от горлышка и от плечика.

Две ленточки первого слоя корпуса, которые сформировали поворот плечика, проплетаются еще на один шаг по ходу их движения и затем обрезаются ножом. Далее ленточки, идущие от горла проплетаются, чтобы «закрыть» строчки вторым слоем. Оставшиеся не заплетенными две строчки, идущие от первого изгиба плечика, следует проплести двумя дополнительными лентами. Остатки лент отрезать ножом. Повторяем: все ленты внешнего, второго, переплетения должны идти под ленты основы, о чем мы упоминали еще при плетении лукошка. Вырезаем деревянную пробку.

Рис. 6. Изделие готово.

ЛОЖЕЧНИК

Ложечник — это небольшая корзинка прямого (иногда косого) плетения из бересты, но часто из лучины (сосновой дранки) для хранения ложек и поварешек. Из лучины такая корзинка иногда еще называлась горловаткой²¹. Ложечник обычно висел в избе на стене ближе к печи. В наших краях такую корзинку называли также кузовом. Ложечник одно из немногих новгородских изделий, которое выплетали, в основном, методом «прямого» плетения. Никогда изделия прямого переплетения не плелись в Новгородской области на какую-нибудь колодку,

ЛОЖЕЧНИК

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

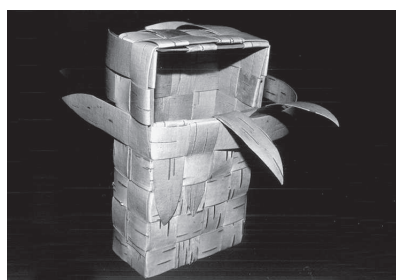

Рис. 4

Рис. 5

болванку или подобную им форму. Форма изделия «лепилась» руками, как из глины.

Для плетения ложечника нам потребуются ленточки шириной 2 сантиметра; шесть лент 54 сантиметров длиной и 17 лент 38 сантиметров длиной.

Основа ложечника закладывается из шести лент: 2х4.

Заложим основу изделия и заострим концы.

Рис. 1. Перегибаем концы лент по периметру основы. Это позволит нам начать плетение корпуса сразу в заданных размерах. Вплетаем первую ленточку корпуса из-за угла, тщательно прогибая в местах поворота, формируя корпус. Завершаем плетение первой ленточки корпуса внахлест на ее начало, завернув за угол корпуса. Вторую ленточку корпуса начинаем плести аналогичным способом с обратной стороны изделия, чтобы стыки лент

не приходились на одну сторону.

Рис. 2. Таким способом проплетаем корпус изделия на высоту пяти лент.

Плетем еще два яруса корпуса с задней стороны, не проплетая их с передней части.

Рис. 3. Заплетаем верхнюю часть ложечника, в которой боковые парные ленты встречаются вверху и идут внахлест друг на друга.

Рис. 4. Вплетаем первую дополнительную ленту лицевой стороной вверх по боковым и верхнему краям открытого отверстия ложечника. Так же вплетаем лицевой стороной дополнительную ленту по нижнему отверстию ложечника. Оплетаем все изделие дополнительными лентами лицевой стороной.

Рис. 5. Изделие готово.

Мы рассказали всего лишь о нескольких берестяных изделиях, выбрав их из великого множества крестьянских образцов, сотворенных за десять веков неустанный творческий поиск. По такому же принципу делается подавляющее большинство берестяных изделий. Если Вы успешно справились с этими образцами, то смело можете продолжить свою работу самостоятельно, и, увидев где-нибудь на картинке или в музее берестяное изделие, сделать его своими руками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д.К. Зеленин. Терминология лапотного дела // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР, Л., 1982. С. 137.

² С.И. Ожегов. Словарь русского языка. Издание 16. М., 1984. С. 285.

³ Д.К. Зеленин. Указ. соч. С. 140–141.

⁴ Там же. С. 141–142.

⁵ Подробно об этом инструменте и других приспособлениях для плетения из бересты см.: В.И. Ярыш. Каков инструмент, таков и мастер / Чело. 2001. № 2. С. 93–95.

⁶ Новгородский областной словарь. Вып. 4. С. 172. / Автор-сост. В.П. Строгова. Новгород, 1993.

⁷ Там же. Вып. 5. С. 48.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Л.А. Секретарь, Л.А. Филиппова. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника / Памятники культуры. Новые открытия. (Ежегодник) / Л., 1981. С. 427.

¹⁰ В.П. Строгова. Указ. соч. Вып. 5. С. 51.

¹¹ Д.К. Зеленин. Указ. соч. С. 141, 142.

¹² В.П. Строгова. Указ. соч. Вып. 3. С. 100.

¹³ В.П. Строгова. Указ. соч. Вып. 4. С. 172.

¹⁴ Там же. С. 172.

¹⁵ Там же. Вып. 5. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 122.

¹⁷ Там же. Вып. 4. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 114.

¹⁹ Там же. Вып. 2. С. 43.

²⁰ Там же. Вып. 10. С. 115.

²¹ Там же. Вып. 2. С. 43.

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

Скрябин Владимир Трофимович (1927-1989). Закончил Академию Художеств в Ленинграде в мастерской Бориса Иогансона. Член Союза Художников СССР. Выставлялся с 1950 года в СССР и за рубежом.

Музеи:

Москва: Третьяковская галерея, Министерство Культуры России.

Санкт-Петербург: Русский музей, Музей Академии Художеств, музей Истории Ленинграда.

Архангельск: Галерея Русского искусства.

Петрозаводск: Художественный музей.

Дрезден: Национальная галерея.

Токио: Художественная галерея «Guekesso».

Рисунки Скрябина — мир искренний и волнующий. Тончайший карандашный или перьевой рисунок тушью, легкие размывки. Уверенная рука мастера легко и точно передает характер времени, метко замечая и изящно передавая его мотивы. На них время не прошло и никогда не пройдет, замерев тем прекрасным мгном, который мы называем жизнью. Художнику удавалось в каких-то незначительных деталях передать стиль, одежду, быт, дух самого времени.

Еще его друзья в студенческие годы подшучивали над тем, что он беспрестанно рисовал: в общежитии и в аудиториях Академии, в библиотеке и на собрании, в столовой и на улице, в метро и кинотеатре.

Он не мог не рисовать. Это было способом его существования. Мир входил в него, преображался и выплескивался на полотна и бумагу характерными запоминающимися лицами, сцена-

ми. Для него это было осознание мира, человека в нем.

И уже тогда коллеги отмечали, как быстр и точен его рисунок, как метко схватывает и передает он характеры, позы, настроение, приметы самого времени.

Он лирик и романтик. Художники считали его лучшим рисовальщиком Союза художников.

У него своя манера рисунка, слегка ироничное и очень доброе отношение к современникам — людям, жившим с ним в одно время.

Но с той только разницей, что он будто осознал это, а они — его герои — нет, и жили безмятежно, словно будут молодыми всегда.

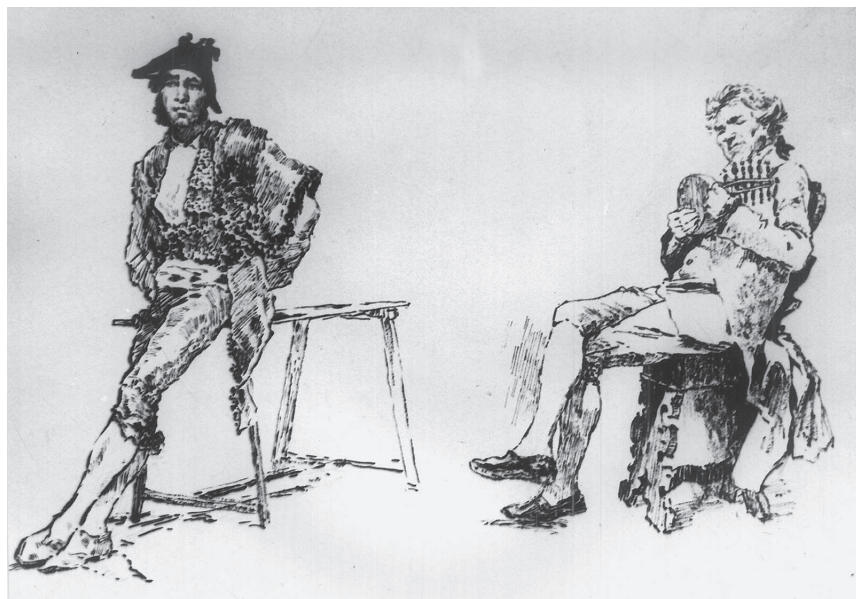
Его портреты психологичны и запоминаются навсегда. Редкая для того времени свобода, экспрессивность, «французистость», как шутили коллеги («Людмила», «Кокетка»), делали его манеру неподражаемой. А крепкая школа, прекрасное знание классического рисунка и заметная «неправильность» его, виртуозное владение школой и осознанный отход от нее, — делали его графику уникальной.

Своих чувств от зрителей он не скрывал, что особенно заметно в его многочисленных портретах женщин, в каждую из которых он, кажется, был влюблен.

Штрихи рисунков Скрябина — это действительно штрихи времени.

И для многих его творчество станет настоящим открытием большого Мастера с его искренним, добрым и влюбленным взглядом на жизнь, открытием художника, больше известного в Париже по выставкам, аукционам, салонам и каталогам, чем у себя на Родине...

Работы Владимира Скрябина

ФОРТУНИ

ФИЛОСОФ

ФАНТАЗИЯ

М. ШЕЙНИНА (Тереня)

ПУТИ ШЕСТВИЯ

художника Юрия СТОЛЯРОВА

Художник, родившийся, учившийся, работающий и живущий в Петербурге, обречен на постоянный диалог с этим городом. Город держит свою длань (десницу — как Вам больше понравится) на пульсирующем творческом «Я» и, так или иначе, руководит всеми его деяниями — плохо или хорошо — но творец оказывается во власти эстетических пристрастий полиса Петра. Пытаясь вырваться из наваждения, он путешествует, но возвращается время от времени, и город вновь властвует и овладевает душой художника, образуя тандем... А что из этого иногда выходит, посетители выставки произведений Юрия Столярова «Пути шествия», открытой в августе 2002 года в галерее «Кофе-Брэйк» могут увидеть сами...

Путешествия бывают — далекими и сложными — по времени и усилию, затраченному путешествующим, и близкими (и легкими) — по внутреннему усмотрению одного же. Путешествие по каналу Грибоедова с Ю. Столяровым ничуть не более близкое, нежели путешествие к ионическим берегам. И возможность повстречать необычное, неопознанное, но не опасное — летающую рыбу, например, также велика и и вероятно.

Художник путешествует в обычном мире с необычной способностью видеть и запечатлеть. А нам, зрителям, остается лишь уворачиваться от объектов запечатления.

Юрий Столяров — один из немногих питерских художников, мастерски владеющих графическими техниками. Он — виртуозный акварелист. Его акварельные виды Петербурга — наиболее дотошны в повторении архитектурных изысков, но нежны по цвету и необычайно тонки по цветосовмещению. Его скрупулезная архитектурная достоверность не скучна, так как заполняется воздухом-светом петербургского солнца, преломленного многократно в тучах, облаках, небесах, водах канала, снежных покровах (если виды — зимние). Его рыбы, населяющие город — небожители и воздухоплаватели — анатомически достоверны, а потому убедительно живы,

настолько, что иной раз возникает недоумение — куда они прячутся, когда я (зритель) бываю на улице, и как им удается не задевать меня (зрителя) своими хвостами-плавниками.

Юрий Столяров втягивает в свою действительность...

Путешествие «Северных ландшафтов» столь же безмерно — так работы этой серии сродни мистическим вселенским пейзажам Северного возрождения. Но не масштабом пространственных совмещений и вобранности в единый четырехугольный сгусток-картину, а вниманием и прописанностью части — части мира — с трудом вмещенной в раму, части мира — вне пространственно-временных сопоставлений, изменений и измерений.

Его камни, мхи, травы, деревья — часть Северного мира, нежно любимые нами своей зеленой анархией, своей бесконечно оттеночной многозеленой стихийностью и первозданностью, неизменностью. Единый миг многозеленой бесконечности пастельной феерии — это еще одна графическая техника, которой виртуозно владеет Юрий Столяров.

Те же стихии властвуют в южных путешествиях — морских, сухопутных. Звучат унисонно греческие работы художника в общем выставочном многоголосье, вернее то, что от них осталось — путешествие удалось, а «путевые заметки» разлетелись по миру и осели в лучших частных собраниях.

Феномен художника Юрия Столярова в том, что, находясь в XXI веке в эпоху развитого постмодернизма, он позволяет себе выбрать эстетику не грязевую, не обратную, не традиционную. Он использует опыт предыдущих для ненавязчивого и некичливого художественного высказывания, он самобытен и тем самоценен, он технологически (технически) виртуозен, его творческое размышление не претендует на квази-оригинальность, но он оригинален в своем неторопливом «путешествии» (перечислении) фиксации впечатлений художника-графика, акварелиста Петербурга XXI века.

Работы Юрия Столярова

ВЛАДИМИРСКАЯ ПЛОЩАДЬ

ПОРТРЕТ

ПАНК-РЫБА

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ

Кристина БРЮКНЕР, писательница, Германия.

Михаил БУДАРАГИН, студент филологического факультета НовГУ.

Марина БУРЬЯК, директор Новгородской музыкальной школы русского фольклора, руководитель театра «Кудесы», заслуженный работник культуры России, Великий Новгород.

Людмила ГОРОХОВСКАЯ, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург.

Татьяна ДАНЬКО, заведующая отделом использования документов ГАНО, Великий Новгород.

Андрей ЗАЛИЗНЯК, академик РАН, Москва.

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО, редактор и ведущая «Экспресс-радио» НГТРК «Славия», член Союза художников России, член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Екатерина ИВАНОВА, работник Новгородской областной библиотеки, Великий Новгород.

Нинель КУЗЬМИНА, реставратор, автор проекта реставрации церкви на Волотовом поле, заслуженный работник культуры, Великий Новгород.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ (1906–1999), литературовед, общественный деятель, академик.

Галия НАСУРДИНОВА, старший преподаватель НовГУ.

Вера РОМАШОВА, кандидат исторических наук, Великий Новгород.

Елена РЫБИНА, доктор исторических наук, профессор МГУ.

Ирина САВИНОВА, литературный сотрудник

газеты «Время новгородское», член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.

Тамара СИГАЛОВА, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Владимир СКРЯБИН (1927–1989), художник, член Союза художников СССР.

Юрий СТОЛЯРОВ, художник, член Союза художников России, Санкт-Петербург.

Нина ФЕДОРОВА, библиограф-краевед Окуловского БИЦ, Новгородская область.

Павел ФОКИН, кандидат исторических наук, Калининград.

Алексей ФРОЛОВ, кандидат филологических наук, Великий Новгород.

Светлана ЦВЕТКОВА, гид-переводчик ООО «Новтуринвест», Великий Новгород.

Юлий ЦИРКИН, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НовГУ, Санкт-Петербург.

М. ШЕЙНИНА, член Международной Ассоциации искусствоведов.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

Валентин ЯНИН, академик РАН, почетный гражданин Новгорода, Москва.

Владимир ЯРЫШ, руководитель студии декоративно-прикладного искусства «Новгородская береста» Новгородского городского Дворца культуры, член Союза художников России, Великий Новгород.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, Чудинцева ул., д. 6/64

Телефон: (816-22) 11-55-60, E-mail: chelo@novgorod.net

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 10.11.2003. Заказ № 486.

Бумага 80 г/м².

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-22) 27-883.

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

*Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на «Чело» обязательна.*

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор — Тамара СИГАЛОВА

Ведущий редактор — Елена БАРКАНОВА

Инженер-программист — Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Редактор отдела — Нелли ПШАНСКАЯ

Редактор отдела — Александр КУДРЯШОВ